

М. ВОЛКОНСКИЙ

Мне жаль тебя,
герцог!

Михаил Николаевич Волконский

Мне жаль тебя, герцог!

Князь М. Н. Волконский — «русский Дюма», автор романов, центром которых становится неофициальная история XVIII века, сплетающаяся из целого ряда интриг и отношений, разгадать и открыть которые представляется возможным лишь спустя многие годы. Бирон и бироновщина — одна из излюбленных тем писателя.

Последние дни царствования Анны Иоанновны. В чьих руках окажется власть? Бирона, временщика, любимца императрицы, или Анны Леопольдовны, ее племянницы и наследницы престола?

«Мне жаль тебя, герцог!» — сказала императрица, бросив перо и отстраняя от себя рукою подписанную ею бумагу Слова эти сделались историческими, и после превратностей, постигших Бирона, прозорливые историки стали видеть в них пророчество о печальной судьбе герцога».

Тайны и загадки, сложные переплетения событий, в которые попадают герои книги, невероятные интриги и приключения сделают чтение романа захватывающим с самых первых страниц.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	0008
1 ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	0008
2 НЕИЗВЕСТНЫЙ	0010
3 ФУТЛЯР	0016
4 А ВОТ И Я	0022
5 МИТЬКА СНОВА УСТРАИВАЕТСЯ	0027
6 ВЗГЛЯД НАЗАД	0036
7 МИТЬКА И ГРУНЬКА	0047
8 СЕКРЕТ	0053
9 ЭТО НАДО ЗАПОМНИТЬ	0057
10 ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЪЮНКТУРЫ	0062
11 ПРОШЛОЕ БИРОНА	0068
12 ОНА ВЛЮБЛЕНА	0073
13 РОМАН ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ	0077
14 МИНИХ И ОСТЕРМАН	0083
15 ВЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК	0088
16 ТРИ НЕМЦА	0096
17 ЧЕТВЕРО РУССКИХ	0101
18 НАЧИНАЕТСЯ	0110
19 ЧЕРНОЕ ДОМИНО	0115
20 ВОТ ТАК ДЕЛАЮТСЯ ДЕЛА	0121
21 СЕЛИНА ДЕ ПЮЖИ	0128
22 ПЛАН ДЕЙСТВИЙ	0133
23 ГАДАНИЕ	0139
24 ДВЕ СОПЕРНИЦЫ	0145

25 СТАНИСЛАВ	0152
26 САМЫЙ ЛОВКИЙ И ХРАБРЫЙ ЧЕЛОВЕК	0158
27 ВОТ И НАЧАЛОСЬ	0164
28 ПЕРВАЯ СТЫЧКА	0169
29 ДРУЖЕСКИЙ СОВЕТ	0174
30 ЗДРАВЫЙ УМ	0180
31 СТАРАЯ СОБАКА	0188
32 МИНИХ В НЕРЕШИМОСТИ	0195
33 В ПОИСКАХ ГАДАЛКИ	0200
34 ГРЕМИН ДЕЙСТВУЕТ	0206
35 ЖЕНСКОЕ СЕРДЦЕ	0212
36 ЯВЬ ВО СНЕ	0218
37 ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН	0229
38 СЛУЧИЛОСЬ ЭТО ПРОСТО	0234
39 ИЗНАНКА НАЛИЦО	0240
40 ПОСОЛ	0245
41 ОТЪЕЗД	0250
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	0256
1 В ДРЕЗДЕНЕ	0256
2 ГРАФ ЛИНАР	0260
3 КТО СТАРОЕ ПОМЯНЕТ	0266
4 НАПУТСТВИЕ	0273
5 В ДОРОГЕ	0280
6 НАПАДЕНИЕ	0285
7 ОПЯТЬ ВСТРЕТИЛИСЬ	0291
8 ПОЧИНКА МОСТА	0298
9 БИРОНОВСКИЙ БЛАНК	0303
10 ПРЕДАТЕЛЬСТВО	0309

11 ГИБЕЛЬ МИТЬКИ	0315
12 ЖЕНСКИЕ КРУЖЕВА	0320
13 ВТОРОЙ БИРОН	0326
14 ПРОВЕРКА	0331
15 СТАРАЯ КАРГА	0336
16 ПЕРЕМЕЛЕТСЯ, МУКА БУДЕТ	0342
17 НЕОЖИДАННЫЙ ОБОРОТ	0347
18 В ПЕТЕРБУРГЕ	0353
19 ГРЕМИН ПРОДОЛЖАЕТ РАССКАЗ	0358
20 ЕЩЕ ПОДРОБНОСТИ	0365
21 КОФЕ	0370
22 ЛЮБИТ — НЕ ЛЮБИТ?	0377
23 СВИДАНИЕ	0383
24 ПОСОЛ ПРЕКРАСНОЙ ФРАНЦИИ	0388
25 АУДИЕНЦИЯ	0394
26 НАЕДИНЕ	0400
27 ТЕНЕТА	0409
28 ВОЕННЫЙ СОВЕТ	0416
29 ПАДЕНИЕ МИНИХА	0421
30 ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ	0427
31 НЕВОЗВРАТНОЕ ВРЕМЯ	0435
32 ЛЕТО 1741 ГОДА	0441
33 КТО ОНА?	0447
34 КАЩЕЙ	0453
35 ТАЙНА АЛЬБОМА	0458
36 ОТ МАЛЫХ ПРИЧИН	0464
37 СВАХА	0471
38 ОТВЕТ	0477

39 СОЖЖЕНИЕ КОРАБЛЕЙ	0483
40 СУДЬБА	0489
41 ЗЕЛЕНЫЙ ПОРОШОК	0496
42 ПЕРСИДСКОЕ ПОСОЛЬСТВО	0503
43 ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ НОЯБРЯ	0511
44 ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ	0517
45 ЧЕРНЫЕ ГЛАЗА	0524
46 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	0529

Михаил Волконский
МНЕ ЖАЛЬ ТЕБЯ, ГЕРЦОГ!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Россия погрузилась в траур: 17 октября 1740 года скончалась императрица Анна Иоанновна.

Для большинства жителей Петербурга кончина государыни явилась событием совсем неожиданным, так как болезнь Анны Иоанновны тщательно скрывали. Зачем это делалось — было неизвестно, и, кажется, единственным объяснением этому служило просто-напросто суеверие — боязнь излишней огласки и того, что могут сглазить большую. Высокопоставленные лица, имевшие доступ ко двору, и послы иностранных держав, наведывавшиеся во дворец, чтобы узнать о здоровье императрицы, получали неопределенные ответы, а то и вовсе их не получали; так, одному из послов вместо разговора об императрице предложили сыграть в карты.

В самый день 17 октября спешно были

разосланы скороходы и курьеры с известием, что государыне плохо, и все, кто только мог, явились во дворец.

Любимец императрицы, герцог Эрнст Иоганн Бирон остался с ней незадолго до ее кончины, выпроводив из спальни всех, кроме графа Остермана, у которого в кармане был заготовлен проект духовного завещания Анны Иоанновны. Этот проект прочитали умирающей. Главными пунктами его были: передача престола малолетнему Иоанну Антоновичу и назначение впредь до его совершеннолетия регентом Российской империи герцога Курляндского Бирона.

Когда Остерман прочел этот пункт, умирающая императрица поглядела на своего любимца и спросила его:

— Надо ли тебе это, Эрнст?

Он опустился на колени у ее изголовья и стал, всхлипывая, говорить о том, что как же иначе ему, осиротевшему, без нее, что власть может остаться за ним только в том случае, если ее укрепит государыня своей державной волей.

Она взяла из рук Остермана перо, с трудом

подписала завещание и, вздохнув, сказала Бирону:

— Мне жаль тебя, герцог!

2

НЕИЗВЕСТНЫЙ

Смерть государыни и назначение регентом, то есть в сущности, полновластным хозяином России, герцога Бирона, произвели во всей России, а в Петербурге особенно, двойного рода впечатление.

Одни — это были немцы — не скрывали своей победы и торжества и открыто радовались упрочению своего полновластия; они, конечно, понимали, что если им было хорошо на Руси при жизни императрицы, когда немец Бирон управлял ее именем, то теперь, когда он станет творить свою волю от своего имени, им, его соотечественникам, будет полная лафа.

Другие — русские — грустили, а то и вовсе убивались, вздыхали и крестились.

Среди русских, в особенности при дворе, были, к сожалению, такие, которые старались

подделаться к немцам ради устройства своих собственных дел и ради собственной выгоды; но в широких слоях русской массы, кажущейся как будто равнодушной, но на самом деле весьма чуткой, когда это нужно, началось брожение.

Правда, недавняя ужасная судьба Волынского, казненного всенародно на площади за то, что он посмел выступить против Бирона, страх перед беспощадным «словом и делом», беспрестанно раздававшимся повсюду, и рассказы о пытках сдерживали многих, но вместе с тем были и такие головы, что им именно и хотелось идти на риск, пострадать, если это нужно, потому что так жить, под гнетом иностранцев у себя на родине, казалось им невозможным.

Молодой Василий Гремин особенно остро чувствовал доходящую до обиды тоску по поводу случившегося. Уже второй день после того, как новость разнеслась по Петербургу, он никуда не выходил, довольствуясь теми сведениями, которые он читал в «Санкт-Петербургских ведомостях» и узнавал от старого дворецкого Григория. В подробности Гремин

не вдавался, да ему и не нужно было их, ибо главное, то есть установление регентства немца Бирона, поглощало в себе все.

Неодетый, неумытый, непричесанный, Гремин слонялся по комнатам своего дома, не находя себе места, и лучше всего ему было, когда он подходил к окну и, прижавшись лбом к холодному стеклу, напряженно всматривался в туманные петербургские октябрьские сумерки, окутывавшие деревья сада, изредка оживляемые налетавшим осенним ветром.

Почти уже оголенные ветви как-то беспорядочно-суетливо перекачивались одна к другой, рябили в глазах, и эти беспорядочно движущиеся ветки, казалось, единственно совпадали с его мыслями, и ощущаемый холод вполне соответствовал его душевному холоду.

«Добро бы, — думал он, — нас немцы завоевали — пришли, побили и стали у нас господами, обратив нас в рабство, как некогда это сделали татары! А ведь тут простой конюх, грубый немец завладел русской властью, и мы перед ним опустили и руки и голову!.. И

неужели так тому и быть?! Нет, невозможно это!»

Гремин круто повернулся от окна: ему захотелось поскорее, сейчас, сию минуту что-нибудь сделать, и он задвигался, заметался.

Он перешел в другую комнату — столовую, выходящую окнами на улицу.

По улице двигались люди и проезжали экипажи, но Гремину казалось, что все они, эти люди, спешат, торопятся по своим делам, и никому из них нет нужды до того, что Россия покорена временщиком и что они все и он, Гремин, должны служить этому временщику, его прихотям, его власти, забыв не только о себе, но и о России.

Когда Гремин видел людей даже издали, он ощутительнее чувствовал свое одиночество, он думал, что так, как он, чувствует он один и не найдет больше никого, с кем он мог бы поделиться своей тоской.

В самом деле, он был одинок в этом широко раскинувшемся, так недавно основанном еще городе. Его отец, Гавриил Мартынович Гремин, был одним из молодых людей, которых Петр Великий посылал на выучку за гра-

ницу. Времени он за границей даром не потратил, вернулся в Россию и, как ярый поборник идей великого царя, всю свою жизнь отдал на устройство Петербурга. Старик Гавриил Гремин, в свою очередь, посылал сына Василия за границу, и, побывав в Германии, Василий узнал, каковы немцы у себя дома, каковы там порядки, и убедился, что хотя там, конечно, много хорошего, но и в России не так уж все и дурно, а родной обычай все-таки лучше иноземного. Как ни пытался старый Гремин переделать сына на свой лад, того все тянуло на щи да на квас, а от пива да кнастера он нос воротил.

Вся родня Гремина жила в Москве и внутри России. Своей матери Василий не помнил, так что, когда умер отец, он остался в Петербурге бобылем и собирался было ехать в Москву, которой он совершенно не знал, но которую любил и чувствовал...

В это время как раз скончалась императрица, а Россия была отдана во власть герцога Бирона.

Гремин прошелся по столовой и, несмотря на то что ему хотелось двигаться и ходить,

сделал обратное: сел у стола, положил руки и опустил на них свою голову.

Долго или нет просидел он так, он не знал. Он не спал уже вторые сутки и помнил, что ему случалось в это длившееся словно томящая старость время забываться где попало. Так и теперь: он не то забылся, не то вовсе заснул. Но вдруг его словно ударило что: он поднял голову и увидал, что по другую сторону стола, прямо против него, стоит высокого роста человек и смотрит на него своими большими, выпуклыми черными глазами. Когда Гремин глянул на него, незнакомец выждал несколько секунд, как бы для того, чтобы лучше он заметил его лицо, а затем положил на стол сафьяновый футляр, повернулся и вышел из комнаты.

А Василий был так поражен, что не смог сразу опомниться, и когда встал и кинулся за незнакомцем, того уже и след давным-давно простыл.

Оказалось, что никто из домашних не заметил прихода незнакомца. Правда, в прихожей как раз никого не было, но и на дворе, и у ворот, хотя там сидели люди, никого не было

видно из чужих.

Произошло нечто поразительное и как бы сверхъестественное, и, если бы не оставшийся на столе футляр, Гремин голову отдал бы на отсечение, что просто человек с черными глазами ему во сне пригрезился.

3

ФУТЛЯР

Футляр, оставленный на столе, был небольшой, красного сафьяна, с бронзовыми золочеными уголками и невысокий — такой, какой легко спрятать в кармане.

Гремин открыл его не без страха, и этот страх был настолько велик, что если бы не крайнее любопытство, то Василий и не прикоснулся бы к нему, к этой столь неожиданно попавшей к нему вещице.

Внутри футляра лежала небольшая коробочка, квадратная, вроде табакерки, золотая, с выгравированными на крышке фигурными литерами, чрезвычайно изящной работы.

Гремин долго разглядывал в нерешительности открыть ее или нет. Наконец он при-

поднял крышку и, заглянув под нее, увидел в золотой коробочке густо-зеленый порошок; но это был не табак, потому что он ничем не пах; вернее, по виду это был молотый, словно измельченный в пыль металл.

Вдруг Гремин закрыл коробочку, захлопнул футляр и кинул его на стол. Ему пришло в голову, уж не опасное ли какое-нибудь зелье тут, а может быть, яд, и он позвал Григория, чтобы посоветоваться с ним.

Старый дворецкий, не только бывавший с отцом Василия за границей и подолгу живавший там, но и научившийся говорить по-немецки, никогда и ничему не удивлялся и неизменно хранил такое величавое спокойствие, что во дворе его считали чуть ли не колдуном, который знает и умеет больше других. Он вошел и, едва взглянув на футляр, кивнул головой и улыбнулся, словно этот футляр был знаком ему. По-видимому, это так и было на самом деле, потому что, не раскрывая его, Григорий сказал:

— Тут должна быть маленькая золотая табакерка с зеленым порошком.

— Вот именно с зеленым порошком! —

подхватил Гремин. — А ты, значит, видал этот футляр и раньше?

Старик Григорий задумался и стал глядеть мимо молодого барина.

— Видел, — наконец произнес он.

— У моего покойного батюшки?

Григорий отрицательно покачал головой.

— У другого кого-нибудь?

— Да, у другого.

— Здесь или за границей?

— За границей.

— Что ж тут такое, и кому принадлежит футляр с коробочкой?

— Теперь он принадлежит вам, если вам его принесли и отдали. А больше ничего я вам не могу и не смею говорить!

— Ну а если я тебе прикажу?

— Воля ваша, господская, а только я имею приказание от вашего батюшки, Гавриила Мартыновича, и послушаться этого приказания даже по вашему приказанию не осмеюсь.

— Как? Покойный батюшка запретил тебе говорить мне об этом футляре? Значит, он знал, что мне его принесут?

— Несомненно знал!

— Значит, тебе известен и тот, кто принес сюда эту вещь, этот человек с черными глазами?

— Известен, но только говорить мне об этом тоже запрещено.

— Тьфу ты! — рассердился Гремин. — Все запрещено да запрещено!.. Убирайся тогда со своим футляром... возьми и убери его!.. Я и глядеть на него не хочу!..

— А я посоветовал бы вам, Василий Гаврилович, спрятать это, как драгоценность! Может, придет время, когда вы обрадуетесь, что этот зеленый порошок именно у вас хранится.

— А я могу быть уверен, что это не яд и что это не какое-нибудь проклятое зелье, примерно предмет для волхвования?

— Нет, батюшка, Василий Гаврилович! — ответил Григорий, — никакого тут предмета для волхвования нет и вредоносного яда тоже; хоть к лампадке образа кладите, греха не будет. А сохраните вы этот порошок как последний дар родителя вашего и помяните лишний раз в молитве о его душе.

— Так что же, по-твоему, мне хранить, самому не зная что, и даже без надежды узнать когда-нибудь?

— Придет время, узнаете!

— Не могу ли я, по крайней мере, сам предпринять что-нибудь, чтобы раскрыть эту тайну?

Григорий опять загадочно и двусмысленно улыбнулся, опять покачал головой и со своим невозмутимым равнодушием проговорил:

— Конечно, батюшка, можете; я связан приказанием покойника, а вам запрета не положено. Только об одном прошу: обещайте мне, что, если розыск чинить станете, не назовете меня и не скажете, что я что-нибудь знаю, потому что уж если я вам ничего сказать не могу, то пред всяким другим, хотя бы перед самым герцогом Бироном, наотрез отрекусь, будь то даже на дыбе!

— Ах, не напоминай ты мне про этого Бирона! — воскликнул Гремин и снова заходил по комнате. — Как вспомню только, что Россия отдана ему в полное владение, так кулаки сжимаются, и, кажется, так бы на стену и полез!

— Да! — вздохнул Григорий, — не пожалела нас матушка-императрица покойная!.. И последние ее слова были к этому герцогу, люди говорили: «Мне жаль, дескать, тебя, герцог!»

— Расстаться ей с ним жалко было... взяла бы его с собой!

— Ну нет, Василий Гавриилович, так не говорите!. Потому, не нам знать: пути Господни неисповедимы!.. Видно, так и должно быть по грехам нашим!.. Испытание нам посылается свыше!..

— Ну хорошо! Если мы нагрешили тут, в Петербурге, так за что же вся Россия должна терпеть?

— Значит, всей землей мы грешили; Господь потому испытует Россию, что любит ее! Сказано, когда мир не познал Бога в премудрости Божьей, в юродстве проповеди дал Господь спасение. Видно, нужно, чтобы народ почувствовал.

Гремин сделал усилие, стараясь понять слова Григория, но ничего не понял в них и только смутно почувствовал их правоту, и то больше благодаря уверенному, не допускаю-

щему возражения тону, которым говорил Григорий.

4

А ВОТ И Я

— **А** вот и я, — сказал Митька Жемчугов, вваливаясь к Гремину и отряхивая свою треугольную шляпу, с которой лилась вода. — Ишь, какой дождик!.. То есть, если бы не ты посылал за мной, ни за что, кажется, на улицу не вышел бы!

Да уж одно слово — Петербург, — проговорил по-прежнему сидевший у себя дома в шлафроке Гремин. — Разве тут может что быть в порядке? Вчера мороз, а нынче дождик!

— Ливень, братец!

— Басурманская страна, да и только!

— Ну а ты, вижу я, сидишь нечесаный и небритый, свинья свиньей. Что случилось? Зачем ты посылал за мной?

Гремин, получив невероятно-неожиданным способом сафьяновый футляр с таинственной табакеркой и не добившись ничего

от Григория, послал за Жемчуговым потому, что за Митькой уже давно установилась такая слава, что если он захочет, то докопается до какой угодно самой сокровенной тайны. И споровка, и нюх у него были совершенно замечательные на этот счет.

— Да вот, братец, тут дело у меня стряслось такое, — начал было пояснять Гремин.

— Но чего же ты свиньей сидишь? — перебил его Митька, видимо не очень торопясь выслушать его рассказ о «деле».

— Ах, да я сам не свой хожу! — ответил тот, махнув рукой. — Разве можно быть хладнокровным...

— А что так?

— Да как же, братец!.. Русский я или нет?

— Думаю, что русский!

— Ну так какво мне, если стал над нами Бирон!

— Он назначен регентом волей государыни!

— Мертвой! Она мертва уже, а мы ведь живые люди. Я рабом герцога Курляндского не хочу быть. Говорят, что перед смертью государыня сказала ему, что ей жалко его.

— Сказала!

— Ну вот, я и говорю, что жаль, что она его с собой не забрала!

— Слышь, Василий! — перебил его Жемчугов, — ты зря не болтай о том, чего не знаешь или понять не можешь!

— Да что тут такого понимать?..

— А вот что сказала государыня. Покойная императрица Анна Иоанновна была большого ума человек: может, при ней и управлял всем тот же Бирон, но властвовала она сама. В крепкой руке держала она скипетр. И что же, разве Российскому государству был какой-либо ущерб при ней? Нет, наша держава возвеличилась в Европе. И войны мы вели победоносные, и Россия расширила свои владения. Но не в том тут суть... А сказала эти слова государыня перед смертью Бирону потому, что он просил назначить его регентом...

— Ну?

— Ну вот тут-то, подписывая по просьбе герцога завещание с назначением его регентом, и сказала она, что ей его жаль, потому что понимала и знала, что подписывает ему приговор.

— Приговор?

— А ты думаешь как? Неужели ты полагаешь, что герцогу Курляндскому, бедному немцу, долго усидеть на правлении одному в России? Держался он, пока угодно было государыне держать его, ну а полез сам, тут ему и голову сломить...

— Постой, — стал спрашивать Гремин, — как же это так? Ведь теперь Бирон — регент, верховный правитель; кто же теперь сможет против него?

— А как ты думаешь — одни мы с тобой, что ли, которые чувствуют обиду, что чужой немец сел над нами? — серьезно заговорил Митька. — Ведь если ты чувствуешь это, то почему? Потому что ты — русский!

— Ну да, потому что я — русский.

— Так ведь, значит, каждый русский, в свою очередь, то же самое чувствует.

— Да кто посмеет заговорить об этом? Ведь «слово и дело» сейчас же закричат, и язык выдернут, и на дыбу поднимут... Ведь если мы с тобой говорим так, то только потому, что знаем хорошо друг друга, уверены, что друг друга не выдадим.

— Ну вот, может быть, нам и суждено с тобой свалить герцога...

— Нам с тобой?

— Ты слыхал сказку про великана? — пояснил Митька. — Прошел он громадные горы, добрался до самой вершины самой высокой горы; но тут попался ему под ноги маленький камушек: подвернулась нога у великана на том маленьком камушке, и полетел он со своей высоты. Говорили потом, что великан сам упал, а камушка никто не заметил, и о нем не говорили уже.

— И ты думаешь, это будет возможно?

— А вот увидим.

— Я душу отдам, всего самого себя! — восторженно проговорил Гремин.

— Нужно будет — потребую; помни, Василий! — проговорил Митька и, меняя тон, добавил: — Ну а в чем же состоит твое дело?

МИТЬКА СНОВА УСТРАИВАЕТСЯ

Митька Жемчугов внимательно выслушал рассказ Гремина о том, как неизвестный человек с черными глазами принес ему футляр с табакеркой, содержащей в себе таинственный зеленый порошок, и как затем этот неизвестный исчез.

Когда Гремин закончил говорить, Митька покачал головой, выпятил губы и произнес с задумчивости:

— Дело, брат, сложное, но занятное. Слышал я и прежде про эти самые обстоятельства, но никогда не удавалось мне дойти до их сути!

— Постой, — стал спрашивать Гремин, — о каких обстоятельствах и о какой сути ты говоришь?

— Да вот об этой самой порошочной.

— Ты знаешь, какой это порошок?

— Знать-то еще не знаю наверное, но догадываюсь. Твой отец был знаком с графом Брюсом?

— Да, был.

— Имел с ним сношения?

— И очень тесные.

— Ну вот, то-то и оно!

— Ты думаешь, что этот порошок имеет какое-нибудь отношение к графу Брюсу?

— Я, брат, никогда ничего не думаю, а или знаю что-нибудь, или не знаю. Думают же умные люди да индейские петухи; куда же нам с нашим рылом да в калашный ряд!

— Ну хорошо. Что ж теперь ты знаешь тут, а чего не знаешь?

— Знаю я, брат, что граф Брюс занимался алхимией и всякими такими науками, знаю, что в каких-то старинных книгах написано, что при «великом делании»...

— Это что ж такое: «великое делание»?

— Приготовление философского камня и золота. Так вот при великом делании в атонаре, то есть в сосуде, где на огне происходит приготовление, получается зеленый порошок.

— Такой, как у меня в табакерке?

— Этого не знаю, потому что никогда философского камня не приготавливал, золота не де-

лал и зеленого порошка не видел. Вот и все, что мне известно, но утверждать, что у тебя в табакерке именно алхимический зеленый порошок, я опять-таки не могу. Может быть, это что-нибудь другое.

— Уж не знаю тоже, — сказал совсем равнодушно Гремин, — я никогда не видел, чтобы отец занимался алхимией.

— Ну да! Так тебе алхимик и будет говорить о своих делах непосвященным!

— Так отчего же отец не посвятил в них меня? Правда, я никогда не имел вкуса к подобным вещам...

— Ну вот видишь!.. Эх, посмотрю я на тебя, Василий, — проговорил Митька, оглядывая пухлую, белотелую фигуру приятеля, — совсем не по Петербургу ты человек. Тебе бы не здесь, в чухонском болоте, киснуть, а туда, в глубь земли отправиться на пашню да хлеб родить.

— Да вот я то же говорю, — заметно оживляясь, подхватил Гремин: — лишь бы к мужику поближе. Я всю жизнь об этом самом говорю, да отец меня не пускал.

— Удивляюсь, как ты с такой жизни не

спился! Много вот таких, как ты, погибло тут, в Петербурге, волей царя Петра Алексеевича. Впрочем, он говаривал: «Лес рубят — щепки летят!»

— Нет, брат, не то. «Лес рубят — пеньки остаются», — вот что ты скажи. Мне на родную землю хочется, чтобы силы снова набрать от нее.

— Так за чем же дело стало? Ведь ты теперь, со смертью родителя, стал свободен и полный хозяин своей персоны, и времени, и поместий, и денег... Соберись! Дом можешь продать; у тебя его любой немец купит за хорошие деньги. В деревне у тебя, почитай, целы еще дедовские хоромы с теремами и со светелками.

— Целы, Митька, целы! — с восторгом произнес Гремин.

— Ну так за чем же дело стало? Собирайся, отправляйся туда, и — конец!

— Я и то подумываю, серьезно подумываю. И уехал бы непременно, если бы не беда, случившаяся с Россией. Ведь подумай: если все русские люди уедут из этого Санкт-Петербурга да здесь одни немцы с Бироном так-таки

останутся да начнут над Русью измываться, так ведь они ее, матушку, уложат в лоск, против веры пойдут... Неужели допускать до этого?

Митька смотрел на Гремина, улыбаясь серьезной улыбкой человека, не обманувшегося в своих ожиданиях и с удивлением сознающего, что его расчеты полностью оправдываются на деле.

— Ну а ты разве сможешь помешать чему-либо, если останешься здесь? — спросил он.

Гремин отрицательно покачал головой и глубоко вздохнул.

— Нет, я себя героем не считаю и подвиги совершать не мне, но, оставаясь в Петербурге, я знаю, что буду живым укором здешним немцам как русский человек: посмотрят они на меня и пристыдятся. А ежели мне за русскую землю пострадать придется, так что же об этом говорить? За счастье сочту такой конец для себя.

— Это ты правильно рассудил, — одобрил Митька. — Ну а если ты вдруг в какую ни на есть немецкую мамзель влюбишься? Тогда

что будет?

— Это я-то?

— Да, ты-то.

Гремин расхохотался — таким несуразным ему показалось предположение Жемчугова — и воскликнул:

— Нет, брат, теперь не до таких дел! Когда же теперь об амурах думать? Теперь надо о родной земле стараться и ради нее все остальное забыть. Мне ничего на ум прийти не может теперь, кроме нашего общего горя.

— Да ты, брат, совсем хороший парень, — воскликнул Митька, — молодец, право слово, молодец!.. Так оно и следует. Ну а как ты думаешь поступать с тем, кто уже имел зазнобу? Вот хотя бы взять сожителя моего Ваньку Соболева?

— Иван Иванович, у которого ты проживаешь? Что ж он?

— Да женится на днях, своим домом обзавестись желает. Такие у него обстоятельства подошли. Тут длинная история, и когда-нибудь ты о ней узнаешь. Пока же скажу — он свое счастье нашел!

— Ну а ты как же? — спросил Гремин.

— Как я?

— Ну да! Ведь если Соболев женится, так тебе у женатого человека оставаться на холостой ноге не придется... Ты куда же денешься?

Жемчугов молчал. По-видимому, он еще сам себе такого вопроса не задавал.

— Не знаю, — проговорил он, — я о себе еще не думал. В самом деле, мне оставаться у него неловко, если он женится.

— Знаешь что, Митька, — предложил Гремин, — переезжай тогда ко мне! Право, будет все отлично: я ведь теперь одинок, дом у меня большой, я тебе отведу лучшую горницу, а уж рад буду, как не знаю что!

— А что же, — проговорил Митька, — и вправду, возьму и перееду к тебе. Ты мне понравился сегодня вконец. Знаем мы друг друга давно, но все-таки я не думал, что таков ты, как это на самом деле. С тобой кашу сварить можно.

— И сварим! — Гремин протянул руку Жемчугову.

— Только откровенность за откровенность, — сказал тот, ударяя по руке Греми-

на. — Ты мне признался, что сердце у тебя, как это говорится, свободно, а я, брат, «пленен».

— И кто же твоя Пленира?

— Крепостная, брат, девка.

— Крепостная? И ты любишь ее?

— Очень.

— Простую крепостную?

— Не совсем она простая.

— А какая же?

— Да лучше всех Пленир из благородного звания.

— Образованная?

— Очень образованная. Ее, видишь ли, прежний ее помещик в актрисы готовил и обучил всему за границей. А теперь она досталась в крепость сестре его жены, дворянке Убрусовой.

— Послушай, так ведь тебе, чтобы жениться, нужно откупить ее!

— Вот именно.

— А много ли за нее эта Убрусова просит?

— А почему я знаю? Я не приценялся. Все равно денег у меня нет.

— Как же тебе быть тогда, Митька? Как зо-

вут твою девушку-то?

— Аграфеной, а в сокращении зовут попросту Грунькой.

— Да, — вздохнул Гремин, — знаешь, легче, мне кажется, освободить Россию от немцев, чем обмозговать твое дело.

— И потруднее дела обмозговывали! — махнул рукой Митька, не смущаясь. — Уж если только от немцев Россию освободим, так мое-то дело пустячным окажется впоследствии.

— Люблю тебя за то, что не унываешь, — проговорил Гремин. — Но как же твое дело окажется пустячным, если мы от немцев Россию освободим?

— Да ведь тогда вместо немцев над нами свои русские сядут, — понижая голос, произнес Митька.

— Авось Бог даст.

— Ну и эти русские помогут мне в награду за мою службу жениться на Груньке. Только на это я и могу рассчитывать.

— Так я тебе буду вдвойне помогать тогда, — решительно заявил Гремин. — Ты мне веришь, Митька?

И Митька сказал:

— Верю!

6

ВЗГЛЯД НАЗАД

Чтобы читателю было вполне понятно, как шел ход развивающихся событий и взаимоотношения действующих лиц, необходимо вернуться несколько назад и вспомнить обстоятельства, при которых появились на сцене главные герои этого правдивого повествования.

Всемогущий при императрице Анне Иоанновне герцог Бирон, этот жалкий немецкий выскочка, это создание слепого случая, как ни высоко забрался, все-таки никогда не чувствовал себя прочным на своей случайной высоте. Он знал, что его ненавидят в России, и, будучи человеком ограниченным от природы, всяческими способами старался заглянуть в будущее, чтобы увидеть там свою судьбу. С этой целью он держал при себе итальянца, доктора Роджиери, магнетизера, гипнотизера, чтеца чужих мыслей — вообще одного из тех

проходимцев-авантюристов, которыми так изобиловал XVIII век.

Герцогу удалось найти весьма подходящего субъекта для внушения, при помощи которого он, пользуясь услугами Роджиери, мог узнать свое будущее. Это была молоденькая турчанка, купленная в Константинополе на рынке рабов литовским помещиком Андреем Угембло, жившим постоянно в Гродно. Однако Угембло приобрел полудикую девочку вовсе не для своего гарема. Он привязался к ней, как к родной дочери, крестил ее именем Эрминии, воспитал по-дворянски и даже удочерил ее, несмотря на то что у него была и родная дочь Мария, вышедшая замуж за поляка Станислава Ставрошевского, авантюриста очень невысокого полета, продававшего свои услуги каждому, кто был в состоянии ему заплатить.

В то время в злополучной Польше шла яростная борьба за престол между Лещинским и Вишневецким, и Ставрошевский служил первому, а Угембло стоял за второго. В гневе на зятя старик лишил наследства родную дочь в пользу приемной, но Эрминия как

раз была увезена из Гродно. Старик в горе пустился разыскивать ее. Между тем Эрминия очутилась в Петербурге, где Бирон поместил ее в пустовавшем доме среди сада на берегу Фонтанной. Сюда он нередко наезжал с доктором Роджиери. Итальянец погружал Эрминию в гипнотический сон и заставлял ее рассказывать о будущем курляндского выскочки, постоянно дрожавшего за свою власть.

Царствование императрицы Анны Иоанновны уже подходило к концу. У государыни развивался недуг, сведший ее в могилу. Для Бирона настали полные тревоги дни. Он понимал, что с Анной Иоанновной должно кончиться и его могущество, и изыскивал всяческие средства, чтобы удержаться на высоте и после ее смерти.

Бирон не ошибался в настроении русских. Среди них у него были приспешники, холопы, но не было друзей. Даже в таком страшном учреждении, как Тайная канцелярия, такие страшные люди, как глава санкт-петербургских, времен Петра кнутабойцев Андрей Иванович Ушаков и его помощник, знаменитый впоследствии своими розыскными делами

Шешковский, только и думали о падении курляндского авантюриста и даже стремились создать к этому всяческие подходы.

В этой страшной канцелярии в качестве тайного агента служил в то время молодой помещичий сын Дмитрий Жемчугов. Это был разбитной парень на все руки, веселый, гуливый, большой разумник, по характеру словно созданный для того, чтобы постоянно вращаться среди интриг и всевозможных хитросплетений.

О том, что он — правительственный сыщик и провокатор, знали очень немногие. Для большинства это был просто веселый товарищ, устроитель всевозможных проделок, никогда даже перед старшими за словом в карман не лазавший. Тайна, которой было окружено участие Жемчугова в сыске, соблюдалась так строго, что даже доверенный Бирона, старый немец Иоганн, приказал двум своим наемникам — латышу Пуришу и поляку Финишевичу — наблюдать за ним, как за опасным человеком.

Но Жемчугов не поддавался никаким ухищрениям соглядатаев. Он всегда был на-

стороже, да кроме того, его друг Шешковский не раз помогал ему выпутываться из опасных положений.

Служа в Тайной канцелярии, Дмитрий Жемчугов, или попросту Митька, как его звали в кружках молодежи, ненавидел Бирона и постоянно думал только о том, как бы избавить Россию от этого иноземного тирана. Он даже подобрал себе компанию единомышленников, стремившихся к тому же и только ждавших такого случая, который позволил бы им осуществить свои замыслы.

Судьба улыбнулась Митьке и его друзьям: они провели о таинственных прогулках Бирона в лодке по Фонтанной, но не знали еще, куда и к кому он ездит.

Однако и тут Митьке помог всемогущий случай.

Он жил в квартире у своего закадычного друга, Ивана Соболева, тоже помещичьего сына, проводившего свое время в ничегонеделании. Соболев был парень весьма недалекий, но благодушный. Митьку Жемчугова он очень любил и не подозревал даже, где тот служит. Митька не раз пользовался доброду-

шим Соболева и в один летний вечер зазвал его в герберг, то есть кабачок, близ Невской першпективы. Он разнюхал, что в этот вечер герцог поедет по Фонтанной, и решил выследить, куда тот ездит. Соболев нужен был ему как лишний человек при этой слежке.

Однако вышло так, что у Митьки и его компании завязалась ссора с офицером-немцем бароном Цапфом фон Цапфгаузенем из-за молодого турка Ахмета, которого надменный немец захотел избить для своей потехи, и Митькина компания, не дождавшись Соболева, разошлась.

Между тем Соболев, отправившись в герберг к приятелям, заплутался в лесу и попал к дому, где жила Эрминия. Он увидел девушку и тотчас же влюбился в нее. Когда же к берегу подъехала лодка с неизвестным ему господином, он внезапно почувствовал ревность и принялся расспрашивать оставшегося в лодке гребца, кто такой его господин и зачем он приезжает к заброшенному дому. Гребец, оказавшийся поверенным Бирона, заманил его в лодку и свел в Тайную канцелярию, где Соболев был арестован. Шешковский знал его в

лицо и тотчас же посадил к нему в каземат Митьку, который выведал у приятеля все об пустовавшем доме и жившей в нем одиноко красавице-девушке.

Когда Жемчугов рассказал признания своего друга Шешковскому, то оба вообразили, что красавица — любовница Бирона и что, разоблачив любовные шашни фаворита императрицы, они тем самым ускорят его падение.

В этом направлении они и решили действовать. Соболеву была дана возможность убежать, а пустовавший дом был подожжен. Митька и его приятель, князь Шагалов, увезли Эрминию, бывшую в полуобморочном состоянии и устроили ее в ближайшем доме, где жила Мария Ставрошевская, находившаяся, как и Жемчугов, на службе в Тайной канцелярии. Чтобы доставить девушку, они воспользовались каретой случайно проезжавшего мимо барона Цапфа фон Цапфгаузена, пользовавшегося благосклонностью Ставрошевской.

Мария, как только увидела Эрминию, сейчас же признала в ней приемную дочь своего

отца и прежде всего похитила ее талисман, который, как она была уверена, приносил ей счастье. Затем, осмотрев Эрминию, она поняла, что девушка находится в гипнотическом сне. Будучи и сама гипнотизеркой, она освободила бедняжку от внушения, но ненадолго.

Через барона Цапфа фон Цапфгаузена местонахождение Эрминии стало известно немцу Иоганну, а затем и Бирону. К Ставрошевской явился доктор Роджиери и стал требовать, чтобы ему выдали девушку. Мария отказала. Тогда Роджиери, явившись ночью к ее дому, попытался внушением на расстоянии выманить из дома Эрминию, но его тяжело ранил турок Ахмет, оказавшийся родным братом девушки. Бесчувственного Роджиери внесли в дом Ставрошевской, а на другой день к ней явился сам герцог и потребовал, чтобы девушка была отдана ему. Однако Мария смело заявила ему, что Эрминия уже ушла от нее, чтобы отправиться в Гродно к родным. На самом же деле Эрминия была увезена Соболевым в Петергоф, где Митька устроил ее на даче своего приятеля, князя Шагалова.

У Митьки в доме Марии Ставрошевской был свой человек: влюбленная в него горничная Грунька; это была горничная не простая, а воспитанная своими господами, как «нимфа и актриса» крепостного театра. Смышленая от природы, она была настолько образованна, что говорила по-французски, по-немецки, была смела, бойка и могла разбираться в интригах — словом, подруга во всем под стать Митьке Жемчугову.

Грунька выкрала у своей барыни и отнятый ею у Эрминии талисман, а также одно важное письмо, которое уличало в измене князя Трубецкого, дававшего из-за этого письма Ставрошевской средства на содержание.

Все это было передано Грунькой Жемчугову, и он воспользовался талисманом, чтобы получить власть над Марией.

Незадолго до этого около Ставрошевской очутился ее муж, скрывавшийся под именем Финишевича. Мария указала ему, что если бы Эрминия умерла, то наследство ее отца перешло бы к ней. Финишевич-Ставрошевский отправился с Пуришем в Петергоф и там, проникнув на дачу князя Шагалова, нанес Эрми-

нии тяжелую рану кинжалом; однако, когда он возвратился к жене, та выдала его Бирону в качестве преступника, потребованного к выдаче польско-саксонским министром Генрихом Брюлем. Финишевич-Ставрошевский был арестован, а в покушении на убийство Эрминии был невинно обвинен барон Цапф фон Цапфгаузен, разыскивавший девушку по поручению доверенного Бирона, Иоганна.

Барон был прелюбодейным сыном этого старого немца, и Иоганн, чтобы спасти сына, стакнулся с Жемчуговым. Митька потребовал от него, чтобы Эрминия была взята во дворец и чтобы с ней вместе были взяты Мария Ставрошевская и Грунька. Иоганн устроил все это для него.

Когда Ставрошевская узнала, что Эрминию собирается посетить герцог, она уведомила о том Митьку. Тому показалось, что задуманная им интрига приведет к желанному концу, то есть к падению Бирона. Он настоял на том, чтобы Ставрошевская уговорила императрицу Анну Иоанновну пройти в соседний со спальней Эрминии покойчик, откуда ревнивая престарелая императрица могла бы уви-

деть, чем занимается с молодой красавицей ее возлюбленный фаворит.

Но его хитрый замысел не удался: императрица заболела и не могла подняться с постели. Да и без того план Митьки все равно потерпел бы неудачу: герцог явился к Эрминии с Роджиери вовсе не для того, чтобы заниматься любовью. Роджиери погрузил красавицу в гипнотический сон и заставил ее сказать герцогу, что он скоро будет регентом, то есть возвысится еще более.

Так и вышло: Анна Иоанновна умерла, и выскочка Бирон стал после ее смерти полновластным повелителем России.

— Теперь плод созрел и скоро упадет! — сказал Шешковскому проникательный Ушаков.

Однако Митька Жемчугов, потерпев неудачу, не унылся.

Эрминия стала женой Соболева, Финишевич-Ставрошевский бежал за границу, Мария с доктором Роджиери уехали в Италию, а Жемчугов снова принялся за свои хитроspлечения; с началом их читатель был уже ознакомлен в предшествующих главах этого прав-

дивого повествования.

7

МИТЬКА И ГРУНЬКА

Порешив с Греминым и неожиданно обеспечив для себя свое дальнейшее беспечальное существование в Петербурге. Митька Жемчугов направился в Летний сад, где его должна была сегодня ожидать Грунька в этот час.

Дождик прошел; как часто бывает в Петербурге в октябре, неизвестно откуда взявшийся ветер вдруг разогнал облака и выглянуло солнце, заблестев на холодных, словно застывших лужах.

Жемчугов шел, минуя лужи, изредка перепрыгивая с бревна на бревно бревенчатой мостовой, которой был вымощен тогдашний Петербург. Хотя Митька определенно высказал Гремину свои надежды на будущее, но он был такого склада человек, что, оставаясь наедине с собой, никогда не думал о будущем, а также никогда не обращался праздно мыслями к прошедшему. Вообще мечтательность была

совершенно чужда ему. Если он о чем-нибудь думал, то это непременно были совершенно определенные соображения на заданную, так сказать, самому себе определенную тему.

О собственной жизни и удобствах Митька никогда не заботился; он как-то был уверен, что все, что нужно, сделается само собой, если, конечно, он не нарушит течения своей жизни ленью и инертностью. На мелочи жизни он смотрел презрительно, и действительно всегда случалось так, как вот теперь с Гремным, что у Митьки Жемчугова в нужный момент являлись обстоятельства, вполне устраивавшие его.

В Летнем саду он встретил Груньку в условленном месте и увидел ее издали еще.

Высокая, стройная, затянутая по моде в корсет, закутанная в суконный, вишневого цвета плащ с черным шелковым капором на голове, она имела вид вовсе не хуже любой девицы знатного происхождения, и никто даже вблизи не узнал бы в ней крепостной горничной госпожи Убрусовой, проживавшей во флигеле своего дома, который она должна была отдавать внаймы для того, чтобы суще-

СТВОВАТЬ.

В ту пору в Летнем саду встретить такую парочку было вовсе не редкостью, и никто не обращал внимания на них.

Жемчугов, шурша валявшимися под ногами листьями, ускорил шаги навстречу Груньке и, подойдя к ней вплотную, повернулся и пошел с ней рядом.

— Знаешь что, Митька, — заговорила она серьезно и деловито, — чем больше я думаю о том, что ты затеваешь...

— Это жениться-то на тебе? — переспросил он ее.

— Нет не то.

— А что же?

— А вот то, как ты желаешь прийти к этому.

— И приду, вот увидишь!

— Послушай. Да ведь тебя двадцать раз сотрут в порошок, прежде чем ты хоть один шаг сделаешь.

— Ты не веришь мне, что ли?

— Тебе-то я верю, что тебе хочется и регента новоявленного свалить, и меня своей женой назвать.

— И назову!

— Ну а вот от хотенья-то еще далеко до исполнения.

— Слушай, Грунька! Хотя ты и на бабьем положении, но только тебе одной я сказал о своих мыслях и планах, и то только для того, чтобы успокоить тебя, чтобы ты не тревожилась, что я свое сделаю и своего добьюсь. Сорвется раз, сорвется другой, третий, но наконец подействует. Я тебе, если сомневаешься, поясню еще больше, но уже в последний раз, дальше ты от меня ничего не узнаешь. Ни с кем в мире — понимаешь? — ни с кем в мире об этих планах я говорить с такой точностью не буду, и ты мне не смей потом напоминать о них, а уж сама кому-нибудь рассказывать и не думай — убью! Ты вот рассуждаешь — сам немец со своими немцами полновластным и всеильным регентом над Россией стал, и вдруг какой-то Митька Жемчугов без средств, без связей, не вельможа, похваляется свалить Бирона, с которым даже такой вельможа, как Артемий Волынский, не только ничего не мог поделаться, но и сам пошел на эшафот? Стой, Грунька, не перебивай, слушай! — остановил

он ее, видя, что она хочет сказать что-то. — И вот этот самый Митька, — продолжал он, — все-таки говорит тебе, что он свалит герцога Бирона, а затем, вместе с другими русскими людьми, свырнет и вовсе их управление Россией. Ты рассуждаешь, что я — ничтожество в сравнении с Бироном. Но в этом самом моя сила и есть. Бирон не будет знать о том, откуда идет опасность для него. А опасность большая, потому что хотя у меня и нет власти, нет денег, нет положения, но у меня есть знания событий и людей и башка, чтобы направлять людские страсти. Моя сила в том, что я имею дело с мелкими людишками, страстишки которых погубят их самих, если только умеючи направлять их, а для того чтобы направлять эти стрости, чтобы играть ими, вовсе не нужно занимать высокое место. Мы с тобой сделаем больше, чем даже нужно будет, и кругом найдем повсюду помощников... Слушай, Грунька! Регентом стал только один Бирон, но вместе с ним желают соуправлять Россией еще двое: фельдмаршал Миних, сподвижник императора Петра Алексеевич, и второй кабинет-министр барон Андрей Ива-

нович Остерман.

— Ну? — спросила Грунька, потому что Жемчугов приостановился.

— Ну вот, — продолжал он, — эти немцы должны съесть друг друга. Бирон жесток. Миних горд и властолюбив. Остерман же хитер, умен, а потому сильнее их обоих. Надо стараться, чтобы Миних съел Бирона, и тогда Остерман съест Миниха. А всему поможет принцесса Анна Леопольдовна, мать государя Иоанна Антоновича. У нее тоже есть страсть, на которой легко сыграть можно.

— Страсть?

— Она влюблена!

СЕКРЕТ

— Вот когда ты говоришь так, а я тебя слушаю, — сказала Грунька, — то мне кажется, что и впрямь ты можешь сделать все, о чем замышляешь. Так ты говоришь, принцесса Анна Леопольдовна влюблена?

— Совершенно верно, — вдруг повышая голос, проговорил Жемчугов, — ваши прелести, сударыня, равняются внутренним вашим качествам, и ежели вы обратите внимание на нежные чувствования вашего покорного слуги...

Грунька оглянулась и увидела, что за ними идет какой-то человек, довольно откровенно прислушивающийся к их разговору, поняла, что Митька своевременно тоже заметил его и нарочно свел разговор на обычные в то время любезности, чтобы их приняли за самых обыкновенных влюбленных, гуляющих по Летнему саду ради амурного свидания.

Уловка удалась. Соглядатай, услышав о

«прелестях» и «нежных чувствах», отстал от них.

— И выворотил же ты этакое! — усмехнулась Грунька.

— Да ведь нельзя же, — деловито произнес он, — к нам прислушиваться стали. Знаешь что? Говорить тут, в саду, как следует, совсем несподручно, а я хочу именно сегодня рассказать все, потому что такая линия, видно, пришла; мне нужно, чтобы ты помогала мне, а для этого ты должна знать все привходящие обстоятельства. Словом, пойдем, найдем такое место, где мы могли бы разговаривать в полной безопасности.

— Пойдем, пожалуй! А далеко это?

— Нет, тут сейчас, через Царицын луг перейти только, на Миллионной.

— Что это за место?

— Секрет! Да ты никак боишься? — Они выходили в это время из Летнего сада.

— Нет, Митька, — оборачиваясь к нему всем своим радостно улыбающимся лицом, проговорила Грунька, — с тобой я хоть на край света пойду!

— Вот это так! — одобрил Митька, а затем,

посмотрев на нее, добавил: — Эх, Грунька! Будет и на нашей улице праздник или нет?

Она ничего не ответила, а только пошла скорее и как будто еще бодрее, чем прежде, нагнув голову и запахивая на ходу свой плащ, борясь с задувшим им навстречу ветром.

Жемчугов шагал за ней сначала тоже молча, но на лугу поравнялся и проговорил:

— Сюда иди, налево!

— Как налево? — удивилась Грунька, — в самом деле? Ты же говорил, что на Миллионной?

— Ну да, на Миллионной есть кофейня немецкая, и в ней сзади существуют отдельные комнатки; войти же в эти комнатки можно только со стороны набережной реки Мойки... Понимаешь?.. Чтобы незаметно было. Эти комнатки и называются «секретом». Вот туда мы и пойдем. Подозрения ни в ком не возбудим, потому что там часто потихонечку парочки на свиданиях бывают.

Они направились к набережной Мойки, по-тогдашнему Мьи, куда выходили зады дворов и домов, лицевая сторона которых тянулась по Миллионной.

— Вот видишь, это — службы Густава Бирона, брата герцога, — показал Жемчугов, — на всякий случай запомни! А вот и вход во двор при кофейне.

Они повернули в ворота довольно просторного, кругом обстроенного службами, двора, поперек которого шла прямо к крыльцу аллея молодых деревьев, тщательно выровненных и подстриженных.

— Это и для парадного хода хорошо, а не то, что для заднего крыльца! — одобрила Грунька.

С крыльца вела дверь в полутемный коридор. Встретивший их здесь человек поздоровался с Митькой, как знакомый.

— Зеленая свободна? — спросил Жемчугов, направляясь вперед, как, по-видимому, давно знакомый и привычный гость.

— Проходите, свободно! — ответил человек и впустил их в небольшую комнатку, обитую расписанным под листья деревьев и кустов холстом.

На низком потолке ее были изображены небо с облаками и летящими птицами, а все убранство состояло из стола, покрытого цвет-

ной скатертью, и четырех стоящих вокруг него кресел с высокими спинками. В углу был сделан камин, и на нем висело маленькое зеркало, сильно потертое.

— Вот это самый «секрет» и есть, — сказал Митька. — Ну снимай плащ и распоряжайся. Ты голодна?

— Чего голодна, — ответила Грунька, — я сегодня обедала.

9

ЭТО НАДО ЗАПОМНИТЬ

— Ну так что же мы тут делать будем? — проговорил Митька, — ведь здесь так, не спросивши ничего, нельзя сидеть. Уж если пришли сюда, то надо дать доход хозяину: здесь кофейня, а не кулуар для разговоров.

— Ну будем кофе пить, если тут кофейня.

Жемчугов прищурил один глаз, подмигнул и щелкнул языком.

— Знаешь, братец, — обратился он к человеку, — принеси ты нам глинтвейну тепленького — как раз по погоде будет, да сыра немецкого сливочного. Насчет же кофе по-

смотрим; может, и кофе выпьем потом.

— Ты чего ж это кутить-то вздумал? — остановила его Грунька.

— Да без смазки-то говорить в горле будет трудно — все равно, что сукном в горле трешь, а с примочкой — слова сами идут.

Грунька усмехнулась.

— А теперь слушай, — заговорил Митька, как только лакей ушел, чтобы принести потребованное, — слушай хорошенько и запомни. Эта вот зеленая комната — единственная, в которой можно разговаривать без опаски здесь. Все остальные комнаты у немца в кофейне устроены так, что можно из нарочно для сего приспособленного тайника слышать все до последнего слова, что говорится в них. Так и знай! Если когда-нибудь попадешь с кем-нибудь сюда, к Гидлю — это кофейня немца Гидля, — то боже тебя сохрани язык распускать: все будет услышано. А здесь, в этой зеленой, еще ничего, можно быть без опаски.

— Да с кем же мне и зачем попадать сюда? — спросила Грунька.

— То ли еще будет!.. Может, еще не сюда попадешь! Мне все твое уменье нужно и ак-

терство; ведь ты кого хочешь обыграть сможешь?

— Кого хочешь, на это меня станется!

— И графиню, и княгиню, и под маской маскарадную интригу разведешь?

— В лучшем виде!

— Ну то-то! Помни: если свергнем немцев, тогда в награду твое освобождение из крепости, и я поженюсь на тебе, Грунька!

Она ухмыльнулась, потупилась и покачала головой.

— Кто ж это награждать нас станет?

Митька перегнулся к ней через стол и в самое ухо едва слышно произнес:

— Государыня Елизавета Петровна, когда взойдет на принадлежащий ей императорский российский престол!

Но вдруг он звонко чмокнул Груньку в щеку, заметив, что дверь отворяется и входит слуга с подносом. Конечно, лучше было, чтобы этот слуга увидел, как они целуются, чем обращать внимание на то, что между ними происходит политический и весьма «опасный» разговор.

Грунька отшатнулась от Митьки и жеман-

но произнесла:

— Ах, оставьте, сударь!.. Труд бесполезный. Поищите себе другой особы любезной!

Слуга, поставив поднос, поспешил удалиться, видимо вполне уверенный, что имеет дело с одной из обыкновенных любовных «авантюр», каких бывало у Гидля по десятку в день.

— Да ты — совсем молодец! — одобрил Груньку Жемчугов, когда они снова остались одни. — Отлично всякую всячину разыгрываешь!

— Ну довольно об этом! — серьезно сказала ему Грунька, берясь за стакан с глинтвейном, и, отпив из него, добавила: — А ведь вкусно!

— Ну еще бы! — согласился Митька.

— Я вот чего в толк не могу взять, — продолжала она, — как это при жизни Елизаветы Петровны, родной дочери императора Петра, вдруг престол наследует не она, а сын Брауншвейгского принца, да притом молоденький. Положим, при Елизавете Петровне не могло бы быть и регентства Бирона, но как это произошло? Анна Леопольдовна чья дочь будет?

— Она — дочь Екатерины Иоанновны.

— Голштинской?

— Нет, герцогиня Голштинская — это Анна Петровна, старшая дочь императора Петра.

— Ну вот и я так же смекаю, что она — старшая дочь императора и что ее внук...

— Ее внук — Петр, и он живет сейчас в Голштинии. Это — особь статья.

— Ну а Анна-то Леопольдовна — чья же дочь?

— Говорят тебе — Екатерины Иоанновны Мекленбургской, родной сестры умершей императрицы Анны Иоанновны.

— Постой, ничего не разберу! Голштинская, Мекленбургская; тут запутаешься. Ты мне раз и навсегда объясни подробно.

— Ну хорошо, я тебе все политические конъюнктуры растолкую, а ты уж запомни их раз и навсегда! Это необходимо.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЪЮНКТУРЫ

Митька Жемчугов отпил несколько больших глотков глинтвейна, закурил голландскую трубочку и стал рассказывать, в то время как Грунька принялась намазывать масло на хлеб и есть его с сыром.

— Вот видишь ли, — говорил он, выпуская большой клуб дыма, — когда умер император Петр Алексеевич, то после него поставили на престол императрицу Екатерину, его супругу. А сделал это Меншиков в расчете, что он-де будет всем вертеть сам от имени самодержавной императрицы Екатерины. Но это не вышло. То есть, вернее сказать, оно сначала как будто бы и пошло у него на лад, и даже императрица его родную дочь хотела выдать замуж за наследника тогдашнего престола Петра Алексеевича Второго, но, процарствовав всего два года и не успев женить наследника, скончалась. На престол взошел, значит, этот самый наследник Петр Алексеевич, двенадцати лет. Он приходится родным внуком Петру

Первому от его первого брака с боярышней Лопухиной. Ну-с, с молодым внуком великого царя у Меншикова дела совсем испортились, и он полетел, сударыня ты моя, в лучшем виде, как обыкновенно летят временщики в конце концов и как полетит и Бирон тоже...

— Твоими бы устами да мед пить! — сказала Грунька.

— Ну пока глинтвейна попьем. Так вот Меншиков полетел... Хорошо! А молодой император переехал в Москву и новшества всякие стал не особенно долюбивать заморские: он не в деда пошел, а в отца — цесаревича Алексея Петровича, преждевременно скончавшегося... Охоту любил, делами занимался не прилежно, влюбился в тетку свою Елизавету Петровну. Вертели им, как хотели, Долгоруковы. Однако, процарствовал он тоже недолго, заразился оспой и умер. Теперь слушай! Со смертью Петра Второго мужская линия потомства Петра Великого прекратилась... Понимаешь?.. Наследовать престол должна была одна из женских линий, то есть прежде всего принцесса Елизавета Петровна, которая и по сей день здравствует и, полагаю, рано

или поздно немцев от русского кормила отеснит и сама императрицей сядет, чего мы с тобой, Грунька, искренне желаем и ждем. Виват, императрица Елизавета Петровна! — провозгласил он, однако не повышая голоса, и протянул к Груньке свой стакан с глинтвейном.

— Виват, — ответила Грунька, чокаясь. — Отчего же она не взошла на престол со смертью Петра Второго?

— Оттого, что так называемые верховники...

— Это что же, секта, что ли, какая?

— Не секта, а члены верховного совета. Так вот эти самые члены верховного совета, или так называемые верховники, привыкнув распоряжаться властью при малолетнем императоре Петре Втором, поняли сейчас, что принцесса, а по-нашему царевна Елизавета, такова вот, как мы ее знаем, то есть сама себе голова, вертеть собой не позволит, и если воцарится, то самовластью их, верховников, придет неминуемый конец. Ну а это им, разумеется, было вовсе не желательно. И вот сообразили они, что, кроме принцессы Елизаветы,

была другая еще дочь императора Петра от государыни Екатерины — Анна Петровна, выданная замуж за герцога Голштинского. Сыну ее, Петру, и ныне здравствующему, было тогда уже два года...

— А теперь, значит, двенадцать? — сосчитала Грунька.

— Да, ровно столько, сколько было Петру Второму при его воцарении, — сказал Жемчугов. — Ну так вот, обойдя принцессу Елизавету, вызывать ее сестру Анну Петровну из Голштинии с малым сыном верховники тоже не пожелали, по тем же, видимо, причинам, то есть не рассчитывая при них получить власть полностью. А снедаемы они были полновластием, по-видимому, до смерти. И так вот они надумали. Знаешь ли ты, что император Петр Первый взошел на престол в юных летах не один, а в отпращивании со своим братом Иоанном, тоже, значит, Алексеевичем, как и он. Но Иоанн Алексеевич соправлял недолго и скончался, а Петр Алексеевич остался на престоле один. У Иоанна Алексеевича остались дочери Екатерина и Анна. Жили они при дяде своем, императоре Петре

Первом, в Петербурге, весьма бедственно, звали их при дворе просто «Ивановнами», с открытым пренебрежением, и держали в таком черном теле, что им приходилось унижаться даже перед Меншиковым, чтобы получать гроши на собственное существование. Одну из «Ивановен», по политическим мотивам, выдали за герцога Мекленбургского, а другую, Анну, — за герцога Курляндского, потому что нам через этот брак получалось иметь права на Курляндию. Герцог Курляндский гораздо слаб здоровьем. Анна Иоанновна овдовела, и ее жизнь в Митаве стала не слаще, чем в Петербурге: она, живя в Митаве, должна была смотреть из рук нашего там резидента Бестужева; ей так плохо приходилось, что она много раз просилась назад, в Петербург. Но ей говорили, что это нельзя, что ей, по политическим конъюнктурам, нужно оставаться в Курляндии. Она казалась столь ничтожной, столь забитой и простоватой, что вельможи верховносоветники ее вместо простой просительницы-салопницы почитали. Ну вот, они на ней и порешили. Поставим, дескать, ее императрицей, но с ограниченными права-

ми, не самодержавной.

— С ограниченными?

— Ну да!.. А ты думала как? Прямо пошли, что называется, начистоту: «Мы тебя поставили, а ты поделись с нами властью по договору».

— Да нешто такой договор может быть действителен?

— Ну вот она им и показала эту действительность. Забитая-то эта «Ивановна» как взойшла на престол, так не только никакими правами не поступилась, а стала самой что ни на есть самодержавной императрицей, да еще над верховниками этими самыми Бирона поставила и их ему под начало отдала. Закусили они потом локти, да поздно.

— А откуда взялся Бирон? — спросила Грунька.

— О нем я знаю всю подноготную, — сказал Жемчугов, — на всякий случай и тебе ее знать нужно. Слушай!

ПРОШЛОЕ БИРОНА

— Прежде всего надо тебе сказать, милостивая государыня моя Аграфена Семеновна, что Эрнст Иоганн Бирон, именуемый иначе герцогом Курляндским, вовсе не Бирон, а просто Бирен, весьма низменного немецкого происхождения и никакого отношения к известной французской благородной фамилии Биронов не имеет. Однако, постой, — вдруг как бы перебил сам себя Митька, — мы с тобой тут сидим в «секрете» кофейной Гидля один на один и, можно сказать, все равно что чужие.

— А что тебе еще? — спросила Грунька.

Митька привстал, обнял ее и чмокнул в щеку.

— Да будет тебе! — отмахнулась она.

— Ну еще разок, — проговорил Митька.

— Да говори же ты дело-то, успеешь еще нацеловаться...

— Ну хорошо, слушай! — снова садясь, продолжил он свой рассказ. — Так вот дед этого

нынешнего герцога Бирона, или Бирена, был конюхом при дворе в Митаве.

— А не сам разве из конюхов?

— Нет, это так только со злобы его называют конюхом, а на самом деле конюхом-то был его дед, а отец служил с чином капитана в шталмейстерах, потом был при герцогской охоте, накрал там денег и купил дворянское поместье Калцеем. У него было три сына: старший — Карл — служил в русских войсках при Петре Первом, попался в плен к шведам, бежал от них, перешел к польскому королю и дослужился в Польше до полковника; затем благодаря брату он снова перешел на русскую службу и был генерал-аншефом.

— За что же ему такая честь? — поинтересовалась Грунька.

— А за то, что он — брат временщика. Временщики всегда устраивают своих братьев. Карл теперь уже умер, а младший сын обладателя Калцеема, Густав, здравствует, живет здесь рядом, на Миллионной, вот дом с колоннами, и весьма благодушествует. Он тоже в генеральских чинах и командует Измайловским полком. Теперь средний брат из них,

Эрнст Иоганн, родился в 1690 году.

— Значит, ему теперь, — воскликнула Грунька, — пятьдесят лет, а ему ведь никто и сорока лет не дает... Замечательно сохранился!

— Да, ему теперь уже пятьдесят лет, — подтвердил Жемчугов. — В молодости его отец отправил в Кенигсбергский университет, но там молодой Бирон науками занимался плохо и повел себя так, что в один прекрасный день впутался в гнусную историю, вследствие которой должен был подвергнуться наказанию шпицрутенами.

— Какая же это была история? — поинтересовалась Грунька.

— Вот этого доподлинно не знаю, — с сожалением ответил Митька, — но всенепременно доищусь. От наказания шпицрутенами Эрнст Бирон удрал из Кенигсберга и, пробравшись в Лифляндию, служил там у одного барона в лакеях, в качестве дворецкого.

— Ну? — изумилась Грунька.

— Вот тебе и «ну»! — передразнил ее Жемчугов.

— Ну а дальше что с ним было? Это занят-

но!..

— Дальше? А вот что: сколотил он себе денег на должности дворецкого и поехал в Петербург искать счастья. А было ему тогда двадцать четыре года.

— И откуда это ты все так подробно знаешь?

— Учись, брат, Грунька, как дела делать. Нужно прежде всего все, что возможно, разузнать про врагов, с которыми хочешь бороться.

Митька так спокойно называл Бирона «врагом», так уверенно говорил, что «хочет бороться с ним», что Грунька посмотрела на него не без гордости и удовольствия.

— Есть люди, — пояснил Митька, отвечая на ее вопрос, — которые помнят, как он приезжал сюда в Петербург в тысяча семьсот четырнадцатом году. Он тогда здесь домогался звания камер-юнкера при дворе цесаревича Алексея Петровича. Конечно, ничего он не добился, хотя его расчет тут был вовсе не так несуразен. Он готов был предать цесаревича и нанимался к нему в злостные соглядатаи, обещая в качестве немца «приучить его» к

«европейскому» житью. Из Петербурга это сатанинское отродье вернулось в Митаву, к отцу; тут через Бестужева он попал к Анне Иоанновне, герцогине Курляндской. Она вскоре определила его к себе в секретари. Ну тут уж он завладел ею. Она даже присылала его с поздравлением к государыне Екатерине, когда та взошла на престол. Государыня-то Екатерина была, знаешь, сама из простых немок, так ей Бирон ничего, понравился. А там, в Курляндии, он с «Ивановной» куролешил вовсю: кутил, играл в карты, ездил в Кенигсберг, якобы по делам в качестве уполномоченного курляндской герцогини; бывало, что, напившись, он вступал в драку на улице с буянами и попадал в тюрьму, а герцогиня выкупала своего «уполномоченного», платя за него штраф. Когда верховносоветники надумали провести избрание Анны Иоанновны, ограничив самодержавную власть, то в числе других условий они поставили ей, чтобы она, выезжая из Курляндии, оставила там Бирона и не брала его с собой. Но Анна Иоанновна привезла его с собой в Москву и, сделавшись там императрицею, назло верховникам пожа-

ловала Бирона сначала в камергеры, а при коронации — в обер-камергеры, затем же возвела его в графы Российской империи и наградила орденом святого Андрея Первозванного.

— Ишь ты, счастья-то человеку повыпало! Вот что значит нашей сестре понравиться! — глубокомысленно подхватила Грунька.

12

ОНА ВЛЮБЛЕНА

— Хорошо ли ты запомнила все, что я рассказывал тебе? — спросил Жемчугов Груньку.

— Ничего, запомнила, — ответила она, — память у меня еще свежая, ну а если что потом забуду — переспрошу у тебя.

— Нет, Грунька! Каждый день, как сегодня, в зеленой комнате в кофейне Гидля в «секрете» нам сидеть не придется, а такие вещи, что я тебе сегодня рассказываю, можно говорить только в таком безопасном месте, как эта комната. Здесь я совершенно спокоен, здесь нет за нами ушей, ну а везде — слышишь? — везде подслушивают. Поэтому на возобновле-

ние нашего разговора вскорости не надейся.

— А сюда разве нельзя еще раз прийти? — спросила Грунька.

— Ну что же, можно, только все-таки это дорого стоит. Надо еще спросить что-нибудь, а то с пустыми стаканами здесь сидеть — не мода.

Он позвал слугу и велел принести себе пунша, а для Груньки, по ее желанию, чашку шоколада.

— Ну хорошо, — сказала Грунька, принимаясь за шоколад. — Теперь я знаю все конъюнктуры, что вокруг российского престола вертелись после смерти императора Петра. Теперь как же нынешняя правительница, немецкая принцесса Анна Леопольдовна, попала к нам?

— Очень просто, — ответил Митька, опять раскуривая трубочку. — Старшая сестра императрицы Анны Иоанновны, Екатерина Иоанновна, была выдана замуж, как я уж говорил, за герцога Мекленбургского, и от этого брака родилась дочь, нареченная Анной, в честь тетки. Теперь, когда Анна Иоанновна утвердилась на престоле, возник вопрос о престо-

донаследии, нужно было назначить наследника. Опять поднялись, значит, прежние разговоры. Ну разумеется, цесаревну Елизавету Петровну отвергли вновь. Она заявила себя уж слишком русской, чтобы потрафить немцам. Между прочим, Бирон хотел женить на ней своего сына Петра, чтобы дать ему права на русский престол, — ну, тогда, конечно, ее стали бы выдвигать! Но дочь Петра Великого не должна нуждаться в Бироне, чтобы сесть на принадлежащий ей престол, Ну хорошо, Елизавету Петровну немцы опять отвергли, и возник вопрос — выписывать ли из Голштинии молодого Петра? Но зачем было это делать, если, кроме племянника Елизаветы Петровны, за границей была еще Анна Леопольдовна, дочь герцогини Мекленбургской, родная племянница императрицы? Ее и выписали с тем, чтобы выдать ее замуж и ждать от нее наследника престола. Тут и начинается роман этой женщины, поставленной, казалось бы, на высоту, на вершину счастья, а на самом деле самой несчастной из всех.

— Это правительница-то теперешняя несчастна?

— А ты думаешь как? Выписали ее сюда, попала она из маленького княжества немецкого к русскому двору — одному из первых в Европе, говорят, если не по великолепию, то во всяком случае по роскоши.

— Ну чего больше? Дай бог всякой так! — заметила Грунька.

— Ну разумеется, но слушай, что дальше было. При императрице Анне были и празднества знатные, наряды для принцессы Анны Леопольдовны делались, какие ей только угодно было, драгоценные уборы у нее были великолепные, ела она сытно,пряно, вкусно. Что же было ей делать? Ну разумеется влюбиться!

— Да что же с такой жизни и делать другого! — согласилась Грунька.

— Ну вот. Был тут при дворе польско-саксонский посланник граф Мориц Линар — кавалер первостатейный, ловкий, умелый, образованный, блестящий, а уж собой красивый, так просто до умопомрачения.

— Словом, лучше тебя? — вдруг спросила Грунька.

Митька приостановился.

— Для кого как! — проговорил он. — Для тебя он был бы, наверно, хуже.

— А ты уверен в этом?

— Уверен.

— Отчего же так?

— Оттого, что ты для меня лучше всех других.

— Ишь хитрый! — рассмеялась Грунька. — Знаешь, как отвечать надо! Ну что с тобой делать! — И, вскочив, она подбежала к Митьке, обняла и поцеловала его.

13

РОМАН ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ

— Ну и что же произошло с этим графом — Линачом? — спросила Грунька.

— Его выслали из Петербурга.

— Выслали?

— В лучшем виде.

— Посланника?

— Ну попросили удалиться — будем выпроваживать вежливее. Принцесса Анна Леопольдовна, видишь ли ты, затеяла с ним переписку, шуры-муры, любовные записочки.

Передавала эти записочки состоявшая при ней госпожа Адеркас и делала это так неумело, что попалась. Императрица Анна Иоанновна страшно рассердилась, необыкновенно рассвирепел и Бирон. Госпожу Адеркас, в чем она была, посадили в карету и повезли на границу. Хорошо еще, что она — иностранная подданная, а то бы вместо границы сослали бы ее в Сибирь и дело с концом. Граф Линар уехал, а Анна Леопольдовна осталась одна со своими чувствами и мыслями. До нее самой, до того, что она думала и чувствовала, не было дела никому; в ней видели только женщину, мать будущего императора — и ничего больше; с ее вкусами, склонностями и желаниями не считались и выбрали для нее жениха не по ее вкусу, а сообразно обстоятельствам. Жених для нее прежде всего требовался родовитый, однако такой, который, будучи отцом будущего императора, не вмешивался бы в дела правления, — словом, слабенький, безвольный, неспособный к власти и легко подчиняющийся даже женщине. Такого именно человека и искала Анна Иоанновна для своей племянницы, говоря, что «стерпит-

ся — слюбится, а потом сама же меня будет благодарить за то, что я сыскала для нее мужа послушного». Говорят, в Европе можно найти все что угодно! Нашли и принца подходящего — Антона Ульриха Брауншвейгского! Он приходится племянником австрийскому императору, значит, персона значительная, а вместе с тем, каков он на вид и каков у него характер, ты сама видела и знаешь.

— Видела! — махнула рукой Грунька. — Не человек, а тряпка!

— Ну так теперь подумай, каково же было этой женщине, влюбленной в красавца, ловкого кавалера Линара, выйти замуж за этого принца Антона? Ведь это все равно, что раздражить аппетит, показать самые вкусные яства, а затем преподнести для еды помой!

— Вот уж именно помой! — расхохоталась Грунька. — Так она, сердешная, до сих пор, значит, влюблена в Линара?

— Ну, я думаю! — протянул Жемчугов. — И мне сдается, что не могла она его забыть ради принца Брауншвейгского! Свадьбу справляли необыкновенно пышно: какой шитый бриллиантами кафтан Бирон себе закатил! И неве-

ста была пышно одета. Ну вот от этого брака и родился младенец Иоанн Антонович.

— Он ведь еще грудной!

— Ну да, грудной! Шестого октября он торжественным указом был объявлен наследником престола, а семнадцатого скончалась императрица Анна Иоанновна.

— Значит, он — по всей форме законный государь? — спросила Грунька.

— Законный, — ответил Митька, — но лишь по указу, а указ можно отменить указом же, если есть принцесса Елизавета Петровна, которая имеет природные права на российскую корону!

— Ой, Митька! По нынешним временам об этом и думать-то страшно, не только говорить!

— А ты не говори, да и не думай, а делай то, что я скажу тебе.

— Да уж я от тебя не отстану, — решительно произнесла Грунька, — уж пропадать, так вместе!

— Не пропадем! Теперь, если ты сообразила все это, что я рассказал тебе, то должна понять, что наипервейшим делом необходимо

постараться вернуть как можно скорее графа Линара опять посланником в Петербург: на него должна быть первая наша надежда, что он не только поможет Анне Леопольдовне в свержении регентства Бирона, но и заставит ее сделать это!

— Послушай, ты словно в сказке рассуждаешь! Как же может это быть, чтобы допустили Линара вернуться опять в Петербург? Ведь Бирон ни за что этого не позволит, а власть у него!

— Надо убедить его, что это выгодно ему.

— Что же, ты, что ли, пойдешь к нему убеждать его?

— Ну конечно не я, глупая, но моя идея. Видишь ли, люди управляются не людьми, а идеями. Пусть наверху стоящие персоны воображают, что все зависит от них, но на самом деле они являются только исполнителями идей, если, разумеется, у них нет своих, как, например, у императора Петра. Этот правил по-своему, но и его замыслы были подготовлены предыдущими поколениями. Однако дело в том, что Бирон с компанией — не великие люди, и у них только и есть желание

удержаться у власти и не потерять окружающую их пышности. Значит, им нужно пользоваться чужим умом. Все дело, чтобы умную мысль пустить в ход, а дойдет она до них, они воспримут ее и выдадут за свою, а то и совершенно искренне вообразят, что это их собственное измышление. Кинь ты в воду камешек с моста, от него разойдутся круги далеко-далеко, и какую величину обнимет последний круг, одному Богу известно! Вот то-то и оно, что надо уметь бросать такие камешки в жизнь. А тогда легко и управлять ею, даже не будучи на высоком посту. Поняла?

— Понять-то поняла, но неужели у тебя уж эти круги без промаха действуют и ты ни на чем сорваться не можешь?

— Ну тут, конечно, запасливость нужна. Если сорвут на Линаре, чего я, впрочем, не думаю, то дело выгорит с Минихом или, в крайнем случае, с Остерманом!

МИНИХ И ОСТЕРМАН

— Ну а они каковы? — спросила Грунька.
— Кто «они»? — спросил Жемчугов.
— Да Миних и Остерман.
— Разве ты их не знаешь? Миних — фельд-маршал, сподвижник императора Петра, а Андрей Иванович Остерман — второй кабинет-министр.

— Знаю, знаю, — остановила его Грунька, — что чинов у них много; я спрашиваю, как их понимать надо в отношении герцога Бирона?

— А, это дело другое. Вижу, что ты начинаешь в самую суть вникать. Тут главное-то, что герцог Бирон все время «управлял» и все будто шло от него, а на самом деле всеми военными успехами в его «управление» мы обязаны Миниху, а успехами в дипломатической части Остерману. Смекаешь теперь, как они оба должны ненавидеть его? Ведь Бирон загребал все время жар их руками! А ты думаешь, у Миниха там нет амбиции? Сделай твое

одолжение!.. Амбиции у него хоть отбавляй. После своего похода в Молдавию, когда он вернулся с войском на Украину, то просил у императрицы не более и не менее того, чтобы она его назначила герцогом Украинским!

— Ну а что же императрица?

— Она сказала: «Миних очень скромн, я удивляюсь, как он не попросил титула великого князя Московского!» Никакого другого ответа она Миниху не дала, а затем Бирон был избран герцогом Курляндским. Для того же, чтобы узнать, почувствовал ли то Миних или нет, и как почувствовал, — нужно тебе сказать, что у него в столовой на стене висит ковер огромный, на котором выткана его собственная фигура на коне, а кругом надпись: «Тот истинно велик, кто похож на Миниха!» Это было ему подношение! Теперь, с назначением регентства герцога Бирона, Миних пожелал руководить делами в качестве генералиссимуса всех сухопутных и морских сил. Но не тут-то было! Ему снова отказали во всех его домогательствах.

— Значит, они теперь на ножах?

— Еще хуже: они как будто приятели!

— Почему же это хуже?

— Потому, что при таких отношениях, какие должны существовать между ними, явная неприязнь или даже вражда были бы вполне понятны и естественны и сводились бы к обыкновенным, повседневным, так сказать, чувствам. А теперь, когда они представляются друзьями или — вернее — когда Миних разыгрывает друга Бирона, затаив свою несомненную злобу, это для герцога очень плохо. Затаенная злоба рано или поздно должна выйти наружу. Одно здесь неприятно! Миних, как немец, слишком осторожен и будет, вероятно, медлить.

Грунька внимательно слушала своего собеседника. Но вдруг ее словно осенила внезапная мысль, и она решилась прервать его рассуждения:

— Слышь, Митька, говорили мне, что Миних — большой любезник с женщинами. Правда это?

— И имеет на то право до сих пор, — ответил Митька. — Он до сих пор еще хоть куда: моложе своих лет, высок ростом, ловок, виден и красив, отплясывает на балах в лучшем ви-

де, а когда говорит с барынями, то увлекается до того, что вдруг возьмет и кинется целовать ручки.

— Ну тогда можно и подвигнуть его на скорость, — протянула Грунька.

— Ты за это берешься?

— Попытать можно! Только ведь кругами я действовать не умею; я по-своему, по-женски.

— Ну увидим... хорошо! — одобрил Митька.

— А Остерман? — спросила Грунька.

— Остерман весь свой век был при дворе и прошел школу еще петровскую. Ведь он был воспитателем императора Петра Второго, а достаточно сказать, что он сумел съесть Меншикова — этот временщик пал вследствие происков Остермана. Рассуди теперь, да мыслимо ли, чтобы человек, решившийся тягаться с самим Меншиковым и одолевший его, не смог бы справиться с Бироном?! Нет, этому я никогда не поверю!

— Хитер-то он, хитер, говорят! — сказала Грунька.

— Да уж так хитер, что сам Макиавелли перед ним, пожалуй, новичком покажется.

А прием, в сущности, у него довольно простой — болезнь. Он, видишь ли, вечно немощен; его в креслах и так таскают, а чуть что случится — сейчас он дома засядет и никуда; ляжет и, что называется, хвостиком накроется: «Я не я, и хата не моя, и знать ничего не знаю, ведать не ведаю».

— А он к женщинам как?

— Да ведь он старик совсем!

— А Миних молод, что ли? Однако вот ты про него какие штуки рассказываешь.

— Ну Остерман в этом отношении на Миниха не похож: насколько Миних брав и красив, настолько Остерман расслаблен и умышленно опустил. Один бодрится не по летам, другой, наоборот, тоже не по летам представляется хилым и дряхлым. К тому же скуп он, как Кащей, и ради этой скупости нечистоплотен, обмызган и грязен. Кто увидит Остермана случайно, ни за что не скажет, что это — один из первых сановников Российского государства. Ну вот тебе самое главное, — заключил Жемчугов, — запомни все хорошенько, это необходимо для дальнейших наших с тобой действий.

ВЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Проводив Груньку домой и расставшись с ней, Митька Жемчугов, согретый глинтвейном и пуншем, которые в кофейне немца Гидля приготавливали отлично, зашагал по осенней слякоти петербургских улиц, не обращая никакого внимания на ненастную погоду.

Был уже довольно поздний вечер, и на дворе стояли настоящие октябрьские потемки, холодные и жуткие. С моря по Неве дул ветер, задерживая воду. Деревья, чаще, чем дома, попадавшиеся в то время в Петербурге, шумели оголенными ветвями в темноте.

Жемчугов зажег ручной фонарь и смело подходил к дежурившим у рогаток, которые оставались на перекрестках улиц на ночь, дозорным караулам. На оклик караула: «Кто идет?» — он уверенно отвечал: «Свой», — и показывал бывший при нем пропуск, после чего ему немедленно предоставляли свободный проход.

Таким образом он добрался до небольшого одноэтажного с мезонином деревянного домика, по внешнему невзрачному виду которого можно было сказать, что тут не барские хоромы, а сдававшееся внаймы помещение, и довольно скромное.

Нижний этаж дома был погружен в полный мрак, но окно в мезонине светилось. Взглянув на это светящееся окно, Жемчугов взялся за кольцо калитки и ударил им три раза не совсем обычным образом, с неравными промежутками.

На дворе залилась было собака, но на нее цыкнули; послышались шаги по деревянным мосткам, отодвинули засов у калитки, и она отворилась.

Отворивший ее человек, по-видимому, хорошо знал Митьку, так как пропустил его беспрекословно, а собака, обнюхав Жемчугова, повиляла хвостом и отошла в сторону.

Митька со своим ручным фонарем направился по мосткам прямо к двери и вошел в нее, не спрашиваясь. В сенях он, как привычный тут человек, повернув налево, быстро взбежал по ступеням деревянной скрипучей

лестницы, ведшей в мезонин, и постучал там в дверь опять три раза и опять особенным манером.

— Митька, это ты? — раздался голос из-за двери.

— Я, — отозвался Жемчугов.

Дверь распахнулась, и на ее пороге показался высокий молодой человек с пером за ухом, в нижнем камзоле, в коротких панталонах, в чулках и башмаках.

В его комнате в мезонине было жарко натоплено. На большом круглом столе в шандале под зеленым абажуром горели две восковые свечи, за китайскими ширмами помещалась кровать с пологом, в углу в киоте висели образа, пред ними горела лампадка; вообще вся обстановка была очень чистенькая, презентабельная. Никто не мог бы подумать по первому впечатлению, что здесь живет секретарь самого страшного в те времена учреждения — Тайной канцелярии розыскных дел — Степан Иванович Шешковский; точно так же никто не узнал бы секретаря в молодом человеке, отворившем дверь Жемчугову.

Митька и он давно знали друг друга и бы-

ли приятелями.

— Что ты так поздно? — спросил Шешковский Жемчугова, впуская его и затворяя за ним дверь.

— Дело было, — коротко ответил Митька.

— Ты чуть меня захватил, мне уже пора на службу.

— Опять на ночную работу?

— Да, — морщась ответил Шешковский и задумался, замолчав.

— Что, тяжело?

— Знаешь, подчас невыносимо тяжело бывает. То есть, давным-давно я бросил бы это дело и службу, если бы не сознание, что на этом посту я все-таки приношу пользу в том отношении, что, пожалуй, половину людей спасаю от мучений. Зато приходится смотреть, как мучают вторую половину.

— А он все еще свирепствует?

Шешковский понял без пояснений, что под этим «он» подразумевается князь Никита Юрьевич Трубецкой, занимавший пост генерала-прокурора, ставленник и ярый клевет Бирона, главным образом производивший те зверства, которыми в истории отмечено то

время.

— То есть, понимаешь ли, неистовствует, как зверь лютый! — сказал Шешковский про Трубецкого. — В последний раз подошел к вздернутому на дыбе человеку и сам бил его по лицу набалдашником своей палки. Этого даже по закону не полагается на дыбе.

— Скотина! — процедил сквозь зубы Митька. — Ну а Андрей Иванович что?

Андреем Ивановичем звали генерал-аншефа, сенатора Ушакова, начальника Тайной канцелярии.

— Что и может Андрей Иванович? — пожал плечами Шешковский. — Он кряхтит да про себя молитву читает и, когда по закону можно, останавливает, делает, что возможно, для облегчения. И от закона не отступает, но зато несправедливости никакой не допустит. С ним еще можно бы ладить, а вот с князем Трубецким — тяжело!

— Ты зачем меня звал-то? — проговорил Жемчугов, видимо для того, главным образом, чтобы переменить разговор.

— Мне нужен верный человек, — сказал Шешковский, делая над собой видимое уси-

лие, чтобы успокоиться.

— Зачем?

— Надо тебе сказать... нет, не кури, терпеть не могу, — остановил Митьку Шешковский, видя, что тот вынимает трубку.

— Виноват, забыл! — усмехнулся Митька, пряча назад свою трубку. — Ну так зачем тебе человек-то нужен?

— Тут появилась в Петербурге странная какая-то женщина-француженка, по-русски совсем не говорит.

— Значит, не столько «странная», сколько «иностранный»? — усмехнулся Жемчугов.

— Будет тебе, не паясничай! Тут о деле идет. Поселилась эта француженка вот уже четыре дня в Петербурге, по нашим донесениям, наняла хороший дом.

— Где?

— На Невской перспективе. Деньги, по-видимому, у нее есть, не нуждается, но ни знакомств, ни связей, ничего. Притом она никуда не выходит, сидит целый день у окна и, по-видимому, наблюдает.

— А откуда она приехала.

— Из Варшавы. Но все из-за границы при-

езжают из Варшавы.

— А паспорт у нее какой?

— Варшавский.

— Какая у нее прислуга?

— Никакой. Она приехала на ямских лошадях. Я послал в Варшаву навести справки о ней, но пока они придут, а между тем что-то подозрительно это появление как раз к смерти государыни, и притом француженки.

— Так что же тебе нужно?

— Узнать, кто она и зачем, и прочее. Для этого самое лучшее, по-моему, подослать к француженке в качестве прислуги такого человека, который понимал бы по-французски.

— Можно.

— Что ты говоришь?

— Я говорю, что можно найти такого человека, девушку.

— Которая пойдет в горничные?

— Она крепостная.

— И говорит по-французски?

— Ее готовили в актрисы и обучали в Париже.

— И ты можешь на нее положиться?

— Как на самого себя.

— Ого!

— Она — моя невеста!

— Ну значит, нам везет.

— Нам должно везти, Шешковский! Как же зовут француженку?

— Селина де Пюжи, Невский, у Полицейского моста, рядом с оперным театром.

— Хорошо, завтра же моя Грунька будет поставлена туда, а послезавтра я приду к тебе с рапортом. Думаю, что окажутся какие-нибудь пустяки амурного свойства.

— Я думаю то же, но как знать? — Шешковский вздохнул. — Эх, — добавил он, — если бы вот так дела делать, никакой дыбы и кнутобойства не нужно было бы. Да разве грубой дыбой да битьем что-нибудь сделаешь там, где нужны ум и соображение? Никогда пыткой правды не добьешься! А поймут ли когда-нибудь это законодатели? Ну однако, мне пора идти!

— Выйдем вместе, — сказал Жемчугов.

И они вышли.

ТРИ НЕМЦА

Императрица Анна Иоанновна скончалась во дворце, который тянулся длинным одноэтажным зданием, с большими зеркальными окнами вдоль северной стороны Летнего сада, примыкавшей к набережной Невы.

Этот дворец Анна Иоанновна отстроила для себя, а рядом, в так называемом малом Петровском дворце, сохранившемся в Летнем саду до сих пор, жил Бирон. На месте нынешнего Инженерного замка был тогда большой Летний дворец, или Итальянский; на месте же нынешнего Зимнего дворца, уже называвшись этим именем, стояли хоромы, купленные для царской резиденции от частного лица.

Тело императрицы было выставлено в необычайно пышной траурной обстановке, в большой зале ее дворца. После ее кончины немедленно сюда же перебрался и Бирон, заявивший, что он в качестве регента должен находиться под одной кровлей с младенцем-императором Иоанном Антоновичем. Та-

ким образом, во дворце, где стояло тело императрицы, жили родители императора — принцесса Анна Леопольдовна и принц Антон Брауншвейгский, и герцог Бирон, не отлучавшийся оттуда ни на минуту.

Заседания кабинет-министров происходили тут же под председательством Бирона. С министрами он держал себя надменно, не стеснялся в выражениях и относился по-человечески только к Миниху и Остерману, но разговаривал с ними не иначе, как по-немецки.

После первого же происходившего по смерти Анны Иоанновны заседания кабинета Бирон молча отпустил всех присутствующих, не отвечая даже на их низкие поклоны, причем ниже всех кланялся князь Никита Трубецкой. Он удержал только Миниха да Остермана, полулежавшего в кресле-носилках в качестве совершенно больного и расслабленного.

Когда все, кроме них, ушли, Бирон подошел к дверям и осмотрел их, не подслушивает ли кто-нибудь, а затем, вероятно в знак особой таинственности и значительности

предстоящей беседы, на цыпочках приблизился к столу, оперся о него обеими руками и шепотом, но не без свойственного ему пафоса произнес:

— Мы сильны, пока мы вместе!

Остерман поник головой, как бы подтверждая этим глубочайшую правоту высказанных герцогом слов, Миних же нахмурил брови и деловито ждал, что последует дальше.

— У нас есть власть, мы занимаем в России верное место, — повторил Бирон и хлопнул ладонью по столу. — Я не доверяю этим русским: Трубецкой и Бестужев наименее возбуждают подозрения, но и на них полностью положиться нельзя. Мы, немцы, можем положиться только на самих себя!

— Ну конечно! — подтвердил Миних и подумал: «Весь свой век я полагался только на самого себя!»

— Если мы только не будем вместе, — снова заговорил Бирон, — то погибнем каждый порознь.

«Кто погибнет, а кто и нет! — опять подумал Миних. — Не суди, мой друг, о других по себе!»

Миних ясно понимал, что Бирон завел с ними эту речь единственно из трусости, которая так и сквозила в каждом его слове. По природе своей Миних был храбр и отважен, и трусость Бирона органически была противна ему. Если бы Бирон хотел, наоборот, не объединить с собой, а восстановить против себя такого человека, как Миних, то он должен был говорить именно так, как сделал он на сей раз.

В его тоне слишком ясно слышалось желание запугать своих собеседников теми страхами, которые чудились ему самому. Он видел, что эти страхи далеки в особенности Миниху, а также и Остерману, но он объяснял это тем, что он, Бирон, дальновиден, а они — нет. Миних же понимал, что выказываемый Бироном страх доказывает вовсе не его дальновидность, а слабость. И он понял тоже, что со слабым человеком не годится ему, Миниху, связывать свою судьбу. Он слышал рассказ о том, что арабы в Африке при охоте на диких зверей не берут людей, которые могут струсить и тем самым дать почувствовать зверям, что они сильнее человека. Сам Миних не тру-

сил ни пред неприятельским войском, ни пред толпой и потому побеждал и мог управлять; трусливый же Бирон мог только наводить страх, но истинная тайна управления совершенно не давалась ему.

— Итак, господа, я предупредил вас! — заключил герцог свои слова и выпрямился, возбуждая, что он сейчас очень величественен. — Предлагаю вам подумать о моем совете; он вытекает из насущнейших наших интересов! До доброго свидания, господа! — и, будучи уверен, что после всего сказанного им, ни Миних, ни Остерман не смогут ничего замыслить против него, потому что ведь это так очевидно идет вразрез с их интересами, Бирон вышел из комнаты, громко стуча каблуками, как будто показывая этим, что он имеет право не стесняться здесь и он не стесняется.

Остерман посмотрел ему вслед таким взглядом, каким может смотреть старый, опытный учитель на удалявшегося после невыдержанного экзамена школьника.

— Ну до свидания, старина! — фамильярно сказал ему Миних и тоже удалился большими решительными шагами.

«Да, я стар! — сказал сам себе Остерман, оставшись один. — Но именно поэтому-то, что я стар, я останусь один, когда вас обоих не будет, как я остался, когда не стало Меншикова!»

В это время вошли четыре гайдука, подняли кресло, в котором полулежал Остерман и понесли его в карету, чтобы отвезти домой.

17

ЧЕТВЕРО РУССКИХ

Через день после своего разговора с Шешковским о Селине де Пюжи, Митька Жемчугов, согласно данному обещанию, должен был дать отчет относительно того, что успела сделать Грунька.

Утром Шешковский прислал сказать через рассыльного, чтобы Митька с ответом прямо пришел к «начальнику», то есть к генерал-аншефу Андрею Ивановичу Ушакову, начальнику Тайной канцелярии.

Генерал-аншефа Митька узнал только тогда, когда побывал у него в собственном доме на Фонтанке, где был разведен у Ушакова,

большого любителя цветов, огромный сад с оранжереей.

Ливрейный лакей провел его в кабинет хозяина, где за круглым письменным столом сидели сам Ушаков, Шешковский и кабинет-секретарь Яковлев, по-нынешнему — государственный секретарь.

— Ну садитесь, здравствуйте! — встретил Митьку с приветливостью Ушаков. — Да нет, садитесь сюда к нам, за стол! — сказал он, видя, что Жемчугов берет стул, чтобы поместиться в отделении.

Митька знал и раньше, что Ушаков к нему хорошо относится, но никак не ожидал попасть к нему и быть принятым так уж запросто, да еще вместе с таким важным сановником, как Яковлев. Последнему Ушаков тотчас же представил Жемчугова, тот же, ласково улыбнувшись, кивнул головой и проговорил:

— Да, я слышал, знаю.

С Шешковским Митька поздоровался по-приятельски и сел к столу рядом с ним.

— Ну что, наша штука с француженкой удалась? — спросил Ушаков, показывая своим вопросом, что при Яковлеве можно гово-

рить совсем не стесняясь.

— Удалась, ваше превосходительство, — ответил Митька, — мною приготовлен верный человек к Селине. При ней со вчерашнего дня в горничных верная девушка состоит.

— Как же она попала туда?

— Очень просто. В «Петербургских ведомостях» было объявлено, что требуется горничная по адресу француженки. Девушка сейчас же выпросилась у своей госпожи, дворянки Убрусовой, а та в высшей степени была рада, что будет получать с нее оброк вместо того, чтобы кормить ее, и, конечно, отпустила к француженке. Последняя обрадовалась, что девушка умеет говорить по-французски, и тут же с большим удовольствием наняла ее.

— Пожалуй, было бы лучше и осторожнее, чтобы она не открывала своего знания французского языка, — сказал Ушаков.

— Напротив, со скрытым знанием французского языка нечего было бы делать, раз француженка совсем одинока и ей даже поговорить не с кем, а теперь горничная стала ее другом.

— Ну и что же? Выяснилось уже что-ни-

будь? — спросил Шешковский.

— Выяснилось, и весьма интересное, — ответил Митька, — француженка имеет отношение к бывшему в Петербурге польско-саксонским послом графу Морицу Линару.

— К графу Морицу Линару? — спросили его в один голос все трое — и Ушаков, и Яковлев, и Шешковский.

— Да. Она, то есть француженка, только и спрашивала, как ей найти графа Линара в Петербурге и как узнать, приехал ли он сюда или нет. Она с первого слова обещала горничной десять рублей, если та узнает, как найти здесь графа Линара.

— Но ведь его здесь нет, — сказал Ушаков.

— А, может быть, он явился, только инкогнито от нас? — предположил Яковлев.

— Надо разобрать сначала, — проговорил Шешковский, — кто такая эта француженка, так усердно выслеживающая его, чья она шпионка и кому нужно найти Линара в Петербурге.

— По-моему, — проговорил Митька, — она вовсе не шпионка, а действует сама за себя, а графа Линара наверно нет в Петербурге!

— А... у вас, значит, есть еще подробности? — спросил Ушаков.

— Нет, фактических подробностей у меня нет никаких, кроме того, что я имел уже честь доложить, а все, что я сказал сейчас, — простой вывод.

— Откуда вы выводите, что француженка действует сама за себя.

— Из того, что она сразу наводит справки об интересующих ее лицах, а не выжидает и не высматривает. Так откровенно может вести себя только безобидная женщина, и притом влюбленная.

— Так что, вы думаете, что француженка влюблена в графа Линара? — опять спросил Ушаков.

— В этом нет ничего удивительного: у графа было, вероятно, слишком много, да есть и теперь, любовных связей и интрижек, чтобы в их число не попала история с хорошенькой француженкой.

— Хорошо! Но почему вы так уверены, что графа Линара нет в Петербурге, инкогнито, конечно?

— Прежде всего потому, что мы знали бы

об этом, — заметил Шешковский.

— Нет, а потому, что, очевидно, Линар хотел отделаться от француженки, которая ему надоела, и сказал ей, что поедет в Россию, в Петербург, а сам уехал совсем в другую сторону, в надежде, что Селина де Пюжи или вовсе побоится за ним ехать, или если и решится и явится в Петербург, то никак не найдет его здесь.

— Все это очень правдоподобно, — сказал Ушаков. — Значит, в политическом отношении француженка совершенно никакого значения иметь не может?

— Напротив, — опять возразил Митька, — она может стать весьма выгодным орудием, если граф Линар прибудет сюда вновь польско-саксонским посланником.

Все, конечно, знали отлично прошлую историю графа Линара в Петербурге, но никому и в голову не пришло, что можно сделать предположение, которое высказал теперь Митька.

Ушаков и Яковлев недовольно насупились, Шешковский же спокойно ждал разъяснения со стороны Жемчугова, в нем вполне

уверенный, то есть в том, что хотя его слова как будто и были очень смелы, но, во всяком случае, он не сказал их зря.

И Митька пояснил свои слова:

— Я понимаю так, — стал говорить он, — что мы обязаны блюсти прежде всего интересы его высочества герцога Бирона, как регента Российской империи.

Ушаков и Яковлев кивнули головой в знак подтверждения и выразили на своем лице удовольствие обороту дела, взятому Жемчужным.

— А интересы его высочества, по моему крайнему разумению, — продолжал тот, — настоятельно требуют, чтобы граф Линар приехал сюда.

— Почему же? — спросил Ушаков.

— Потому, ваше превосходительство, что этот человек явится лучшим истолкователем чувств его высочества перед принцессой Анной Леопольдовной, которая, по своей прозорливости в отношении польз и нужд России, несомненно должна желать симпатичного польско-саксонского посланника.

— В отношении польз и нужд России?

— Конечно! Ее высочество Анна Леопольдовна — по рождению славянка.

— Ведь ее матушка была русская.

— А отец — немец!

— А отец — герцог Мекленбургский — тоже по происхождению славянин: ведь прежде чем называться немецкими герцогами Мекленбургскими, предки ее высочества были славянскими государями с титулом королей Вендских, и единение принцессы Анны Леопольдовны в отношении польско-саксонского посла, как представителя славянской державы, является исключительной политической комбинацией.

— Да, — перебил Митьку Ушаков, — но польско-саксонский двор никогда не решится прислать ныне послом графа Линара, который был отозван по требованию самой императрицы.

— Обстоятельства меняются; ныне русский двор мог бы по собственному почину просить в Дрездене, чтобы оттуда был прислан граф Линар.

— Но кто же решится написать туда? Едва ли герцог найдет возможным.

— Написать, конечно с соизволения герцога, должен кабинет-министр Андрей Иванович Остерман, — сказал Митька и, подчеркивая, добавил: — Он должен это сделать, понимая все выгоды для России и русских людей пребывания в настоящее время графа Линара в Петербурге.

— Он хорошо говорит, — одобрил Яковлев.

Все четверо задумались, и задумались об одном и том же. Все они одинаково понимали, в чем была выгода и польза для России и русских, и каждый думал:

«Недолго вам, немцы, распоряжаться нами. Мы сумеем с вами справиться».

Но словами они ничего не сказали друг другу. Напротив, самый опытный наушник если бы мог подслушать их, то мог бы дать голову на отсечение, что они заботятся лишь об интересах герцога Бирона и ее императорского высочества принцессы Анны Леопольдовны.

НАЧИНАЕТСЯ

— Ну наконец-то ты явился! — встретил Василий Гремин Митьку Жемчугова, когда тот приехал к нему поздно вечером прямо от Ушакова.

Свои вещи Митька прислал еще рано утром и велел сказать, что сегодня будет и сам.

— Я все приготовил тебе! — радостно продолжал Гремин. — Комната тебе отведена угловая, с большой печкой и лежанкой, туда и твои вещи отнесены. Ты ведь ко мне совсем, а?

— Ну да! Ведь мы же сговорились!

— Ну да, да, да! Я очень рад. Только вещи твои я разбирать не велел, чтобы не трогали. Может, у тебя там секреты какие.

— Никаких таких у меня секретов нет, — усмехнулся Митька.

— Ну очень тебе рад, — повторил Гремин.

— Чему? что у меня секретов нет?

— Ах нет! Тому, что ты приехал. Ужинать

хочешь? Все готово для тебя.

— Нет, я сыт.

— А перины я велел тебе положить деревенские, настоящие, каких в Петербурге и не видывали! Нам их от своих гусей присылают. Ну если ты не хочешь есть, так пойдем выпьем, там, в столовой, наливка вишневая поставлена.

— От наливки, конечно, нельзя отказываться, — сказал Митька.

Они прошли в столовую, где был накрытый скатертью стол, уставленный такими вкусными вещами, что Жемчугов не удержался и стал не только пить наливку, но и есть и грибки, и ветчину копченую, и маринованную рыбку, и все, что было на столе.

— Ну что? Начал ты действовать? — стал спрашивать Гремин.

— В каком смысле? Груньку на место поставил; там ей хорошо будет. Иностранка-француженка взяла ее не в горничные даже, а скорее, так сказать, в наперсницы. Теперь вот я сам к тебе переехал... Как видишь, действую.

— Нет, я говорю о немцах.

— Что о немцах?

— Да когда мы...

— Слушай, Василий, — остановил его Жемчугов и, понизив голос до едва слышного шепота, тем не менее весьма внушительно, произнес: — Никогда не смей больше говорить со мной об этом, тут нужно «делать», а не говорить, понимаешь? Ведь мы знаем, что знаем, а на словах нужно громко заявлять, что ты-де желаешь блюсти интересы его высочества герцога Бирона.

— Понимаю, — проговорил Гремин, — но только вот что, я молчать буду, а уж — извини! — об интересах герцога говорить не буду: противно! — и Василий сплюнул и выпил глоток сладкой наливки, словно чтобы уничтожить дурной вкус во рту.

— Славный ты парень! — одобрил его Митька. — Твое здоровье, брат! Так и поступи, а меня извини и не обессудь. Мне политику соблюдать нужно.

— Да что там политика! — вздохнул Василий. — Прямо бы по мордам, и к чертям!

— Погоди!.. И по мордам дадим.

— А дадим?

Митька подмигнул и кивнул головой.

— Вот это так! — воскликнул Василий. — Ну твое здоровье, Митька!

Митька выпил «свое здоровье». Гремин стал наливать ему еще.

— Не будет ли? — сказал Жемчугов. — Пора спать, пожалуй!

— Как, будет? — воскликнул Гремин. — А здоровье Груньки? Разве ты ей здоровья не желаешь?

— Ну за здоровье Груньки, — согласился Жемчугов и, чокнувшись, залпом выпил большую стеклянную на длинной ножке рюмку наливки.

Они распростились и пошли спать к себе, по своим комнатам.

Жемчугов лег уже совсем в постель и утонул в мягкой перине, как вдруг дверь его комнаты приоткрылась и в нее просунул голову Гремин, который проговорил:

— Знаешь, Митька, у меня все время из головы не выходит: ведь было время, когда на Руси...

— Было! Было! — совсем сонным голосом повторил Митька, явно только для того, что-

бы от него отстали.

— Да нет, ты послушай! Ведь вот если удастся свергнуть немца, то это станет известным тогда лишь, когда все совершится и окончится; конец действия всем будет ясен, и так и история его и отметит; ну а кто знает, когда, собственно, и где оно началось? И, может быть, мы вот теперь говорим, а оно начинается, и никто никогда этого не узнает... А оно начинается!

Митька ничего не ответил, и только его сочный храп с присвистом показал, что он уже спит.

ЧЕРНОЕ ДОМИНО

При жизни Анны Иоанновны Бирон, будучи страстным игроком, проводил вечера за картами. Теперь, когда тело императрицы стояло еще во дворце, где жил Бирон, ему предаваться карточной игре было неудобно, и он обыкновенно в послеобеденное время приглашал к себе того или иного сановника под предлогом обсуждения важных государственных дел. Между тем это делалось по другим поводам: он подозревал кого-нибудь, и ему хотелось убедиться в личных разговорах, что против него никто не злоумышляет.

После своего разговора с Остерманом и Минихом о том, что они, как немцы, должны поддерживать друг друга, Бирон верил им больше других, так как рассчитывал, что слишком красноречиво им доказал их собственную выгоду в том, чтобы они держались его. Но все-таки Миних чаще других приглашался герцогом к обеду и вечером.

Раз, после одного из таких обедов, Миних

вышел из дворца, укутанный в свой суконный военный плащ, и, ежась от волны холода и пронизывающего ветра, вскочил на опущенную гайдуком подножку и сел в карету. Гайдук захлопнул дверцу, быстро поднял подножку, крикнул кучеру: «Пошел!» — и вскочил на запятки. Тут только Миних почувствовал, что он в карете не один и что рядом с ним сидит еще кто-то.

— Кто тут? — быстро спросил он и нагнулся к окну, чтобы опустить стекло и, очевидно, остановить карету.

— Неужели фельдмаршал Миних боится женщины? — прозвучал рядом с ним красивый, звонкий голос.

Миних обернулся. Как раз в этот момент свет, упавший из большого зеркального окна дворца, осветил внутренность кареты, и Миних увидел закутанную в черное домино женскую фигуру с черной маской на лице.

— Я ничего и никого не боюсь! — сказал он. — Но только к чему этот маскарад?

— Под маской удобнее разговаривать, — спокойно ответили ему. — То, что скажешь под маской, никак нельзя сказать просто, а

потом, может быть, я вовсе и не красива!

— Вот этого я не думаю! — проговорил Миних, которому голос маски успел уже понравиться, и его воображение, довольно тонкое несмотря на зрелые года, нарисовало ему привлекательный женский облик. — Ты мне вот что скажи, маска, — продолжал он, — ты мне друг или враг?

— Я думаю, Миних привык встречать врагов на поле сражения, а не у себя в карете, да еще в черном домино!

— А как ты решилась одеть это домино? — спросил он. — Ведь теперь по случаю смерти императрицы всякие маскарады запрещены?

— Уж будто всякие?

— Однако, такой указ издан.

— Тогда что же не исполняется этот указ в самом дворце?

— В самом дворце? Но кто же там рядится?

— Рядятся там все, и все носят личину! Герцог Бирон первый!

— Герцог Бирон?

— Конечно! Он носит личину дружбы к тебе, когда на самом деле...

— Молчи, маска! Это — не твоего ума дело!

— Почем же ты знаешь, каков мой ум, если и лица моего не видишь?

— Во всяком случае, если у тебя и есть ум, то он слишком дерзок.

— Для того чтобы говорить правду, нужно быть дерзкой! Вот ты только смел и отважен, но не дерзок, и потому даже самому себе не решаешься сказать правду.

— Постой! Какую правду?

— Да то, что ведь герцог Бирон — только тень твоя; ведь твоими победами воспользовался он, ведь власть, которая в его руках теперь, по праву должна принадлежать тебе! Ты сильнее и честнее всех, а должен кланяться какому-то выходцу из конюшни!

— погоди, маска! Ты, кажется, хочешь втянуть меня в заговор?

— Разве так поступают заговорщики? Нет, я веду просто с тобой маскарадный разговор, мне захотелось поинтриговать тебя, потому что все, что я о тебе знаю, правится мне! В маскараде я с тобой встретиться не могла, потому что, ты сам сказал, маскарады запрещены, и вот я решилась сесть в твою карету. Впрочем, может быть, меня и на самом деле

нет, а это только тебе кажется, что я тут, возле тебя?

— Но ведь я явно слышу твой голос!

— Это, может быть, — голос твоих желаний и стремлений, голос тайника твоей души?

— Ну а что если я, чтобы убедиться, что ты существуешь, отвезу тебя сейчас в кордегардию и велю там снять с тебя маску, чтобы посмотреть, кто ты такая?

— Ты шутишь, конечно? Миних не может так поступить с женщиной, которая доверилась ему.

— Хорошо! — сказал Миних. — Поддай мне все-таки свою руку.

Она исполнила его желание. Ручка была маленькая, затянута в черную перчатку.

— Кто бы ты ни была, — произнес после некоторого молчания Миних, — но ты очень искусна в разговоре!

— К сожалению, только в маскарадном разговоре, а я хотела бы, чтобы ты серьезно подумал о том, что я говорила тебе.

— Если мне отнестись серьезно к тому, что ты мне говорила, то я по закону должен буду

сообщить по крайней мере в Тайную канцелярию.

— И, полно! Что я сказала такого особенного? Что ты велик своими победами? Но это всем известно и без меня; ведь у тебя дома на стене висит ковер, на котором сделана надпись: «Тот истинно велик, кто похож на Миниха!»

— Ты бывала у меня в доме?

— Может быть и была!

В это время карета остановилась у ворот миниховского дома.

— Мы, кажется, приехали? — сказал Миних. — Может быть, ты, маска, хочешь войти?

— О нет! Этого я не хочу! — рассмеялась она. — А вот что, велика карете проехать еще хоть на Невскую перспективу до Фонтанной и назад.

— Зачем это?

— Я не успела сказать тебе еще все, что нужно. Да неужели тебе так со мной скучно, что ты не хочешь исполнить мою просьбу?

— Пошел по Невской перспективе до Фонтанной и назад! — приказал Миних в распахнувшуюся дверь гайдуку.

Дверца в тот же миг захлопнулась, гайдук крикнул кучеру, и карета снова покатилаь.

20

ВОТ ТАК ДЕЛАЮТСЯ ДЕЛА

— Вот что, фельдмаршал Миних! — сказала Миниху маска, как только карета отъехала от его дома. — Мы сидим теперь в карете, которая обита стеганым штофом, и окна у нее подняты; никто не услышит нас — даже гайдуки, стоящие на запятках, потому, что кроме всего, наши слова заглушаются еще и стуком колес. Донести на тебя я не могу, потому что, во-первых, сама должна бы донести на себя самое; а во-вторых, никто бы мне не поверил, что я очутилась у тебя в карете и каталась с тобой. Поэтому мы можем разговаривать свободно, и ты меня слушай без стеснения. Ты — слишком предприимчивый человек, чтобы оставаться бездеятельным, когда тебя обижают.

— Разве меня обижают? — усмехнулся Миних.

— А разве нет? — воскликнула она. — Раз-

ве не обида то, что делают с тобой? Тебе отказали в герцогстве Украинском, тогда как Бирона сделали герцогом Курляндским. Ты по праву желаешь быть главнокомандующим войсками, которые ты водил в бои, а тебе в этом отказывают и отвечают тем, что дают тебе место чуть ли не камеристки принцессы Анны Леопольдовны!

— Ну довольно! Будет об этом! — остановил ее Миних.

— Хорошо! Об этом я не буду говорить, потому что все это ты и без моих слов отлично чувствуешь. Ты только не знаешь, как начать, но действовать ты готов!

— Почему ты это знаешь?

— Потому, что иначе ты не был бы Минихом!

— А кто мне поручится, что ты — не подосланная ко мне шпионка?

— Кем подосланная? Ведь только герцог мог подослать меня; но зачем ему это делать, когда он и без этого знает, что ты — его враг?

— Откуда же он может знать это?

— Он знает это оттого, что вы слишком непохожи друг на друга. Такой человек, как

Миних, не может не быть врагом такого человека, как Бирон, и герцог чувствует это. Но я понимаю, что тебе трудно начать, что ты не знаешь, как приступить к этому делу. Ну так начнут другие, помимо тебя, а ты пользуйся обстоятельствами, хотя, конечно, если бы ты захотел, ты бы мог помочь. Ведь вся суть теперь в принцессе Анне Леопольдовне; надо, чтобы она получила смелость и решительность действовать, важен первый толчок.

— Право, когда я тебя слушаю, — перебил ее Миних, — мне кажется, что, не будь у тебя твоей маленькой ручки и звонкого голоса, я подумал бы, что со мной говорит мужчина с хорошими мужскими мозгами.

— Мужчины ты не слушал бы! Так вот, дело в том, чтобы принцесса решилась на первый шаг. Ну хоть переехать на жительство в Зимний дворец и увезти туда сына!

— Кто же ей скажет об этом?

— Принцесса Анна — женщина, и с ней нужно действовать по-женски. Она, наверно, интересуется гадалками, ворожеями.

— Почему ты так думаешь?

— Потому, что она — молоденькая! Пото-

му, что женщина, и потому, что влюблена!

— Ого!

— История с графом Линаром ни для кого не секрет, а влюбленная молодая женщина, в особенности если предмет ее любви в отдалении, не может не интересоваться гадалками. У меня есть хорошенькая француженка гадалка! Надо провести ее к принцессе, а она уж наговорит так, что Анна Леопольдовна получит необходимую ей бодрость.

— Но чем же я тут могу помочь?

— Да больше ничем, как только указанием своему сыну Иоганну на то, что есть хорошенькая француженка-гадалка. Пусть он скажет об этом своей жене — Доротее, а та — своей сестре Юлиане.

— А где живет эта гадалка? — спросил Миних.

— Ремесло у нее такое, что ей нужно скрываться, поэтому она своего адреса не даст.

— Но как же тогда быть?

— А вот это надо придумать. Самое лучшее, чтобы присланный пришел в кофейню Гидля и там сказал за прилавком, что просят француженку Дюкар туда-то; она уж придет.

Мне кажется, что это будет лучше всего.

— Но как же ты хочешь, чтобы я провел к принцессе под видом гадалки совсем незнакому француженку?

— Какой ты смешной! Ведь вовсе не ты проведешь ее: ты тут останешься совсем в стороне.

— Но какое ручательство в том, что тут нет никакого предательства и что эта француженка действительно достойна того, чтобы привести ее к принцессе?

— Никакого ручательства нет, кроме разве моих слов. Но в данном случае мне должна помочь твоя проницательность. Я ни с кем не решилась бы на этот разговор! Но ты можешь оценить то, что я — не дура, и рассудить, что если я — не дура, то могу найти подходящую француженку!

— Что же, ты ее подкупишь, чтобы она говорила то, что ты хочешь?

— Миних, обзови уж лучше меня дурой, вопреки моему самомнению, чем говорить такие вещи; человек, работающий из-за денег, сегодня служит одному, а завтра будет служить тому, кто даст ему больше! Нет, моя

француженка будет действовать в своих интересах!

— В каких интересах?

— Ну разумеется в любовных!

— А-а, это дело другое! Но по крайней мере скажи мне, сделай милость, сама-то ты кто такая?

— Нет, ты положительно смешной! Зачем тебе нужно отягощать себя лишним? Ведь теперь ты можешь дать кому угодно честное слово, что не знаешь, откуда и как явится француженка, а если я назову себя, то установится между нами совершенно не нужное для тебя знакомство! Неужели ты не понимаешь, что я из деликатности, ради тебя надела эту маску и домино? Ты помни только одно: я тебя ни к чему не обязываю и ничего от тебя не требую; поступай как знаешь, по личному своему разуму и опыту. Однако, вот мы и приехали! — сказала она, увидев, что карета снова остановилась у ворот минихского дома.

— Ты положительно не хочешь выйти со мной? — спросил Миних.

— Положительно не хочу.

— Но как же мои гайдуки? Ведь они могут

поднять шум, заметив тебя в карете?

— Важное дело, что фельдмаршал Миних проехался в своей карете с женщиной!.. Как будто это случилось в первый раз!

Маска была права: это действительно случилось не в первый раз.

— Но все-таки помни, что я решительно ничего не сделаю из того, что ты мне тут наврала! — сказал Миних, выходя из кареты.

Один из двоих гайдуков, стоявших на запятках, откинул подножку и, высадив Миниха, повел его к входной двери, а другой отворил карету с противоположной стороны и, не откидывая подножки, выхватил высунувшуюся к нему маску в домино, и оба они исчезли в темноте.

Под домино и маской оказалась Грунька в своем суконном плаще и шелковом расфуфыренном платье.

Человек, высадивший ее из кареты, был, разумеется, Митька, одетый гайдуком Миниха.

— Ну что? Удалось тебе? — спросил он.

— Удалось! — ответила она. — Он сказал мне, что не станет меня слушать, но это —

верный признак того, что он сделает все так, как я ему сказала.

21

СЕЛИНА ДЕ ПЮЖИ

Предположения Митьки оправдались с совершеннейшей точностью.

Француженка Селина де Пюжи была в Дрездене в «амурных», как тогда говорили, отношениях с графом Линаром и явилась одним из многих мимолетных увлечений красивого и богатого молодого вельможи.

При саксонском дворе того времени, соперничавшем в пышности и блеске с версальским, были прочно установлены легкие французские нравы, которые предписывали молодому мужчине одновременно иметь три любовные связи: одну — с женщиной легкого поведения — по-тогдашнему с метреской, другую — с какой-либо дамой общества, лучше всего замужней, и наконец, молодой человек непременно должен был наряду с этими двумя питать любовь платоническую к какой-нибудь девице, томной и жеманной ко-

нечно, за которой он ухаживал открыто. Чем чаще менял светский «любезник» эти три любви, тем больше у него было завистников, и тем успех у женщин был ему более обеспечен.

Селина де Пюжи была одной из метресок Линара, с которой он, повозившись некоторое время, вздумал расстаться, полагая, что это так же легко удастся ему, как удавалось до сих пор с другими.

Но в данном случае он ошибся. Селина, вопреки всякой моде и обычаю, влюбилась в него настолько, так крепко-цепко, что никак не хотела примириться с этой разлукой. Она находила, что лучше, умнее и привлекательнее, чем была она, нет женщины на свете и что поэтому такой наделенный всеми достоинствами человек, как граф Линар, не должен покидать ее.

Чтобы отделаться от француженки, он ей сказал, что должен ехать в Петербург, и действительно уехал из Дрездена так быстро, что Селина не сразу смогла опомниться.

Она продала все, какие у нее были, драгоценности и тоже отправилась в Петербург в

надежде найти там Линара и снова вернуть его к себе. Для нее, француженки, возвращение в Петербург графа было весьма правдоподобно, потому что она знала из его рассказа в минуту откровенности, что в России у него было что-то такое с русской принцессой.

Приехав в Петербург, Селина отправилась во французское посольство, разыграла роль путешествующей маркизы, и ей помогли найти дом и обставили его, как нужно. Но ни с кем из трех нанятых слуг она не могла разговаривать, потому что они были русские и не понимали по-французски. Бывшая у нее в Дрездене горничная-француженка отказалась ехать в Россию, испугавшись нравов «дикой» северной страны, как она говорила.

По совету посольского чиновника Селина опубликовала в «Санкт-Петербургских ведомостях», что ей нужна горничная, знающая французский язык; по этой публикации явилась Грунька и была нанята без дальних разговоров.

В первый же день де Пюжи стала ее спрашивать, как найти в Петербурге графа Линара, а через два дня Грунька знала всю ее исто-

рию и могла сообщить Митьке, что его предположения вполне оправдались и правильны.

Тут они оба выработали план, и первым шагом к его выполнению была отважная поездка Груньки в карете Миниха с самим фельдмаршалом.

В подробности этой поездки француженка посвящена не была; ей только было сказано, что Грунька отправилась за справками относительно графа Линара и что для этого ей нужна шелковая роба и черное домино с маской.

Само собой разумеется, что всё это ей дала Селина, которая с нетерпением ожидала ее возвращения, беспокойно ходя по комнатам своего кокетливо обставленного домика.

— Ну что, ты узнала что-нибудь? — сейчас же стала спрашивать Селина, как только Грунька появилась в дверях.

Грунька, уже наученная Митькой, как и что говорить, произнесла таинственно и весьма доверительно:

— Его еще здесь нет, но ждут, что он придет.

— Неужели же это правда? — воскликнула француженка.

— Так по крайней мере говорят! — стала рассказывать Грунька. — Главное, все зависит, конечно, от принцессы, но надо ее подтолкнуть, чтобы она решилась.

— Решилась? На что?

— Дать свое согласие на приезд графа Линара в Петербург, а это зависит от нее. И вот появилась возможность подтолкнуть ее, но в этом деле не обойдется без вас!

— Без меня? — удивилась француженка.

Дело было в том, что Грунька хотя сравнительно очень недурно говорила по-французски, но все же руководствовалась при этом не столько тем, что хотела выразить, сколько теми словами, которые знала; поэтому Селина не всегда могла отчетливо понять ее.

— Да! Тут существует целый план... понимаете?.. План! — стала пояснять Грунька.

— Какой же это план?

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ

— План вот какой! — сказала Грунька. — Хотите видеть принцессу, вашу соперницу?

Селина де Пюжи была уверена все еще, что Линар покинул ее ради русской принцессы, и Грунька ее в этом не разубеждала.

— Я? Видеть принцессу? — удивилась Селина. — Но как же это будет?

— Очень просто! Вы должны будете разыграть роль гадалки, под видом этой гадалки будете проведены к принцессе Анне Леопольдовне и скажете ей все, о чем мы с вами условились.

— И это — правда?

— Клянусь вам.

— Ты — золото, а не девушка. Само Провидение послало мне тебя. Недаром мне моя мать сказала: «Помни, Селина, когда я умру, я буду за тебя молиться там, и Провидение будет хранить тебя». А она умерла, моя бедная мать! Но только я боюсь, сумею ли хорошень-

ко разыграть роль гадалки.

— Влюбленная женщина — вы ведь влюблены в графа Линара — сделает все, что нужно, и сумеет все!

— О да! — подхватила француженка. — Как хорошо ты это сказала! Влюбленная женщина сумеет все!

— Тем более, что это так легко! О прошлом вы можете рассказывать такие подробности, какие граф Линар мог сообщить вам, но принцесса же этого подозревать не может, а потому будет поражена и уверится в вашем искусстве; а затем, раз уверившись, поверит и во все, что вы ей скажете о будущем.

— Но что я ей скажу о будущем?

— Что она должна действовать с открытой энергией, что она должна выписать графа сюда, в Петербург.

— Но постой! — остановила ее Селина. — Как же это так? Я должна сама своей сопернице подсказывать мысль, чтобы она скорее вызвала сюда графа и была с ним счастлива, когда я... нет, ни за что! Ты с ума сошла!

— Но граф все равно приедет и без того, и все равно они увидятся и будут счастливы, ес-

ли вы не встанете между ним и ею!

— Да, все равно они будут счастливы! — вздохнула Селина.

— Ну так вот и нужно помешать этому!

— О да, нужно помешать! Но как?

— Посоветовать принцессе побыстрее выписать сюда Линара. Ведь чем скорее он придет, тем скорее вы и сами увидите его!

— Ах да, это правда! Ведь тем скорее я сама увижу его.

— А затем, — таинственно продолжала Грунька, — надо внушить принцессе, чтобы она начала смелее действовать против Бирона. Герцог-регент Бирон будет, конечно, сильнее ее и, раз она пойдет против него открыто, сам того не зная, станет вашим сообщником, может быть, низложит принцессу и заключит ее в монастырь.

— О-о! — пролепетала француженка.

— И вы будете отмщены! — заключила Грунька.

— Да, я буду отмщена! Все это придумано гениально!

— Мы, русские, привыкли к этому! — вдруг ни с того ни с сего ляпнула Грунька, больше

для того, чтобы сказать хоть что-нибудь.

— Я только теперь начинаю узнавать русских! — сказала Селина. — Недаром ваша империя стала так могущественна и сильна! Но что будет, если принцесса окажется сильнее герцога-регента и сумеет сделать так, что победа будет на ее стороне? Ведь это создаст ей новый ореол, а мы потеряем все!

Однако и на этот вопрос у Груньки был уже готов ответ.

— В России есть другая принцесса, — понижая голос до шепота, сказала она. — Это дочь Петра, великого императора. Народ обожает ее и не желает видеть на престоле другую. Теперь она еще не может вступить в открытую борьбу против принцессы Анны и герцога Бирона, когда они вместе. Но, если принцессу оставить одну, хотя бы и победив Бирона, она уже не сможет быть такой страшной для дочери Петра, и дни ее властвования будут сочтены. Вы меня понимаете?

— О да! Я понимаю и сделаю то, что ты говоришь: я поссорю эту ненавистную мне принцессу с герцогом Бироном! Это тебе говорит Селина де Пюжи. О да, теперь я понимаю,

что нужно делать дальше. Теперь я смело буду говорить с принцессой Анной о графе Линаре и хорошо разыграю свою роль. Когда нужно будет идти? Сейчас?

— Погодите, погодите, не так все скоро! — рассмеялась Грунька. — Ведь у вас сейчас даже подходящего костюма нет!

— Костюм сейчас найдется! Да он и не нужен; я видела гадалок великолепно одетых и катающихся в золоченых каретах! О-о, в Дрездене, где я жила в последнее время, они в большой моде, гадалки и гадальщики! Всесильный граф Брюль только и бредит ими. А свое лицо мне менять не нужно, потому что меня все равно никто не видел в Петербурге и никто не знает!

— Да, но ведь впоследствии вас могут увидеть и узнать!

— Ну и что же такое? Пусть я явлюсь в петербургском обществе в качестве предсказательницы грядущего! Авось при твоей помощи мне как-нибудь удастся продолжать разыгрывание этой роли.

— Ну а граф Линар?

— Что же граф Линар?

— Графу Линару вовсе не следует знать, что вы под видом гадалки виделись с принцессой и впутали ее в политическую паутину.

— В самом деле, ты права, тысячу раз права. Значит, мне нужно будет как-нибудь измениться?

— Совершенно верно. Мы это обдумаем и все устроим.

Селина задумалась и после довольно продолжительной паузы проговорила:

— Знаешь, Грунья (имя Груньки на русский лад она произносить не могла, и у нее выходило «Грунья»)? Знаешь, Грунья, а что как вдруг меня поймают и посадят в тюрьму?

— За что? — рассмеялась Грунька. — За то, что вы станете предсказывать будущее? Да ведь тогда всех женщин у нас пересажать надо — все они на картах гадают!

— Но если узнают, что я не гадалка?

— А кому здесь, в Петербурге, известно, кто вы именно? И затем, у вас тут уже есть защитник.

— Защитник? Откуда? Здесь, в Петербурге, у меня никого нет.

— Но ведь вы — француженка, и вас защи-

щает ваш французский посол, маркиз де Шетарди.

— В самом деле ты, Грунья, гениальна!

Грунька учтиво, как субретка на сцене, присела и отчетливо произнесла:

— К вашим услугам, сударыня!

23

ГАДАНИЕ

Митька с утра засел в общем зале кофейни Гидля и чувствовал себя очень прекрасно. Он курил, следил через плечо за партией в шахматы, которую играли два весьма почтенных на вид немца, пил кофе, потом пиво, завтракал и все время внимательно оглядывал каждого, который входил и приближался к буфетной стойке, где сидела хозяйка. Впрочем, делал он все это настолько незаметно, что никто и подумать не мог бы, что он здесь кого-нибудь ждет.

А Митька действительно ждал. Когда в кофейню вошел придворный служитель, приблизился к хозяйке и довольно громко спросил: «Где найти госпожу Дюкар?» — Жемчугов

тоже вскочил и тоже направился к стойке.

Хозяйка ответила, что ничего не знает о госпоже Дюкар, но что вот тут есть господин, который ждет, когда придут и спросят о госпоже Дюкар, и показала на Жемчугова.

Придворный служитель был из поляков и, обратившись к Митьке, сказал, что прислан за госпожой Дюкар, которая должна сегодня явиться во дворец, к фрейлине Юлиане Менгден.

— Хорошо, Станислав! — посмотрев на него, сказал Жемчугов.

Тот отшатнулся и, вдруг потеряв всю свою напыщенную важность, удивленно произнес!

— Вы знаете мое имя?

— Я ничего не знаю, — сказал Митька, — но госпожа Дюкар все знает и сказала мне, что придет спрашивать ее придворный служитель Станислав!

— Надо будет пройти через малый подъезд со стороны Летнего сада, — стал было пояснять придворный служитель, но Митька в важной внушительностью остановил его:

— Успокойтесь, мой друг! Госпожа Дюкар сумеет пройти и без ваших указаний.

Служитель пожал плечами и, почтительно поклонившись, ушел, чрезвычайно пораженный всем случившимся. Ему казалось сверхъестественным, что незнакомый ему человек узнал его имя и так уверенно сказал, что какая-то госпожа Дюкар не нуждается в его указаниях о том, как пройти во дворец.

Митька же, совершенно случайно узнал придворного служителя и, воспользовавшись тем, что тот не помнил его, разыграл маленькую комедию ради упрочения репутации мнимой гадалки госпожи Дюкар.

Его уловка имела совершенно невероятный успех: посланный рассказал, даже с прикрасами, все, что было, пославшей его фрейлине Юлиане Менгден, та, в свою очередь, передала обо всем Анне Леопольдовне.

Путь, избранный Грунькой, вернее Жемчуговым, для того, чтобы провести во дворец Селину де Пюжи под видом гадалки Дюкар, был совершенно правилен. Сын Миниха, Иоганн, был женат на Доротее Менгден, сестра которой, Юлиана, была фрейлиной принцессы Анны Леопольдовны. Последние были интимно дружны, и как только Доротея рассказала о

существовании в Петербурге замечательной гадалки, Юлиана, немедленно побежав к принцессе, сообщила ей эту новость, а та пожелала сейчас же видеть гадалку у себя. Тогда же был послан придворный служитель в кофейню Гидля, а когда он вернулся и передал свой разговор, необыкновенное впечатление от ожидаемой гадалки было произведено самое благоприятное.

Юлиана и принцесса сидели в ожидании в спальне Анны Леопольдовны и изредка выглядывали в дверь гардеробной, уставленной кругом ясеневыми желтыми шкафами комнаты, нет ли уже там гадалки. Им казалось, что эта пока еще таинственная для них личность должна появиться именно там.

Впрочем, в этом могло и не быть ничего необыкновенного, так как не идти же было гадалке через большой подъезд, через парадные комнаты, а гардеробная примыкала к коридору, по которому только и могла появиться Дюкар.

— Юлиана, она здесь! — вдруг воскликнула принцесса, отскочив от двери, после того как увидела в гардеробной какое-то довольно

странное существо в большой черной косынке, с черным же тюрбаном на голове, с бледным лицом, на котором, точно темные впадины оголенного черепа, темнели очки.

Принцесса уже готова была громко крикнуть, но Юлиана, более смелая, удержала ее и проговорила, заглянув в гардеробную:

— Ах, как страшно! Вот весело-то! Вы кто? — спросила она у странной фигуры, все-таки крепко схватившись за руку Анны Леопольдовны.

— Я — мадам Дюкар! — раздался шамкающий, хриплый, надтреснутый голос. — Вы меня звали?

Когда она заговорила, страх значительно уменьшился.

— Вас желала видеть принцесса! — сказала Анна Леопольдовна. — Мы сейчас пойдем и доложим ей.

По счастью для Селины, она видела еще у Линара портрет Анны Леопольдовны и узнала ее.

«О-о, она гораздо хуже в действительности, нежели на портрете», — подумала она, и это ей доставило большое удовольствие.

Селина внутри вся дрожала и делала невероятные усилия, чтобы овладеть собой. Она думала, что вот-вот выдаст себя, но, к своему крайнему удивлению, оказалось, что чем больше она внутренне волновалась, тем спокойнее играла свою роль и тем спокойнее произнесла в ответ на слова Анны Леопольдовны:

— Нечего докладывать, потому что вы сами и есть принцесса.

— О, да вы и в самом деле все знаете! — воскликнула Анна Леопольдовна, воображавшая, что ее наивная хитрость, заранее условленная с Юлианой, непременно должна будет обмануть гадалку.

— Да, я знаю все! — сказала Селина де Пюжи, внимательно и почти вызывающе оглядев принцессу Анну Леопольдовну.

Она знала, что ее собственная внешность гораздо привлекательнее, чем у этой похожей на немецкий крендель принцессы. Конечно, она ненавидела Анну Леопольдовну, и именно в силу этой ненависти, та показалась ей до того невзрачной, что ей даже стало обидно иметь дело с такой соперницей.

ДВЕ СОПЕРНИЦЫ

— Как же она нам будет гадать? — спросила Анна Леопольдовна по-немецки у Юлианы Менгден и тут же перевела свой вопрос по-французски.

В первую минуту француженке захотелось выкинуть какую-нибудь штуку, надсмеяться над принцессой под видом того, что этого якобы требует гаданье, но она все же удержалась.

В те времена всевозможные сказания и чудесничества были сильно развиты, и большинство таких женщин, из которых была Селина де Пюжи, знали раскладывание карт, хиромантию, то есть гадание по линиям руки, раскладывание бобов и другие способы, усовершенствованные довольно многочисленными магами, то и дело появлявшимися тогда.

Селина была знакома с хиромантией, и, хотя ее знания были в этой «науке» недостаточно велики, но их все же было вполне доста-

точно, чтобы увидеть, что судьба Анны Леопольдовны, как ей показывали линии руки, не предвещала ничего доброго. Она пристально и внимательно глядела на протянутую ей и перевернутую ладонью вверх руку принцессы и была поражена явными указаниями угрожающего характера. Юпитер был отмечен ясно, но покрыт сеткой, что означало возвышение, но затем падение. Линия жизни указывала на недолговечность, а линия счастья, которая у некоторых так определенно идет от среднего пальца через всю ладонь, во все отсутствовала. Не могло быть сомнений, что принцесса должна будет, несмотря на свое положение, претерпеть в жизни гораздо больше горя, чем радости.

Селина тем охотнее верила этому, что ей хотелось именно в это верить, и теперь должна была снова удерживать себя, чтобы уже не надсмеяться над несчастной, как она мысленно уже называла Анну, а только чтобы не сказать ей со злорадством, что того счастья, о котором она грезит, ей не видать, как своих ушей, да и вообще никакого счастья ей не будет.

«Ну что же! — думала Селина. — Пусть я ей скажу, что ее ожидают всевозможные радости, тем тяжелее для нее будет разочарование, когда они не сбудутся!»

Она отлично поняла план, который перед ней развила Грунька, и в вероятность осуществления этого плана она поверила теперь, тем более что видела по руке принцессы, что ее судьба, указанная линиями, вполне соответствует развитому Грунькой плану.

Грунька говорила, что надо вести дело к падению Анны Леопольдовны, и на руке принцессы было ясно указано это падение.

— Вы будете счастливы, будете обожаемы любимым человеком, — горячо заговорила Селина и сейчас же заметила, как у принцессы дрогнули губы.

— Я его увижу? — спросила она чуть слышно.

— О да! Но для этого нужна сила.

— Сила?

— Сила воли с вашей стороны, и только с вашей. Кто умеет приказывать, тому подчиняются. Препятствия, которые стоят на пути, ничтожны; вы только думаете, что вам меша-

ет сильный человек, но этот человек вовсе не силен. Вы должны быть смелы с ним. Решайтесь, и всё — слышите ли! — все, что вы захотите, удастся вам.

— Но ужасно трудно решиться! — сказала вдруг принцесса. — Вот если бы иметь хоть какое-нибудь неопровержимое доказательство, что вы не ошибаетесь!

— Я не могу ошибиться! — отлично играя свою роль, с твердостью произнесла Селина. — Наша наука не ошибается.

— Но дайте мне доказательство этому!

— Какого доказательства желаете вы? Убедитесь ли вы, если я вам скажу то, что знаете только вы и любимый вами человек?

— Скажите, — произнесла принцесса, — как зовут его?

Селина потупилась и, делая над собой новое усилие, с неизъяснимым выражением произнесла:

— Карльхен.

— Вот и неправда, вот и неправда, — захлопала в ладоши Юлиана. — Его зовут Мориц!

— Для вас он — граф Мориц, — подчеркивая слово «граф» остановила ее Селина, — а

для меня с принцессой он Карльхен.

Принцесса побледнела и стояла как бы уничтоженная.

По западному обычаю у графа Линара было несколько имен, и в обиходе он звался Морицем, но в числе его имен было и Карл, и уменьшительное Карльхен, которым назвала его сейчас Селина: он признался ей, что так его еще звала в минуту кратких перешептываний принцесса Анна Леопольдовна.

Селина не могла удержаться, чтобы не сказать про Линара, что он — Карльхен для «меня с принцессой», потому что не хотела отдавать ей его, но Анна Леопольдовна поняла эти слова в том смысле, что гадалка применяет себя тут от того, что уверена в своем знании всех — даже самых интимных — сторон человеческой жизни.

— Это поразительно! — произнесла Анна Леопольдовна и, обернувшись к Юлиане, сказала ей по-немецки: — Я именно так звала его, когда нас никто не слышал. Поразительно! Да, теперь я верю, то есть я убеждена! — добавила она снова по-французски в сторону Селины. — Скажите же, что я должна сделать,

с чего начать.

— Прежде всего, — внушительно произнесла Селина растягивая слова, — надо выйти из атмосферы его влияния.

— Я не совсем понимаю! — сказала принцесса. — Какой атмосферы? Какого влияния?

— Вашего врага, которого вы должны свергнуть.

— Это, очевидно, герцога Бирона! — шепнула почти с благоговением Юлиана.

— Если бы даже герцога! — продолжала Селина. — Вам нечего смущаться, так как вы свергнете его, будь он даже король, да, да, вы свергнете его! Но теперь вы находитесь в сфере его влияния, он тут, возле вас.

— Да, да! Поразительно! — снова повторила Анна Леопольдовна, которой теперь всё уже казалось поразительным из того, что говорила гадалка.

Селина видела, какое впечатление производят ее слова, и стала говорить еще смелее и настойчивее.

— Да, он знает, что делает! Он знает, что может влиять на вас только до тех пор, пока вы находитесь в его атмосфере.

— Но как выйти? Я не знаю...

— Переезжайте в другой дворец, чтобы не быть с ним под одной крышей, и — главное — не оставляйте с ним вашего сына!

— Но если он не позволит?

— Кто? Ваш враг? О нет, он не посмеет не позволить вам! Никто не посмеет! Действуйте же без колебаний!

— Вы мне это советуете?

— Я требую этого от вас во имя вашего счастья. До тех пор, пока ваш враг будет стоять над вами — а он действительно стоит над вами, — вы не увидите с любимым человеком. Но стоит вам сбросить вражеский гнет — и немедленно само собой сделается так, что свиданье станет и возможным, и близким, и мы вновь увидимся.

— Мы? — удивилась принцесса.

У Селины сорвалось это «мы», и она почувствовала, что еще миг — и она выдаст себя. Но словно сама судьба охраняла ее, та самая, несчастная для принцессы судьба, которая была в ее руках.

Селина нашлась.

— Да, мы увидимся, — сказала она, — когда

состоится ваше свидание с любимым человеком и все мои предсказания исполнятся. Тогда вы позовете меня, чтобы наградить за эти предсказания!

— Я и сейчас готова наградить вас! — воскликнула Анна Леопольдовна, доставая из кармана кошелек, наполненный золотыми.

Но Селина оттолкнула ее руку.

— Нет, денег я не возьму от вас! — сказала она и поспешно исчезла за дверью в коридоре.

25

СТАНИСЛАВ

Грунька была во дворце человеком бывалым настолько, что познакомилась со всеми ходами и выходами, и потому было немудрено, что она провела Селину де Пюжи к принцессе Анне. Кроме того, в числе привратников и слуг у Груньки были знакомые, и она всегда могла сослаться на них, если бы для нее вышло бы какое-нибудь недоразумение.

Но недоразумения никакого не вышло. Грунька так смело, с таким сознанием своей

правоты шла по коридору дворца, что никому и в голову не пришло остановить ее с Селиной. Что же касается ближайших горничных и камер-фрейлин принцессы, то они были предупреждены о посещении гадалки.

Тем же путем, как они и пришли во дворец, Грунька и Селина вышли из него, и, когда очутились на вольном воздухе в Летнем саду, француженка вздохнула свободно и тут только поняла, каких нравственных усилий стоила ей вся эта история.

Выйдя из дворца, она почувствовала себя вне опасности, но на самом деле опасность не только не миновала для нее, а напротив, тут-то, именно в Летнем саду, и ожидала ее.

Как только они миновали первое большое дерево, из-за его ствола вышел подстерегавший их человек и пошел за ними следом.

Грунька инстинктивно оглянулась и сейчас же заметила, что за ними следят, очевидно желая узнать, куда они направятся. Она сейчас же сообразила всю серьезность их положения и поняла, какие могут выйти осложнения, если будет узно, где они живут. Но она не сказала ничего Селине, и без того уже

слишком взволнованной, чтобы окончательно не привести в упадок ее дух. Она постаралась придумать какой-нибудь способ, чтобы избавиться от непрошеного соглядатая, но ей ничего не приходило в голову, и она с досадой подумала, как это Митька не предвидел такого обстоятельства и не предупредил ее о том, что надо делать в таком случае.

Они уже выходили из сада, как вдруг Грунька, оглянувшись назад, при повороте заметила, что к следившему за ними человеку подошел другой, хлопнул его по плечу и остановил.

Этот другой был Жемчугов, и Грунька успокоилась. Впрочем, в глубине души она была убеждена, что Митька обережет их и что он должен быть где-нибудь тут неподалеку. Поэтому теперь она вместе с Селиной смело направилась домой.

Митька предвидел возможность слежки за Грунькой и Селиной, когда они выйдут из дворца, и потому устроился в саду так, чтобы наблюдать за ними. Он сейчас же обратил внимание на человека, вышедшего из-за дерева и направившегося за девушками, но

остановил его только тогда, когда тот вышел из сада, чтобы по возможности быть подальше от дворца.

В соглядатае он узнал того самого служителя Станислава, который был послан в кофейню Гидля. Это облегчало Митьке действия, и он, открыто подойдя к поляку, хлопнул его по плечу и сказал:

— Напрасно, брат, стараешься: госпожа Дюкар все знает, но ты-то не узнаешь ничего.

Поляк вздрогнул и затрясся.

— Ах, это опять вы! — воскликнул он и заметался на месте, не зная, что ему делать. — Но в самом же деле я не виновен, — продолжал он, — меня ведь заставили это сделать!

— Кто? — спросил Митька.

— Но если госпожа Дюкар все знает, то она должна быть осведомлена о том, кто заставил меня следить за ней, и значит, меня незачем спрашивать! — проговорил Станислав.

Ответ был логичен и Митьке трудно было возразить, но он этим не смутился. Он приподнял шляпу, сделал вежливый поклон и произнес с несколько вычурным изяществом:

— Судя по несомненной грации вашего от-

вета, я вижу, что имею дело не с простым слугой, а с благородным польским шляхтичем, которому считаю своим долгом отрекомендоваться: вольный российский дворянин; но позвольте сначала узнать ваше родовое прозвище?

Шляхтич был польщен. Он тоже расклялся и сказал:

— Меня зовут Станислав Бронислав Казимир Венюжинский. Я крайне обласкан, но, извините, тороплюсь.

— Следить за этими женщинами? — подхватил Митька. — Но вы же видите, что они уже завернули за угол, и едва ли вы поспеете за ними.

— Виноват, но я должен поспеть за ними.

— Напрасно, пан Венюжинский, будете сутеться и утомляться. И зачем вам это делать, когда я с вами? Ведь вам же нужно узнать, где живет мадам Дюкар, не так ли?

— Ну разумеется!

— Так все гораздо проще: я вам скажу, вот и все.

— А если вы меня обманете?

— Тогда я все-таки буду в ваших руках, и

вы можете донести на меня! Вас, собственно, кто послал? Да знаете что? Не зайти ли нам и не распить бутылочку вина? Я вас могу угостить, потому что вчера получил жалованье.

— А, вы, значит, на службе?

— О да! Я на службе у князя Карагаева, — соврал Митька первую пришедшую ему на ум фамилию.

— Ах да, как же, как же, знаю! — сейчас же подтвердил поляк, хотя не только ничего не знал, но и княжеской-то фамилии такой не существовало.

Соображения Жемчугова, по-видимому, убедили Станислава, и он пошел с ним, не устояв перед соблазном выпить за чужой счет.

Они направились на другую сторону Фонтанной к бывшему там при верфях трактиру, посещаемому по преимуществу голландцами и вообще иностранными гостями. Трактир хотя и не был перворазрядным, но вино там подавалось достаточно хорошее.

Станислав Венюжинский с удовольствием выпил первый стакан залпом, прищелкнул языком и произнес:

— Доброе вино!

— Можно и повторить! — сказал Митька, снова наполняя стакан поляка.

— Меня послал сегодня герцог! — многозначительно заявил поляк и выразительно глянул на Митьку, чтобы посмотреть, какой эффект произведут на того эти слова.

— Та-ак! — сказал Митька и прищурился.

«Неужели, — подумал он, — я ничего не выпытаю у этой образины?»

А заставить говорить соглядатая самого герцога ему очень хотелось.

26

САМЫЙ ЛОВКИЙ И ХРАБРЫЙ ЧЕЛОВЕК

— Герцог послал меня как самого ловкого и храброго человека! — начал хвастать Венюжинский, отпивая вино. — Потому что, проше пана, поручение чрезвычайно деликатное, а меня всегда посылают с деликатными поручениями.

— Да вы где служите? — спросил Жемчугов. — На половине принцессы Анны Лео-

польдовны или у герцога? Или вы, может быть, из бывших слуг императрицы?

— Я имею честь состоять в штате ее императорского высочества принцессы Анны Леопольдовны.

— Так! А служите, значит, его высочеству герцогу Бирону?

— Ну мы же все ему служим, если он — регент Российской империи, — сказал Станислав.

— Ну конечно, — подтвердил его слова Митька, — так, значит, вас герцог Бирон считает самым ловким и храбрым человеком из всех слуг и потому послал вас сегодня? Но скажите, пожалуйста, каким образом он узнал, что во дворце сегодня будет мадам Дюкар и что надо послать туда кого-нибудь последить за ней?

— Так это же все по моему докладу! Как только сегодня принцесса послала меня в кофейню Гидля, я должен был сейчас же сообщить об этом...

— Герцогу?

— Да... и герцогу!

— Вернее, его камердинеру Иоганну!

— А вы знаете Иоганна?

— Ну кто же не знает старика Иоганна, камердинера герцога Бирона! — многозначительно произнес Жемчугов.

— Ну вот, я пошел, доложил господину Иоганну, что меня принцесса посылает в кофейню за неизвестной госпожой Дюкар. Иоганн велел мне идти и узнать адрес этой госпожи Дюкар.

— Но вы, конечно, не узнали?

— Но как же я мог узнать, когда только вы знали этот адрес, и если бы не случайная встреча теперь с вами, то я не знал бы, что делать. Когда я пришел к камердинеру герцога и сказал ему, что адрес узнать не пришлось, он очень сильно бранился и велел мне вернуться в кофейню и допросить как следует хозяйку.

— Ну, а хозяйка?

— Она сказала мне опять, что ничего не знает, что пришел какой-то неизвестный ей человек — то есть это были вы — и заявил ей, что если будут спрашивать госпожу Дюкар, то чтобы она указала на него. Она это и исполнила, а больше ничего не знает.

— Совершенно верно! Хозяйка кофейни сказала вам сущую правду, ей решительно ничего не известно!

— Ну вот, когда я пришел к Иоганну, он снова очень бранился и велел мне во что бы то ни стало выследить госпожу Дюкар, когда та придет во дворец.

— Так это вам Иоганн велел?

— Ну да, Иоганн!

— А вы говорили — герцог!

Венюжинский замаялся, но тотчас же вышел из неприятного положения, сказав:

— Так ведь господин Иоганн действует именем герцога, а значит, раз он мне дает приказание, то — это все равно, что если приказывает сам герцог Бирон... Поняли?

— Понял!.. Понял, — успокоил его Митька. — И вы, значит, это его последнее поручение выполнили блестяще?

— Не совсем! — поморщился поляк. — Все-таки лучше было бы, если бы я последил за этой госпожой Дюкар.

— И вовсе не лучше! Совсем даже не лучше! Почему вы знали, что госпожа Дюкар именно к себе домой возвращалась? Она ведь

могла бы и обмануть вас! А вы встретились со мной, и вам теперь все станет известно!

— Да уж вас-то я не выпущу!

Митька смотрел на Станислава Венюжинского и мысленно прикидывал, как ему поступить с ним: использовать ли этого поляка или просто отделаться от него и не связываться с ним? Венюжинский, казалось, ни к чему не годен был.

«Напою его и брошу!» — решил Митька и, спросив новую бутылку вина, стал подливать поляку и сам пить.

Свою силу Митька знал и испытал на опыте, что не только двух бутылок, распитых вдвоем, было мало, чтобы опьянить его, но он в одиночку мог осушить их пять без всякого ущерба для себя. Поэтому Митька смело пил. Однако он, к своему крайнему изумлению, в один миг почувствовал, что голова его слабеет, все вертится в глазах, они слипаются сами собой, вся действительность исчезает и он словно вместе с ней проваливается в сыпучий мелкий песок. Это был один именно миг, потому что вслед за этим Жемчугов упал на стол и заснул.

— Ага! — почти громко произнес Станислав Венюжинский. — Я вовсе не так глуп, как кажусь! Ты хотел меня обдурить, ан, сам и обдурился!

Он вовремя догадался о желании Митьки напоить его и бросить и успел незаметно подсыпать тому в стакан сильнодействующий сонный порошок, бывший при нем всегда по приказанию Иоганна, на всякий случай. Он уже однажды воспользовался этим порошком, знал его действие и был спокоен, что Митьку теперь ничто не разбудит, пока он сам не проснется, а это случится не скоро.

Станислав заявил хозяину трактира, что пришедший с ним товарищ ослабел и заснул и что он просит его не трогать, потому что сейчас сбегает за людьми и отвезет его домой.

Это было вполне в трактирных нравах того времени, и никого не поразил человек, захмелевший в общедоступном питейном заведении, когда еще сравнительно недавно, в том же Петербурге, на ассамблеях при Петре Первом, валились с ног как подкошенные высшие сановники от выпитого кубка Большого Орла.

Венюжинский, оставив Митьку под при-
смотром трактирщика, побежал во дворец с
докладом Иоганну, с тем чтобы представить
ему Митьку целиком, как тот был. Станислав
торжествовал; дело Жемчугова выходило
нехорошо, так как он попал в переделку к
ближайшему клевету свирепого Бирона и
миновать ему расправы князя Трубецкого, ка-
залось, невозможно.

27

ВОТ И НАЧАЛОСЬ

После разговора с гадалкой принцесса Анна
Леопольдовна не спала ночь или, вернее,
провела эту ночь в каком-то полусознатель-
ное забытие, в котором действительность, то
есть стены спальни и зеленый шелковый по-
лог над кроватью со слабо теплившейся в уг-
лу образов лампадкой, мешалась с отрывка-
ми из минувшего, вдруг всплывавшими с осо-
бой яркостью. Анна Леопольдовна не могла
разобрать, была ли это яркость внешняя, или
ее чувства были так остры, что ощущения
внутреннего мира переходили во внешний.

Она чувствовала себя в маленьком немецком княжестве, в очень бедном, но таком миллом, уютном и славном, каким милым, уютным и славным нам кажется все, что мы знали в детстве. И тогда весь мир для нее сосредотачивался в этом княжестве, и она не знала и не могла себе представить, как велика земля. Она ни на что не надеялась, ни о чем не мечтала и была уверена, что ее жизнь пройдет тихо, спокойно, легко и округло, как вкусная сдобная булка. Ее в детстве и самое звали «булочкой», и она привыкла соединять в своем представлении скромное довольство родной ее немецкой жизни с булкой.

Конечно, это было нелепо, если бы о том рассказать кому-нибудь; но принцесса никому не рассказывала, а знала «свое» про себя.

И вдруг словно вихрь подхватил и закружил ее. Внезапное, совершенно неожиданное вступление на российский престол родной ее тетки, Анны Иоанновны, проезд к петербургскому двору, первые одуряющие впечатления громоздкой роскоши — от всего этого так захватывало дух, как во время взлета на качелях.

Прежде она звала всех старух «сухарями», и собственная ее судьба представлялась ей так, что она из «булочки», когда пройдет много-много лет, сделается «сухарем», но теперь, в «турбильоне» (ей нравилось именно это слово, и она повторяла его) петербургского двора она боялась «искрошиться» прежде времени. И она, когда ей бывало очень весело, кружилась, взявшись за руки со своим преданным другом, фрейлиной Юлианой Менгден, и быстро-быстро повторяла:

— Крошки... Крошки...

Сначала все было очень хорошо и великолепно, в особенности, конечно, красавец граф Линар и ее невинная игра с ним в любовь. Но затем пошла целая цепь неприятностей, словно бы бред налетевшей болезни. Насильственный отъезд Линара из Петербурга, разлука с ним и обидное открытие, что ее, маленькую принцессу Анну, милую и славную, которая готова любить всех, и в особенности графа Линара, вовсе не считают даже за человека, за женщину, а хотят сделать из нее какую-то машину для рождения нужного им наследника престола. И это было самое обидное

и унижительное в бедном и насильственном браке с нелюбимым, непривлекательным, почти юродивым зайкой, принцем Антоном Брауншвейгским.

Тянулись дня, тянулись ночи; бред продолжался, и сколько раз хотелось Анне Леопольдовне сделать усилие, чтобы сбросить с себя этот болезненно-тлетворный бред; но сил и возможности у нее совершенно не было.

Однако бывает, что во сне в такой момент является какая-то тень, что-то происходит, и просыпаешься и снова возвращаешься к здоровой последовательной жизни.

Это «что-то» для Анны Леопольдовны как будто случилось в появлении закутанной в темную косынку, с черными очками гадалки. Теперь как будто можно было сделать усилие, чтобы прекратить бред, и Анна Леопольдовна чувствовала, что надо сделать это усилие.

В ночном сумраке ей чудился красавец Линар, и чудилась власть, и вдруг ей пришло в голову, что в России только что управляли две — одна сменившая другую простые женщины! Екатерина Первая была из простых немок; простота, в которой выросла Анна

Иоанновна, была тоже известна всем. Так неужели же она, принцесса по рождению, не может сделать то же, что сделали они?

При императрице Анне был Бирон, а при ней будет граф Линар. Он уже виделся ей таким, каким она знала его, и мысли у нее стремительно метались, как ласточки по небу.

Принцесса металась по своей подушке с горячим раскрытым ртом, и вдруг сквозь ее грезы, как бы для того, чтобы еще лучше оттенить ее жизнь, от которой она хотела освободиться, как от бреда, мелькнуло нечто, показавшееся ей темной тучей.

Почивавший рядом с ней тщедушный супруг в ночном колпаке, делавшем его лицо особенно неестественным и непривлекательным, проснулся и со свойственным ему косноязычием лепетал что-то непонятное.

— Что? — громко переспросила его принцесса Анна.

Он спросонья чавкал губами и заикался еще больше обычного:

— Я хочу... пи... пи...

— Что?

— Пи... ну, пи-ить! — выговорил он нако-

ПЕРВАЯ СТЫЧКА

В этот день Анна Леопольдовна поднялась раньше обыкновенного, откушала стакан сбитня, который тогда пили вместо чая или кофе, пошла в детскую своего сына-императора и села возле его люльки.

Герцог Бирон взял себе за обыкновение входить к малютке-императору не только без доклада, но и в самые разнообразные часы суток, когда это ему приходило в голову. На этот раз он пришел тоже довольно рано и как будто удивился, что принцесса Анна Леопольдовна уже встала и одета. На самом же деле ему было донесено, что она велела заложить карету, причем приказала гвардейцам, составлявшим караул императора, сопровождать ее.

— Вы собираетесь куда-нибудь ехать? — спросил он принцессу, не титулуя, и если не в грубом, то в довольно развязном тоне.

Она подняла на него взор, и одно мгнове-

ние ока, быстрое как молния, было решающим. Не выдержи она этого мгновения, все было бы по-иному. Но принцесса выдержала благодаря тому, что вместо глядевших на нее глаз Бирона увидела черные очки гадалки. И теперь Бирона больше как бы не существовало для нее. И она, совсем иная с ним, чем была прежде, вызываяще ответила ему:

— Да, я переезжаю сегодня в Зимний дворец!

Бирон с видимым равнодушием отодвинулся от нее и нагнулся над люлькой младенца.

Анна Леопольдовна вспыхнула. Ей показалось несколько противным, как смеет этот человек, совсем ей чужой и отвратительный, даже ненавистный, так обращаться с ее сыном, подходить к нему и нагибаться над ним. Она резким движением приблизилась и, задев локтем герцога, взяла из люльки спеленатого сына.

— Что вы хотите этим сделать? — спросил Бирон.

— Император поедет со мной в Зимний дворец! — произнесла Анна Леопольдовна.

— Но ваше императорское высочество, я не могу допустить этого! — возразил герцог. — Император должен оставаться там, где пребывает регент, а я не могу отлучиться из этого дворца, так как здесь еще находится тело почившей государыни.

Принц Антон, в бархатном шлафроке и в наспех, криво надетом парике, вошел в это время в комнату, закивал головой и забормотал:

— Я... я... ккак... от... ец... не... позз... воляю!

— Ваша светлость, здесь вы ничего не значите, и дело вас не касается! — сказала Анна Леопольдовна своему мужу и, обратившись к герцогу, проговорила, повышая голос. — Я — мать вашего государя, и никто в мире не отнимет у меня моего сына!

С этими словами она повернулась и ушла.

Последовавшая за ней мамка по ее приказанию хлопнула дверь и щелкнула в замке ключом.

Герцог закусил губу и, не зная, на ком сорвать свою злость, взглянул на принца, дрожавшего всем телом и лепетавшего что-то совсем бессвязное.

— Я прошу вашу светлость, — крикнул, сам не зная почему, Бирон, — не вмешиваться в мои дела с принцессой! Вы слышали, что ее императорское высочество сказала вам в глаза, чтобы вы не изволили соваться! Вы должны знать, что посредничество бывает хорошо только со стороны умных людей, а не... — герцог вдруг оборвал свою речь, как будто опомнившись и сейчас же, овладев собой, продолжал мягким и даже вкрадчивым голосом: — Вы, любезный мой принц, должно быть, вовсе не понимаете своего настоящего положения! Неужели вы не замечаете, что ваша жена ненавидит вас? Впрочем, еще покойная государыня слышала от принцессы, что она пойдет лучше просто на плаху, чем выйдет за вас замуж!.. Понимаете теперь, что вы значите?

В это время под окном дворца послышался стук экипажа, и герцог с принцем увидели карету Анны Леопольдовны.

Бирон стремглав кинулся в вестибюль, натянул на себя обыкновенно носимый им бархатный плащ, подбитый горностаем, и выбежал из подъезда.

Принцесса, посадив в карету мамку, дер-

жавшую на руках укутанного в теплое одеяло императора, сама становилась на подножку. У кареты стояли измайловцы.

Герцог приостановился, словно кто-то схватил его холодной, ледяной рукой за сердце и сжал; колени у него затряслись, он снял свою с алмазным аграфом шляпу и почти-точно помог принцессе сесть в карету, отдав ей на прощанье низкий поклон.

Оставшись один, принц Антон долго смотрел в окно, мимо которого проехала карета с его женой, сыном и мамкой сына. То, что произошло в подъезде, он видеть не мог и, постояв у окна, наконец сообразил, что ему делать. Он поднял палец кверху и на цыпочках, с выражением лица очень тонкого человека, которого не надуешь, последовал в уборную, где самым тщательным образом занялся своим туалетом. Он хотел выиграть время в этом заведении, уверенный, что в дальнейшем события не замедлят выясниться сами собой — или герцог сам переедет в Зимний дворец, или насильно перевезет императора на прежнее место.

Впрочем, принц Антон не сомневался, что

случится последнее и что тогда-то он покажет себя жене, так как над ней верх будет его.

Но, как ни тянул его светлость принц Антон свой туалет, все-таки не дождался ничего определенного и пешочком направился сам в Зимний дворец, делая вид, что будто не случилось ничего особенного, а все произошло так, как и быть должно.

29

ДРУЖЕСКИЙ СОВЕТ

Звук выстрелившей пушки не мог бы долететь так скоро и на такую широкую округу, как разнеслась по Петербургу весть о том, что Анна Леопольдовна, вопреки желанию герцога-регента, перевезла своего сына в Зимний дворец.

Одним из первых, то есть сейчас же, почти немедленно, узнал об этом Андрей Иванович Ушаков, которому было доложено все до мельчайших подробностей содержимыми им во дворце агентами.

Ушаков выслушал донесение, не выказав никакой суеты или волнения. Когда ему до-

кладывали, он всегда слушал так, что докладчик никогда не мог распознать, знает ли уже Ушаков то, о чем ему говорят, или слышит об этом в первый раз.

Запряженная и вполне готовая к поездке карета всегда стояла у него в сарае, и генерал велел подавать. Он без поспешности оделся в военный сюртук, взял треугольную шляпу, долго возился, надевая шпагу и плащ, и, сев в карету, сказал гайдуку, подымавшему подножку:

— Вели ехать, не торопясь, к кабинет-министру Остерману!

Остерман жил в своем доме вполне как русский помещик, несмотря на то что был коренным немцем. Это происходило потому, что он был женат на девице Стрешниковой, чисто русской по природе, и жили они весь век душа в душу. Жена заведовала хозяйством и всем домом, а Остерман впутывался в ее дела лишь постольку, поскольку требовала этого его баснословная скупость. Последнюю он привил и жене, и, как ни была экономна она, он все-таки находил каждый день причины для ворчания.

Сам он одевался крайне неряшливо и даже ко дворцу являлся в совсем изношенном платье и в спускавшихся некрасивыми складками чулках, дома же ходил неизменно — и зимой, и летом, с тех пор как его помнили, — в красном, суконном, на лисьем меху халате, с вышитой на боку канителью звездой. Когда летом бывало очень уж жарко, Остерман снимал свой халатик, вешал его на гвоздик и оставался в одном белье.

Однако теперь уж наступала зима, и Остерман сидел в своем подвижном, на больших колесах кресле, укутанный не только халатиком, но и одеялом, которым были покрыты его по-старчески зябкие ноги. Политическое положение было очень ненадежно, по расчетам Остермана, и потому он «больной» сидел дома. На лбу у него был зеленый зонтик — признак, что Остерман болен, что называется, с большими онёрами.

В лакейской у него был отдан приказ никого не принимать, кроме нескольких очень немногих лиц, и в числе этих лиц был и генерал-аншеф Ушаков.

Таким образом, Андрей Иванович был до-

пущен к «больному» старику немедленно и, войдя, застал его «ну вот совсем умирающим»: Остерман охал, стонал, и его обыкновенно худое и бледное лицо было совсем зеленым, главным образом от отсвета, бросаемого на него зеленым зонтиком.

— Ну как ваше здоровье, тетка? — стал спрашивать Ушаков.

Он говорил с кабинет-министром так по-просту, во-первых, в силу своего давнего знакомства с ним, а во-вторых, потому что Остермана звали, как и Ушакова, тоже Андреем Ивановичем, и значит, он был ему тезкой во всей, так сказать, полноте.

— Плохо... ох, плохо! — кашляя, застонал Остерман.

— Жаль мне вас! А теперь-то именно и нужны бы вам все ваши силы! Теперь его высочество герцог-регент, вероятно, особенно нуждается в вашем содействии!

Остерман покачал головой и, не отвечая, опять заохал.

— Матушка нашего обожаемого монарха, — продолжал Ушаков, — изволила переехать сама и перевезла в Зимний дворец свое-

го высокорожденного сына. Вы об этом осведомлены, конечно?

Остерман слабо махнул рукой, с выражением: «Куда уж мне!»

— Были, батюшка Андрей Иванович, были! — рассмеялся Ушаков. — Доказательством этому служит весь ваш вид и зеленый зонтик над глазами!

— Что вы этим хотите сказать? — несколько строго спросил Остерман по-немецки, переходя вдруг на этот язык.

— Да ничего больше, кроме того, что это известие, очевидно, так взволновало вас, что сильно повлияло на ваше здоровье: иначе с чего бы ему так резко ухудшиться? А вам теперь хворать, повторяю, нельзя, потому что мы все без вас, как без рук. Вот и я к вам приехал сейчас за советом!

— За каким советом? — слабо проговорил Остерман.

Он любил, когда к нему приезжали за советом, хотя никогда и никому не давал их. Он был скуп даже на это.

— Да за советом, как лучше действовать в интересах и к пользе его высочества герцога

Бирона, который поставлен волей покойной императрицы во главе правительства. Мне бы казалось, что его высочеству нужно было бы, с одной стороны, накрепко привлечь к себе братолюбивое сердце принцессы, а с другой — отвлечь чем-нибудь ее императорское высочество Анну Леопольдовну от забот правления, конечно для нее тягостных, и весь свой ум и опыт посвятить на пользу России. На долю же принцессы пусть выпадут представительство и пышность, причем эта пышность теперь должна быть увеличена хотя бы приглашением блестящих молодых иностранных дипломатов к русскому двору. Это уж целиком по вашей части, глубокоуважаемый Андрей Иванович!

Остерман слушал Ушакова очень внимательно и вдруг снял со лба зеленый зонтик.

— А ведь вот что значит живая беседа! — сказал он. — Ведь вот поговорил с вами, и легче стало! Я думаю, что это просто моя мнительность! Мне кажется, что я вовсе не так уж и болен!

— То-то мнительность! — подхватил Ушаков. — Бросьте вы эту самую хандру и поедем-

те сейчас к герцогу Бирону. У меня карета тут, я бы вас и подвез.

Остерман три раза хлопнул в ладоши.

В дверях немедленно появился крепостной казачок.

— Дай-ка мне парадный кафтан! — приказал Остерман казачку, и тот, взявшись за спинку кресла, покатил кабинет-министра одеваться, чтобы тому можно было ехать во дворец.

30

ЗДРАВЫЙ УМ

Появление Андрея Ивановича во дворце сопровождалось некоторого рода церемонией, происходившей вследствие его якобы тяжелого болезненного состояния. В карету его сажали на руках и вынимали оттуда так же, для него во дворце держали кресло-носилки, на которых четыре дворцовых гайдука и втаскивали его. Таким образом появился он и в спальне умершей императрицы пред самой ее кончиной, когда давал ей вместе с Бироном подписывать духовное завещание.

Приезду Остермана с Ушаковым герцог Бирон искренне обрадовался. После своей сцены с принцессой Анной Леопольдовной он не только не знал, как ему быть, но и не мог как следует оценить, насколько важно и серьезно было это происшествие. В первый раз за все время пребывания его у власти с ним обошлись так, как это сделала принцесса, и он был так поражен, что не нашелся ничего сделать другого, как посадить ее в карету.

Как ни утешал себя Бирон, что это было с его стороны очень тактично, он не мог не чувствовать, что получил толчок, который сшиб его с высоты; и он не знал, все ли уже потеряно или еще не все. Может быть, это он только так чувствует, а остальные не заметили этого или не посмели заметить.

И вдруг одним из первых явился к нему Остерман с Ушаковым; если Остерман, наиболее чуткий и осторожный, остававшийся дома в качестве больного даже при гораздо более маловажных случаях, решился приехать к нему, Бирону, — значит, не только еще ничего не потеряно, но старый опыт Остермана говорит, что он, Бирон, не пропадет так скоро.

Поэтому Бирон встретил второго кабинет-министра с распростертыми объятиями, в буквальном смысле этого слова, и радостно приветствовал Ушакова.

Последний держал себя так, как будто решительно ничего не случилось, а это еще более успокоило Бирона. Он постарался сделать вид, что тоже совершенно спокоен и равнодушен, и повел разговор о незначительных предметах, нетерпеливо ожидая минуты, когда останется наедине с Остерманом, мнение которого было для него решающим. Ушаков сейчас же угадал это — да это было и нетрудно — желание герцога и удалился, сказав, что пройдет к телу императрицы и будет в большом зале ждать, когда его позовут.

Как только он ушел, Бирон быстро повернулся к Остерману и по-немецки сказал:

— И вы, конечно, знаете выходку этой безумной?

Остерман не счел нужным притворяться, пожал плечами и проговорил:

— Женщина всегда остается женщиной! Я удивляюсь, как ваше высочество, такой тонкий знаток женского сердца, в этом еще не

убедились!

За Бироном установилась репутация тонкого знатока женского сердца только потому, что он сумел понравиться императрице Анне Иоанновне. На самом же деле он был груб и мог прельстить разве что забытую, содержащую в черном теле герцогиню Курляндскую, по природе своей не склонную к деликатности. В действительности же по своей грубой природе Бирон не знал не только женского, но и вообще человеческого сердца. Недаром про него говорили, что о людях он судит, как о лошадях.

Однако рассчитанная лесть Остермана была ему приятна, и он, самодовольно усмехнувшись и приосанясь, ответил:

— Ну конечно, я знаю женское сердце, а потому и остаюсь совершенно спокоен и не помешал принцессе исполнить свой каприз!

— И отлично сделали!

— Ну вот, я так и думал, что вы одобрите это! — обрадовался Бирон. — Неправда ли, ведь иначе поступить было нельзя?

— Самое лучшее, чтобы управлять женщиной, — это исполнять ее капризы, но не поз-

волять ничем распорядиться! — ответил Остерман, продолжая говорить в тон герцогу.

— Ну разумеется! ну разумеется! — согласился Бирон и, очень собой довольный, прошелся по комнате.

— Надо все-таки, ваше высочество, на будущее время оградиться от таких вспышек! — произнес Остерман.

— Ну конечно, надо оградиться! Я и сам хотел это сказать!

Барон опять прошелся, потом остановился, повернулся и сказал:

— Но как это сделать?

— Надо занять воображение принцессы и отвлечь ее внимание в другую сторону!

— Прекрасно! Но чем же вы отвлечете ее внимание в другую сторону?

— Дать ей игрушку, которой бы она занималась и не мешала вашему высочеству!

— Ну что ж, я очень рад! Но какая же это может быть игрушка?

— Ну разумеется что-нибудь по сердечной части! Принц Антон, конечно, не может быть предметом ее женских дум и мечтаний! Вероятно, у нее есть кто-нибудь, о ком она мечта-

ет.

— Знаете, что я придумал? — вдруг повернулся к нему Бирон, пройдясь снова по комнате. — Она ведь действительно была влюблена в этого — как его? — саксонского посла!

— Графа Линара, что ли? — подсказал вопросом Остерман.

— Вот именно, графа Линара!

— Графа Линара можно снова вызвать! Стоит только написать об этом в Дрезден!

— Но удобно ли будет это по дипломатическим конъюнктурам? Ведь мы, помнится, тогда потребовали его отозвания?

— А теперь просим его вернуться сюда вновь, чтобы загладить прошлое; это будет вполне тактично.

Бирон был человеком совершенно невоспитанным и от природы бестактным, но именно поэтому любил рассуждать о приличии и такте. Впрочем, в этих вопросах, в особенности когда они касались дипломатических дел, Остерман был для него авторитетом.

— Если вы находите возможным, — сказал он, — написать в Дрезден, тогда напишите по-

скорее!

— Я могу сделать это, только получив от вашего высочества приказание, как от регента Российской империи! По вашему распоряжению я могу написать официально!

— Да, да, я поручаю вам написать официально!

— Воля вашего высочества будет исполнена! — торжественно заявил Остерман и замолк.

Бирон был в восторге от своей выдумки. Он был полностью уверен, что это ему пришло в голову выписать Линара, чтобы воспользоваться им как сильным козырем в игре с принцессой. Эта комбинация была ему особенно приятна потому, что убеждала его в том, что он — тонкий знаток женщин. Но он все-таки не мог не отдать справедливости и Остерману, который так хорошо понимает его, Бирона, и, прощаясь с ним, он сказал, отвечая на его поклон:

— Я удивляюсь, как в таком больном теле бодрствует такой здравый ум, вопреки пословице, что в здоровом теле и здоровый ум!

— Бывают и исключения, ваше высоче-

ство! — улыбаясь своими тонкими, бескровными губами, проговорил Остерман. — Бывает, что и в очень здоровом теле совершенно никуда не годный ум... процветает!

Когда Остермана выносили из дворца, он внутренне торжествовал. Теперь он не сомневался в окончательном падении Бирона, так как видел, что герцогу и думать нечего о том, чтобы совладать с принцессой Анной; но он, Остерман, мог быть за себя спокоен — у него для себя теперь была страховка в письме в Дрезден с вызовом графа Линара, которое он сегодня же напишет. Но как Бирон был уверен, что до этой комбинации он дошел сам, так и Остерман забыл теперь о том, что он сам-то действовал все-таки не совсем самостоятельно, а по подсказке Андрея Ивановича Ушакова.

СТАРАЯ СОБАКА

— Я — старая собака, — сказал Иоганн, натягивая ботфорты герцогу, — и говорю вам, что все это очень плохо!

— Ты ничего не понимаешь! — ответил своему доверенному камердинеру Бирон. — Напротив, все очень хорошо! И Андрей Иванович Остерман говорит то же самое!

— Я Остерману не верю! — сквозь зубы проговорил Иоганн.

— Кому же после этого верить?

— Никому! Одному только Иоганну. Он один ошибиться не может.

— Отчего же так?

— Оттого, что я — старая собака и действую чутьем. Надо сейчас же показать власть и силу, пока еще не увидели, что нас можно не бояться! Велите сейчас же арестовать принцессу, а императора с почестями и церемониями перевести во дворец к вам!..

— Что за вздор! — усмехнулся герцог. Он был так доволен собой, что совет Иоганна по-

казался ему смешной шуткой.

— Велите сейчас же, — повторил Иоганн, — завтра уже будет поздно!

— Полно, Иоганн! Видишь ли, нельзя управлять все только силой! Нужны также сноровка и хитрость!

— Хитрость — хитростью, а сила — силой! — угрюмо сказал Иоганн. — Я боюсь тут каких-нибудь внезапных подвохов!

— Что ты этим хочешь сказать?

— А то, что вчера под видом гадалки во дворец приходила какая-то француженка и беседовала с принцессой и Юлианой!

— Глупости! Ты не знаешь женщин, Иоганн! Они очень падки на всякого рода гадания! Покойная императрица тоже любила гадалок с тех пор, как оправдалось, казавшееся сначала невозможным предсказание одного из них, что она займет императорский престол.

— Да, но эта гадалка мне не нравится! Уж что-то она очень таинственна!

— Все гадалки таинственные, уж таково их ремесло.

— Но эта тщательно скрывает свое место-

жительство!

— Да разве трудно было выследить ее? Или ты не догадался послать за ней верного человека?

— Конечно послал, но этот осел Станислав оказался на этот раз неисправным и потерял все следы.

В другой раз такое сообщение вызвало бы приступ вспыльчивости у герцога, но сегодня он был в духе и потому только рассмеялся.

— Как же это он потерял их?

— Да кто его знает? Наплел какую-то околесицу! Одно несомненно, что он выпил! Пришел ко мне, потребовал людей, чтобы захватить в трактире человека, оставленного им там будто бы сонным, а когда туда пришли, то оказалось, что никакого человека там и нет!

— Твой Станислав, очевидно, соврал!

— Очень может быть. Но не в нем дело, вся суть в этой гадалке. Надо во что бы то ни стало узнать, что она говорила принцессе. Очевидно, это она придала смелости ей, а если это так, то, значит, что та гадалка была подслана и, очевидно, существует кто-то, желающий руководить принцессой против вас.

— Но кто же это может быть?

— Кто его знает? Остерман, Миних...

— Да ведь они же — немцы, и я объяснил им, что они сильны лишь до тех пор, пока мы все трое вместе!

— Ну я не знаю, герцог, может быть, и иной кто-нибудь!

— Иного никого нет и не может быть. Все это — вздор! Недоставало еще того, чтобы мне нужно было бы бояться какой-то там гадалки!

— Всегда надо бояться того, что неизвестно, а я докладываю вам, что мы этой гадалки еще не нашли.

— Перебрать всех гадалок в Петербурге!

— Да я-то вот думаю, что на самом деле то была не гадалка; ведь обыкновенной ворожее нет основания скрывать свой адрес, когда ее зовут во дворец. Напротив, этого довольно, чтобы все фрейлины и придворные дамы стали бы обращаться к ней за советами. Поэтому настоящей гадалке, существующей своим ремеслом, важно, чтобы ее имя стало как можно шире известно и чтобы все знали адрес, где она живет.

— Да что ты пристал ко мне с этой своей

гадалкой! У меня заботы есть гораздо более важные!

— А я, как говорю вам, чувствую, что это важнее всего!

— Вовсе нет! Поддай мне перчатки и шляпу. Карета подана?

— Ждет у подъезда. Далеко изволите ехать?

— В Зимний дворец, к принцессе.

— Вместо того, чтобы арестовать ее?

— Ах, Иоганн, я уже сказал тебе, что там, где действует человеческий ум, сила не нужна. Поверь мне, я слишком хорошо знаю сердце женщины, чтобы справиться с такой принцессой, как Анна Леопольдовна! У меня есть против нее оружие!

Герцог взял шляпу, перчатки и быстрыми шагами направился к выходу.

Иоганн посмотрел ему вслед и покачал головой. Он именно только чутьем, но зато совершенно определенно, чувствовал, что герцог, которому он служил уже тогда, когда тот был еще простым Биреном, дошел до того предела высоты, с которого для него начнется падение. И, злой, со стиснутыми зубами,

Иоганн вышел из кабинета герцога.

В коридоре его поджидал Станислав.

— Что, нашли где-нибудь? — спросил его Иоганн.

— Да нет же, пане Иоганн! Я пришел еще раз уверить вас в том, что я совершенно ни в чем не виноват! Я же чрезвычайно ловко всыпал ему сонный порошок, тот самый, который...

Иоганн сделал нетерпеливое движение рукой.

— ...и он, — быстро стал продолжать Станислав, — отлично выпил вино с порошком, ничего не заметив, и почти тут же заснул.

— Я это слышал уже несколько раз!

— А потом его в трактире не оказалось. Приехал толстый молодой человек, узнал в нем своего товарища и увез его, а куда — неизвестно. Вот и все, что я смог узнать.

— И опять больше ничего?

— Но, пане Иоганн, что же вы хотите?

— Я вам вот что скажу, пан Станислав: если вся эта история не ваша выдумка, если господин, о котором вы рассказываете, в самом деле существует, то извольте его найти во что

бы то ни стало! Или — я вам ручаюсь за это — через три дня вас вывезут из Петербурга!

— На родину? Но ведь на родине у меня никого нет! Я — бедный сирота, пан Иоганн!

— В Сибирь! — резко произнес Иоганн и хотел пройти дальше, но Венюжинский схватил его.

— Пане Иоганн! Выслушайте меня! Я клянусь вам, что найду этого человека, но только для розыска нужны деньги! Что же я без денег буду делать?

— Никаких денег я вам не дам! Довольно! — заключил Иоганн.

МИНИХ В НЕРЕШИМОСТИ

Если бы дело шло о сражении и о том, что сделать и куда в данный момент послать войска и сколько их, Миних знал бы, что ему делать, и ни одной минуты не сомневался бы в том. На войне он не любил медлить, выжидать, а действовал всегда натиском и предупреждая неприятеля, вследствие чего всегда побеждал. Но там, на войне, не было женщины. С женщинами, когда не было войны, Миних тоже знал, как надо действовать, и знал, что здесь тоже нужна стремительность. Как же поступать с женщинами, когда они впутывались в дела, которые совершенно не знали, и он тоже не знал и оттого был в недоумении.

В том, что принцесса Анна переехала в Зимний дворец, он видел начало совершенно нового, но не мог быть уверен, насколько она окажется тверда в своих начинаниях. И Миних не знал, что ему делать: ехать ли в Зимний дворец или к герцогу Бирону.

По счастью, его выручил сын, который

прискакал к нему из Зимнего дворца с известием, что герцог Бирон приехал туда, что самое лучшее старику Миниху тоже туда явиться, хотя бы для того, чтобы сразу увидеть и принцессу и Бирона.

Миних тотчас же поехал в Зимний дворец и увидел, что там пили шоколад, по-видимому очень мирно, принцесса, герцог Бирон, принц Антон и Юлиана Менгден. Герцог сидел, положив нога на ногу, блестя лакированными ботфортами и держа в руках фарфоровую саксонскую чашку с шоколадом. Он встретил Миниха улыбкой, показав свои белые и отлично сохранившиеся зубы. Принцесса имела такой вид, точно выкупалась в холодной воде, куда долго не решалась броситься, теперь сидела и думала: «Вот какова я!» Принц Антон удивленно смотрел вытаращенными глазами и относился к жене с некоторым подобострастием, порываясь даже привстать, когда хотел заговорить с ней. Однако она на него не обращала никакого внимания. Юлиана Менгден была откровенно весела и не стеснялась показать всем, чем могла, как она рада и счастлива. Поздоровавшись

с Минихом, она по-родственному, как свояченица его сына, налила ему шоколаду и велела вертевшемуся здесь же арапчонку подать печенье.

По этой сцене и участникам в ней Миних смог сразу оценить положение: верх был на стороне принцессы, но вопрос о том, останется ли он за нею и в будущем, оставался открытым. Он решил сделать вид, что приехал к принцессе, так сказать, на поклон, но что он выйдет отсюда с герцогом вместе, чтобы не возбудить в том никаких подозрений.

Герцог оставался довольно долго, и когда он встал и начал прощаться, то Миних тоже поднялся. Принцесса не удерживала ни того, ни другого, она устала и хотела отдохнуть.

Миних вышел вместе с герцогом, и тот на лестнице дворца чрезвычайно милостиво и любезно предложил ему проехать с ним вместе в карете.

Когда они сели в экипаж, Бирон обратился к Миниху и деловито сказал:

— Конечно, фельдмаршал, я делаю вид, что ничего не имею против переезда принцессы в Зимний дворец, но перед вами лукавить не

буду и, как другу... скажите, ведь вы — мне друг?

— Разве я смею рассчитывать на такую фамильярность по отношению к вашему высочеству? — возразил Миних почтительно.

Он уклонился от прямого ответа, но Бирон принял его слова за чистую монету и, снисходительно рассмеявшись, сказал:

— Нет, я сообщаю вам, как другу, что мне эта история с переездом чрезвычайно неприятна!

— Отчего же? — спросил Миних, делая наивное лицо.

— Оттого, что нет хуже, когда женщина вообразит себя самостоятельной: она непременно наделает глупостей!

— Глупости вообще свойственны женщинам, — улыбнулся Миних, — и крайне мило, когда они их делают! Иногда они выдумывают такое, что мужчине и в голову совершенно не придет! — Миних в ту минуту вспомнил, как сам ехал в карете с маской и то, как она была мила. Эта маска неотвязчиво вспоминалась ему, и он все чаще и чаще мысленно возвращался к ней. — Да! Это мило, когда

они делают глупости! — сказал он еще раз.

— Но не тогда, когда они стоят на высоте престола! — заметил Бирон тоном исторического лица, произносящего историческую фразу.

— Ну принцессе еще далеко до престола! — возразил Миних. — Ведь она всего лишь мать императора!

— Тем щекотливее ее положение! И вот что, фельдмаршал, я попрошу вас: так как наши интересы взаимно связаны, возьмите на себя заботу о принцессе Анне Леопольдовне! Мне невозможно постоянно быть возле нее, потому что, во-первых, этого мне не позволяют заботы о государственных делах и управлению государством, а во-вторых, принцесса тяготится мной, в отношении же вас совершенно другое дело: вы в свойстве с ее любимицей Юлианой, сами, несмотря на свои годы, весьма обходительны с женщинами, словом, ваше общество, кроме удовольствия, ничего не доставит принцессе!

— Итак, вы желаете, чтобы я каждый день бывал в Зимнем дворце у принцессы? — спросил Миних.

В ПОИСКАХ ГАДАЛКИ

Гадалку, побывавшую у Анны Леопольдовны, искали теперь в Петербурге с трех разных сторон.

Во-первых, Анна Леопольдовна, получившая возможность убедиться на деле, и так быстро, что советы этой гадалки прямо чудодейственны и ее слова оправдываются как по волшебству, пожелала увидеть ее еще раз, чтобы поговорить с ней и узнать, не посоветует ли она еще что-нибудь. Во-вторых, по следам гадалки устремился с ретивостью ищейки старый Иоганн, совершенно верно угадывая тут опасность для своего господина, а следовательно (и это было главное), и для себя тоже. В-третьих, гадалкой заинтересовался совершенно неожиданно старик Миних, но вовсе не потому, что связал решимость, выказанную Анной Леопольдовной, с визитом к ней гадалки, а потому, что ему захотелось найти ту занимательную маску со звонким веселым голосом, которая так ориги-

нально забралась к нему в карету.

Первым делом они попытались, конечно, попытаться у близких, а Миних у своих гайдуков, которые клялись и божились, что никакой барыни не видели и вообще никого к карете не подпускали (очевидно, Митька так умел устраивать свои дела, что его не выдавали). Гайдуки корчили из себя дураков, а Миних, отчаявшись в них, отступился, тем более что особенно было ему настаивать и неудобно из опасения разгласки, которая могла произойти из излишних разговоров и расспросов. Кроме того, у него был иной путь добраться до маски — кофейня Гидля, где, как ему было известно, требовалось спрашивать о гадалке.

Герцог подвез его в своей карете домой, и, как только ранние сумерки сгустились, одет туманной дымкой Петербург, Миних, в низкой шляпе, закутанный в простой суконный плащ, вышел пешком и направился самой короткой дорогой к выходившим на Мойку задворкам домов Миллионной улицы. Ход в кофейню Гидля с задней стороны был, по-видимому, ему очень знаком — он без ошибки по-

вернул в ворота, миновал аллею деревьев и вошел в знакомую ему дверь. Встретивший его слуга провел его в отдельную комнату и, когда он сел к столу, остановился перед ним в вопросительной позе.

— Позовите хозяйку! — сказал Миних.

— Она, — начал было слуга, — она...

— Сейчас же позвать сюда ко мне хозяйку! — крикнул Миних и ударил по столу кулаком.

Слуга вздрогнул и опрометью кинулся исполнять приказание.

Через несколько минут появилась хозяйка в сопровождении слуги.

— Пошел вон! — приказал слуге Миних, и тот выскочил опять, словно им зарядили и выстрелили из пистолета, но, закрыв дверь, он прильнул к замочной скважине.

— Господин фельдмаршал, будьте здоровы! — сказала хозяйка, приседая перед Мини-хом.

— И ты тоже! — ответил Миних. — Послушайте, у меня есть к вам дело! Мне нужна гадалка, госпожа Дюкар; вам не известно, где она живет?

— Ах, эта гадалка! — воскликнула хозяйка и в отчаянии всплеснула руками. — Вот уж все пристают ко мне с ней, а я ничего о ней не знаю. Тут был какой-то человек, говорил насчет гадалки, а я ничего не знаю, — и она рассказала, как было дело.

Миних нетерпеливо выслушал и сказал:

— Но я не поверю, чтобы вам была неизвестна эта гадалка.

И вдруг его голос оборвался, и он остановился, почувствовав, что делает, может быть, непростительную ошибку, которая способна породить большие неприятности. Он понял, что в своей необдуманной горячности зашел слишком далеко и что из простой истории розыска хорошенькой маски сейчас поставлена на карту его собственная карьера. Ему пришло в голову соображение, что, очевидно, гадалку разыскивают клеветы Бирона и что, выказав хозяйке кофейни свой особый интерес к этой таинственной француженке, он выдал ей себя с головой...

— Впрочем, к черту эту гадалку! — воскликнул он. — Мне до нее нет решительно никакого дела! Мне нужна та хорошенькая

маска, которая знает эту гадалку и которая интриговала меня третьего дня вечером.

Хозяйка опять почтительно присела и покачала головой.

— Не понимаю, о какой маске может говорить господин фельдмаршал, когда никаких маскарадов по причине кончины государыни нет.

— Черт возьми! — воскликнул Миних и так хлопнул по столу ладонью, что стоявший на нем подсвечник подпрыгнул. Почему я знаю, как это все случилось! Ну одним словом...

Миних видел, что все более и более запутывается и затеянная им авантюра слагается необычайно глупо. Оставался только один способ покончить со всем этим — откупиться. Поэтому Миних вынул наполненный деньгами кошелек и бросил его на стол.

— Так как тут замешана женщина, — сказал он, — то все это должно остаться в тайне! Вот вам деньги за молчание; но если вы сможете мне найти хорошенькую маску, о которой знает эта госпожа Дюкар, то получите еще столько же!

Миних встал и ушел, а хозяйка еще почти-тельнее, чем прежде, присела ему вслед, взяла кошелек, взвесила его в руке, спрятала в карман фартука и отправилась в общий зал к своему месту за стойкой.

В то же время смотревший в скважину слуга кинулся в зеленую комнату, где сидела Грунька в ожидании Жемчугова, условившегося с ней, что он сегодня придет к ней сюда в известную ей зеленую комнату еще засветло. Но вот уже было темно, а Митька не являлся.

— Что? Он не приходил еще? — спросил слуга, высовываясь в дверь.

— Да нет же! — нетерпеливо ответила Грунька. — Я и сама не могу понять, куда он запропастился!

— А он наверное придет?

— Да как же не наверное, если он велел мне ждать его здесь, чтоб ему было пусто! А что случилось? Что такое?

— Тут такие дела, — сказал слуга, — что непременно его сейчас надо.

— Да что такое? — повторила Грунька.

Слуга видел, что Грунька была тут один раз с Жемчуговым, и потому пустил ее сего-

дня в зеленую комнату ожидать его, но вовсе не знал, кто такая Грунька, и, конечно, не мог ей рассказать, что происходило между хозяйкой и Минихом и что он подсмотрел и подслушал через замочную скважину. Поэтому он вместо ответа только махнул рукой и убежал.

Грунька снова осталась одна в ожидании Жемчугова, но это ожидание было напрасным: Митька не пришел, и было очевидно, что с ним что-то случилось.

34

ГРЕМИН ДЕЙСТВУЕТ

Митька Жемчугов, переехав к Гремину, повел свойственный ему образ жизни, то есть чрезвычайно безалаберный, с совершенно неопределенными часами сна, еды, а главное — ухода из дома и возвращения домой.

Гремин понимал, что Митька действует, и очень желал «действовать» тоже. Он требовал от Жемчугова, чтобы тот указал ему, что надо делать, и наконец изобрел себе занятие, которое и Митька одобрил: Василий Гаври-

лович решил заняться наблюдением общественного настроения по трактирам и публичным местам.

— Смотри! — сказал ему Митька. — Наблюдать, если хочешь, наблюдай, но сам ничего не болтай.

Занятие это оказалось как раз по Гремину. Он и поест и выпить любил, одного только не любил — ходить пешком. Но в данном случае без этого вполне можно было обойтись, приняв во внимание, что у Василия Гавриловича были собственные лошади и прекрасная колымага.

Гремин уже второй день ездил по трактирам и «наблюдал», как вдруг, заехав в трактир при верфях, застал там Митьку, спавшего у стола беспробудным сном. Он, обрадовавшись, попробовал растолкать его, но не тут-то было — Митька не просыпался!

Гремин забеспокоился и заторопился. Он объяснил трактирщику, что это — его приятель и что он сейчас же возьмет его к себе в колымагу, а затем, перейдя немедленно от слов к делу, дал на чай половым и при их помощи вынес Митьку на улицу, после чего по-

вез его домой и там уложил Митьку в постель в жарко натопленной комнате.

Жемчугов грузно ушел всем своим телом в перину, дышал ровно, спал тихо, без храпа и не просыпался.

Василий Гаврилович оставил его в покое, велел только к изголовью поставить квасу и огуречного рассола — самое лучшее питье с похмелья, после выпивки.

Прошел вечер, прошла ночь, а Митька не просыпался и не проснулся на другое утро.

Гремин пробовал будить его, но это не привело ни к чему. Митька, когда его приподнимали, открывал мутные глаза, но тут же его веки снова слипались и он, как сноп, валился опять.

Василий Гаврилович забеспокоился. В немцев-докторов он не верил и их науки не признавал, а потому на предложение дворцового Григория сходить за лекарем сказал:

— Что ты? Господь с тобой! Умирать ему еще рано, а уж если пришел его час, так лучше без докторов так кончится... Нет, сходи-ка лучше за знахаркой!

Знахарка была призвана и заявила, что у

Жемчугова порча, что его надо три раза окурить ладаном, но что это очень трудно и будет стоить целую полтину.

Гремин обещал ей полтину, и она курила ладаном, однако Митька не проснулся. Тогда знахарка сказала, что он очнется и выздоровеет, а ежели ему суждено не очнуться, то он не очнется и умрет.

Василий Гаврилович успокоился, что все зависящее от него было сделано для Митьки и стал терпеливо ждать, когда тот очнется.

Только поздно вечером Митька, весь потный от жары, стоявшей в комнате (о чем все время особенно старался Гремин), поднялся на постели и выпил залпом большую кружку кваса.

— Эй! — крикнул он. — Нельзя ли еще кваску?

Гремин, ходивший вокруг по комнатам, услышал голос Митьки и прибежал.

— Что, ты очнулся? — спросил он.

Митька, выпив кваса, пришел, кажется, в себя, но не совсем понимал, что с ним, собственно, случилось и где он теперь.

— Ты как сюда попал? — спросил он Васи-

лия Гавриловича, тараща на него глаза.

— Как я попал? — ответил тот. — Да ведь ты же у меня, то есть дома! А вот как это ты в трактире насвистался?

— Так это ты меня домой привез?

— Ну да, я тебя нашел спящим в трактире.

— Ишь, поганый поляк!

— Какой поляк?

— Ну уж погоди, доберусь я до него! Ну брат, — обратился он к Гремину, — из большой беды ты меня выручил! Могло быть очень скверно!

Митька, конечно, уже успел сообразить, что Венюжинский подбросил ему в вино сонного порошка, и понял, что, не увези его Василий Гаврилович вовремя из трактира, быть бы ему теперь в лапах бироновских молодцов.

— Да как же угораздило тебя так насвистаться? — спросил Гремин.

— Ах, не в этом дело! Значит, я спал весь день сегодня?

— Да не только сегодня, но и вчера.

— Что-о-о? — воскликнул Митька. — Сегодня, значит, не сегодня, то есть не вчера, тьфу

ты! Запутался... Погоди, который час?

— Да уж час поздний! Уже на перекрестках рогатки поставили.

— Да не может быть! — испуганным голосом проговорил Митька. — Ведь, значит, сегодня я Груньке велел дожидаться!

— Ну уж теперь она все равно не дождалась тебя!

— Ах, какое свинство! Какое свинство! — несколько раз повторил Митька. — Ну уж погоди, только бы мне найти этого поляка!

— Какого поляка? Что ты все о каком-то поляке говоришь? У меня тоже поляк навёрнулся; я одного привез сегодня днем.

— Откуда?

— Да так, почти на улице подобрал. Он стоял и горько плакал. Мне стало жалко его... Он говорит, что он благородный.

— А как его фамилия?

— Венюжинский.

— А имя?

— Станислав.

— Так ведь это — он!

— Кто он?

— Мой поляк!

— Да нет, это мой поляк!

— Ну наплевать, Васька! Это — наш поляк!

Где он у тебя?

— Он у меня в угловой по ту сторону дома спит. Он на наливку сильно налег.

— Ну держись теперь у меня, пан Венюжинский! Долг платежом красен! — сказал Митька.

35

ЖЕНСКОЕ СЕРДЦЕ

Грунька, напрасно прождав Митьку у Гидля, вернулась домой вся в слезах.

— Ну ради бога, что с тобой? — стала спрашивать ее Селина, ожидавшая ее возвращения.

Грунька стала у нее уже не на положении горничной, а доверенного лица. Да иначе и быть не могло после тех действительно важных услуг, которые она оказала француженке. Без нее последняя была как потерянная, в совершенно незнакомом ей Петербурге, при помощи же Груньки она проникла во дворец, видела свою соперницу и смогла повлиять на

нее. О переезде принцессы в Зимний дворец ей тоже стало известно, и она с самодовольством узнала, что это — дело ее рук, и что бы там ни было, а каша заварилась.

Селина де Пюжи была прежде всего, конечно, авантюристка в душе, и для нее являлось самым разлюбезным впутаться в интригу, да не просто любовную, а с политической окраской.

О, ради этого она могла раскинуть сети и рискнуть всем, даже жизнью! По религии она была католичка, а по складу своего характера суеверна, и внезапное, неожиданное появление помощи в виде Груньки рассматривала не иначе, как проявление Высшего Промысла, благоприятствовавшего ее любви. Эту свою чисто телесную, то есть, по-русски, похотливую любовь к графу Линару она называла «святою», совершенно искренне воображая, что святость тут заключается в том, что она не изменяет с другими мужчинами красавцу-графу.

Таким образом, видя в Груньке проявление особенного благоволения свыше к своей персоне, Селина де Пюжи обходилась, конечно,

но, с ней не так, как с горничной.

Да и веселее ей было болтать с Грунькой на равной ноге, тем более что та была ей кладом во всех отношениях и умела даже довольно недурно объясняться по-французски.

Селина ждала возвращения Груньки в надежде узнать от нее какие-нибудь новые подробности и, когда увидела ее в слезах, сейчас же вообразила, что случилось что-нибудь неприятное для нее самой.

— Поди сюда! Скажи, что произошло? Какое-нибудь несчастье? Да? — говорила она Груньке, снимая с нее плащ.

— Никакого несчастья не произошло! — недовольно ответила Грунька.

— Ага! Понимаю! Вероятно, твой красавец-сержант не пришел?

Она, конечно, уже раньше успела расспросить Груньку, есть ли у той человек, которого она любит. А Грунька не могла удержаться, чтобы не сказать, что, конечно, есть, и Селина стала спрашивать ее, какой он собой: красивый, сильный, здоровый? Грунька расписала Митьку как могла и на вопрос, кто же он, ответила, что он благородный.

Селине почему-то представлялось, что возлюбленный Груньки непременно должен быть сержантом, и она его теперь называла не иначе, как «красавец-сержант». Звучало это по-французски очень красиво: le beau-sergent, и Грунька, чтобы избавиться от лишних рассказов и подробностей, не разубеждала Селину: сержант так сержант, не все ли ей было равно!

— Ну так твой красавец-сержант не пришел? Угадала я? Правда?

— Ну и правда! — всхлипнула Грунька. — Ну уж достанется ему, чертовой кукле! — добавила она по-русски.

— Что ты говоришь, а? — переспросила Селина. — Ты, кажется, сердисься на него? Но ведь ты знаешь мужчин; они такие ветреники! Ну он, может быть, развлекся чем-нибудь.

— Не таков он, чтобы развлекаться!

— Ну он пил с товарищами и выпил лишнее. Мужчина ведь не может не пить!

«Этой прорве, — подумала Грунька о Митьке, — сколько ни лей — не напьется!» — и сказала:

— Нет, напиток он никак не может!

— Вот и граф Линар тоже, — подхватила Селина, — сколько он может пить, сколько он может пить, о, небо! Но ведь может быть, его задержало какое-нибудь дело?

— Конечно, это может быть! — согласилась Грунька. — Но тогда бы он, наверное, дал о себе знать!

— Ты боишься, что с ним что-нибудь случилось? Но что же может случиться с таким храбрым и сильным человеком, как твой красавец-сержант?

— По нынешним временам все может быть! — проговорила Грунька.

И вдруг ей представилось, что Митька захвачен людьми Бирона и что дело от этого может принять очень серьезный поворот.

Первое, что подумала она, когда ей это пришло в голову, найти поскорее способ, каким образом помочь Митьке, если над ним что-нибудь стряслось. К сожалению, у нее для этого не было никакой возможности. Она даже не знала, к кому обратиться, так как деловые связи Митьки были ей совершенно неясны, а того, что она знала, было слишком недостаточно.

Однако она видала на деле, что он может многое, что стоило ему захотеть переодеться конюхом Миниха, и ему удалось выполнить эту роль.

Но не к конюхам же Миниха было ей обращаться за помощью!

— Знаешь что? Может, послать к нему? — сказала Селина.

— Теперь уж поздно! — сказала Грунька. — На перекрестках поставлены рогатки, и уже без пропуска никому не пройти.

— Какие у вас здесь странные порядки! — сказала Селина. — Я бы дорого дала, чтобы тебя чем-нибудь утешить. То есть явись, кажется, сейчас твой сержант, я бы дня него сделала все, что бы он ни захотел!

В это время в стекло ударилась горсть песка с шумом, заставившим женщин вздрогнуть.

Селина побледнела и трясущимися губами произнесла:

— Боже мой, что это?

— Это — он! — сказала Грунька.

— Кто — он?

— Ну конечно мой Митька! Я пойду отво-

рять ему дверь... уж это у нас с ним было так условленно, в окно песком кидать!

Она побежала и действительно не ошиблась: Митька явился, несмотря на поздний час, едва успев очнуться.

Ему немедленно страшно досталось от Груньки, но вместе с тем она, радостная, привела его прямо к Селине, и Митька, познакомившись с нею, сказал, что пришел не даром, а с делом, с одной просьбой. Селина де Пюжи должна была признаться, что Митька действительно «красавец».

36

ЯВЬ ВО СНЕ

Пан Станислав Венюжинский, получив от Иоганна не допускающее возражений приказание, да еще сопровождаемое весьма серьезной угрозой, потерял всякое равновесие духа и вышел на улицу сам не свой.

Он отлично знал, что слово старого Иоганна — не шутка и что можно было бы как-нибудь избежать гнева герцога, но злость его «старой собаки» неукротима и Иоганн — не

такой человек, чтобы говорить что-нибудь на ветер. Уж раз сказал он, что за неисполнением приказа последует Сибирь, то действительно она и последует, если Станислав не найдет упущенного им человека, знающего адрес этой проклятой гадалки, госпожи Дюкар.

А как найти его? Что может предпринять бедный, затерянный в Петербурге и притом благородный и, конечно, красивый и храбрый шляхтич Станислав Венюжинский?

Он себе казался и храбрым, и благородным, но совершенно беспомощным, каким-то бедным и затерянным.

Он не знал даже, как приступить к розыскам, с чего начать. Оставалось бродить наудачу, надеясь, что авось и попадется ему этот человек. И Станислав пошел бродить по Петербургу, куда глаза глядят.

Сначала ему хотелось просто остаться во дворце и ждать там счастья, потому что было, в сущности, все равно, бродить ли по городу или сидеть дома одиноким: ведь только чудо могло вывести его из затруднительного положения. Но Венюжинский все-таки хотел пока-

зять, что он деятелен, и поэтому он вышел.

Прогуляв некоторое время по осенней сырости и устав от ходьбы, он остановился и стал соображать.

«Ну чего я, бедный Стасю, — думал он, — хожу так и мучаю себя, ужасно мучаю? Все равно я своего злодея не найду, и повезут меня, бедного, в Сибирь. Так лучше же мне скрыться и вовсе не возвращаться больше, а постараться наняться к какому-нибудь пану в отъезд и уехать с ним на родную сторону, ну их, в самом деле! Что же они, право!.. Повезут меня в Сибирь, и пропаду я, благородный и храбрый, ни за грош!.. А если бы не это, то какой бы из меня мог знатный пан выйти!»

И ему стало так жаль себя, так жаль, что, стоя посреди улицы, он заплакал горькими слезами.

В таком виде нашел его Василий Гремин и крайне удивился, что вдруг мужчина, совсем взрослый, стоит среди улицы и плачет. Поэтому Гремин остановился, вылез из колымаги и стал спрашивать Станислава, что с ним.

Венюжинский с утра ничего не ел, совершенно ослабел от усталости и волнения и со-

всем расчувствовался, когда посторонний человек принял в нем участие. Ему это показалось настолько трогательным, что он окончательно взвыл во весь голос и, плача, стал объяснять, что он — сирота, бездомный, но благородный шляхтич, обманом завлеченный в Петербург и не имеющий здесь пристанища. Он тут же рассказал целую историю про себя, главным образом потому, что все у него выходило очень хорошо и чувствительно.

Добродушный Василий Гаврилович принял за правду каждое его слово и, ощутив несказанную жалость к несчастному, привез его к себе домой.

Здесь, пока Митька спал, Гремин с Венюжинским сидели в столовой, и Станислав, налегая на наливку, рассказывал уже такие небылицы, в смысле своих приключений, что даже распустивший с полным доверием свои уши Василий Гаврилович усомнился в истинности его рассказа, но сидел и думал:

«Да если хоть часть из того, что он тут рассказал, — правда, то и этого вполне достаточно».

Наевшись, а главное, напившись, Веню-

жинский захотел спать. Гремин поспешил приютить у себя бездомного и уложил его, соорудив ему постель в угловой комнате.

В старину, когда дороги не только по деревням, но и в городах были таковы, что гостям приходилось заночевывать, во всех домах всегда имелся готовый запас перин и подушек.

Станислав заснул и захрапел. Потом он проснулся и отпил из стоявшей у его изголовья кружки превкусного шипучего меда. Это было так вкусно, что он залпом осушил всю кружку и сейчас же заснул опять.

Долго ли проспал он так, Станислав не помнил, но затем ему почудилось, что он открыл глаза и увидел, что лежит на той самой постели, на которой заснул, но кругом стены исчезли, а вместо них какие-то занавесы в складках, и потолок тоже весь обвешан занавесами, и ни дверей, ни окон не видать, а всё только одни занавесы, занавесы, занавесы, восточные и пестрые, и свет льется как-то хитро, что не распознать, откуда он, как будто воздух сам по себе светится. На полу ковер; посредине его круглый столик, низенький,

покрытый до полу красной скатертью. Дальше — на двух возвышениях две курильницы, и из них дымится какое-то великолепное, одуряющее своим пряным запахом благовонное курево.

И вдруг между этих курильниц появляется с ног до головы закутанная в темное покрывало фигура женщины в тюрбане, с темными огромными очками вместо глаз.

— Я — та, которую ты ищешь, — говорит она, — я — госпожа Дюкар. Ты пленил меня своей красотой и храбростью, пан Венюжинский.

Станислав лежал, слушал, глядел и невольно с удовлетворением думал:

«Наконец-то воздадут мне должное!»

— Я привела тебя в свои волшебные чертоги, ибо я — самая могущественная в мире волшебница; стоит тебе захотеть — и ты будешь здесь властелином.

«Стоит захотеть или не стоит?» — рассуждал про себя Венюжинский и решил, что, кажется, стоит.

— Ну что ж, — сказал он, — если пани будет ласкова...

— Погоди, не двигайся, иначе все это вокруг тебя исчезнет. Сейчас ты увидишь меня такой, какова я на самом деле.

Фигура исчезла, а на ее месте появилась дивной красоты пастушка. По крайней мере Станиславу казалось, что такой прелестницы он в жизни не видывал.

— Вот и я, — сказала она, приседая, и начала танцевать под какую-то весьма странную музыку, не похожую на звуки обыкновенных инструментов.

Венюжинский сделал движение, чтобы встать, и пастушка тут же исчезла.

Станислав вспомнил, что он был не одет, и понял, что, конечно, неудобно было ему не одетому показать вид, что он хочет встать при такой очаровательной волшебнице. Он искренне сожалел, что был так неловок, и хотел громко позвать пастушку, пообещав ей, что он будет лежать смирно; но в этот миг из складок занавеса показался в очень богатом восточном одеянии тот самый человек, который назвал себя слугой князя Карагаева и исчез из трактира, накликав на голову Станислава все несчастья.

— Я — сам князь Карагаев, — сказал он, — и обманул тебя, сказав, что я — только слуга его. Но как ты смел проникнуть сюда, куда ни одному смертному вход не дозволяется?

— Ваше сиятельство, ясновельможный пан! — задрожав как осиновый лист и с трудом попадая зубом на зуб, проговорил Станислав. — Я, право, не виноват, что нарушил ваш покой, но я попал сюда во сне и совсем против своего желания.

И только что он успел произнести это, как князь Карагаев исчез из складок, а на его месте снова появилась пастушка.

— Так-то ты искал меня? — гневно заявила она. — Значит, ты лгал, что стремился найти меня, если говоришь, что попал сюда против своего желания!

Станислав никогда в жизни не был в таких странных обстоятельствах. Вообще, он считал, что великолепно умеет держать себя во всяком обществе, как вполне «гжечный» поляк, но что ему было делать, когда с одной стороны был очень сердитый князь, а с другой — очаровательная пастушка. Он решил, что откровенность будет самым лучшим

средством смягчить ее сердце, и ответил:

— Извините, проше пани, но я так сказал только для шутки. Мы с князем Карагаевым — давнишние знакомые и даже приятели.

— Лжешь, — загремел голос князя, и он сам снова показался, — никогда ты со мной приятелем не был. Гей, евнух!

И показался страшный черный евнух в белом халате и с огромным ножом:

— Казнить мне сейчас же этого негодяя! — приказал князь Карагаев, показывая на Станислава.

Евнух молча принялся точить нож о брусок, который достал из кармана.

Венюжинский страшно испугался не столько ножа, сколько страшного вида евнуха. К тому же он не мог разобрать как следует, происходит ли все это наяву или во сне. Будь он уверен, что это — не сон, он, конечно, знал бы, что ему делать, — он стал бы защищаться. Но тут приходилось подчиняться страшному черному евнуху и оставалось только просить пощады.

Станислав стал очень умильно просить,

чтобы его пощадили, и вследствие своей обычной в таких случаях чувствительности расплакался.

— Вот что, — сказал князь Карагаев, — я тебя пощажу, если ты напишешь на этом клочке бумаги то, что я тебе продиктую, — и он подал ему кусок бумаги, отрезанный неправильными вавилонами.

Венюжинский узнал этот кусок бумаги и спросил, что же он должен написать тут.

— Напиши немцу Иоганну, — приказал князь Карагаев, — что ты больше с ним не увидишься, потому что он — дурак, а с дураками ты, умный человек, дела не желаешь иметь.

Станислав стал отнекиваться, как только мог, но нож евнуха так неприятно лязгал по бруску, что Венюжинский, так и быть, уж согласился, чтобы от него только отстали. Он написал все, что от него требовали (перо и чернильница стояли возле его изголовья); князь подал ему сургуч и восковую свечку; Станислав запечатал письмо, написал адрес и должен был, опять-таки по требованию Карагаева, приписать «весьма спешное».

Как только он исполнил это, князь исчез, взяв письмо, вместе с ним исчез и евнух, а перед ним опять показалась пастушка с кружкой шипучего меда в руках.

— Ты был ужасно храбр, — сказала она, — и обладал замечательным присутствием духа! Вот тебе в награду, выпей!

Станиславу было очень приятно, что эта прекрасная пастушка может так отлично его понимать; кроме того, после пережитых волнений ему действительно захотелось пить, и он выпил мед залпом. Почти сейчас же все у него смешалось и погрузилось во тьму.

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

Венюжинский проснулся, когда уже было совсем светло и в окно глядело солнце. Очевидно, день сегодня обещал быть хорошим и солнечным.

Венюжинский открыл глаза, потянулся и не без удовольствия уверился, что лежит в угловой комнате, в которой приютил его гостеприимный хозяин, и что весь этот бред с князем Карагаевым и со страшным евнухом был действительно только бредом, который уже прошел и никаких последствий иметь не может, так как вовсе не относится к действительности. В ночном видении, правда, были моменты и не лишённые приятности; это когда появлялась пастушка, но все-таки она не могла сгладить и искупить тот страх, который он испытывал перед огромным ножом.

«И ведь приснится же такое! — подумал Венюжинский и начал одеваться. — А какой же может теперь быть час?» — стал он сообщать и, чтобы окликнуть кого-нибудь, на-

чал прислушиваться, не раздадутся ли чьи-нибудь шаги.

Через некоторое время шаги действительно раздались, и к нему вошел Василий Гаврилович Гремин.

— Что, заспались? — проговорил он, поздоровавшись со Станиславом.

— А разве уже поздно? — спросил тот.

— Да пожалуй, десять часов скоро будет.

— Ай как поздно! — испугался Венюжинский. — Я и не ожидал!

— Да, я заходил к вам: хотел будить вас, да вы так сладко спали, что жаль было вас трогать! — лениво и равнодушно сказал Гремин. — А письмо я отправил! — добавил он.

— Какое письмо?

— Которое вы написали.

— Я писал письмо?

— Ну да! Тут у вас на столе, у кровати, лежало письмо, запечатанное и с надписью: «Весьма спешно». Я взял и отправил его.

Венюжинский почувствовал, что в голове у него так мутится, точно он сходит с ума.

— Как отправили? — изумленно воскликнул он. — Кому?

— Во дворец, немцу Иоганну; фамилии не помню!

Станислав как был, так и сел на кровать.

— Да что с вами? — стал спрашивать его Василий Гаврилович. — Чего вы так встревожились?

Венюжинский дико вращал глазами и бормотал:

— Ай, как же так? Я, проше пане, писал во сне... ведь, кажется, во сне это было?

— Какое же во сне! — уверительно протянул Гремин. — Я вошел сегодня утром, вижу возле вас лежит запечатанное письмо, написано: «Весьма спешно», ну я и отправил!

— Во дворец?

— Ну да, во дворец.

— И вы знаете, что там было написано?

— Да почему же я могу знать, если оно было запечатано?

— Но я ведь теперь совсем пропал! — воскликнул Станислав.

— Почему пропали?

— Ах, вы ничего не знаете!.. Да и объяснить я не могу, потому что сам ничего не понимаю... Ежели это был сон, то как же могло

явиться письмо? А если письмо было на самом деле, то как же, проше пана, исчезли пастушка и все остальное?

— Ничего не понимаю! — пожал плечами Василий Гаврилович.

— Ах, и я тоже! — слезливо простонал Венюжинский. — Но теперь я знаю только, что я пропал и должен тайно покинуть Петербург, а до тех пор делайте со мной что хотите, я из этой комнаты не выйду! Пан Василий, ради бога, не выдавайте и спрячьте меня, я не хочу выходить из этой комнаты. Я ведь там, в письме, написал, что сам Иоганн — старый дурак, а как это получилось, я и понять не могу. Только, пан Василий, не выдавайте меня!

— Да мне все равно! — успокоил его Гремин. — Живите в этой комнате, сколько хотите, я вас тревожить не буду!

— И никого ко мне не пустите?

— Никого.

— А на окнах я занавесы опущу.

— Вам что же, сюда велеть принести сбитня?

— Сюда, сюда! — подтвердил Станислав. — Я здесь и есть, и пить буду!

Василий Гаврилович только кивнул головой и пошел распорядиться, а Венюжинский, оставшись один, осмотрел карманы в своем платье. Он не нашел в них сонных порошков, запас которых ему был дан Иоганном, и двух данных им же, особо обрезанных кусков бумаги для важнейшей корреспонденции. Действительность смешалась у него со сном уже окончательно, и он потерял голову, не зная, как объяснить все, что с ним случилось.

А Василий Гаврилович, выйдя от Венюжинского и по дороге приказав Григорию подать ему в комнату сбитню, направился прямо к Жемчугову, ожидавшему его на другом конце дома.

— Ну что, — спросил Жемчугов, — проснулся наконец поляк?

— Проснулся и совсем сам не свой.

— Что же с ним?

— Да так, как мы и ожидали: ужасно испугался, что его письмо отослано, и теперь не хочет выходить из комнаты, боится.

— Только этого нам и надо было, — сказал Митька.

— Он, пожалуй, еще с ума сойдет! Если бы

ты видел его, на что он теперь похож?

— Не сойдет!.. Не с чего сходить-то ему.

— Он в ужасно жалком виде.

— Ну что ж, поделом — не подсыпай другим сонного зелья. Долг платежом красен.

38

СЛУЧИЛОСЬ ЭТО ПРОСТО

Когда Жемчугов из слов Василия Гавриловича узнал, что тот нашел на улице Венюжинского и привез его к себе и что Станислав спит сейчас после хорошей выпивки, ему сейчас же пришла в голову шутка, которую они и проделали над попавшим в их руки поляком.

Прежде всего были осмотрены карманы Венюжинского и найденные там сонные порошки, а также обрезанные вавилоном куски бумаги Жемчугов взял себе. Затем был составлен им план действий, и Митька, несмотря на поздний час, отправился немедленно к Селине де Пюжи, чтобы успокоить Груньку и вместе с тем изложить ей задуманный относительно Станислава план.

Благодаря имевшемуся у него пропуску, он миновал рогатки на перекрестках без всякой задержки и быстро добрался до дома, где жила Селина де Пюжи.

В окне горел свет — значит, они еще не спали, и Жемчугов пустил в ход обусловленный давно между ним и Грунькой знак: бросил в окно горсть песка. Грунька сейчас же отворила ему и провела прямо к Селине, которая была очень рада познакомиться с «красавцем-сержантом», как она называла заглазно Митьку. Жемчугов не стал разуверять ее относительно своего чина и принял покорно звание «сержант», хотя не состоял в военной службе.

Селина оглядела его и нашла, что он и в самом деле — «красавец», хотя больше сделала это из сочувствия к Груньке и из желания быть ей приятной. Жемчугов показался ей немного грубоватым. Но в сравнении с графом Линаром, которого она любила, все остальные мужчины, само собой разумеется, не могли выдержать критику.

Митька рассказал свою историю с поляком и предложил опить его же собственным

порошком и разыграть с ним комедию фантастического сновидения. Грунька с удовольствием согласилась — она была актрисой не только по воспитанию, но и по призванию, а Селина так обрадовалась затее, что захлопала в ладоши и заявила, что непременно станет участвовать в качестве действующего лица, тем более что только что перед приходом Жемчугова дала обещание исполнить все, что он попросит, если он немедленно явится.

Были распределены роли и намечены костюмы. Решили, что Селина появится в своем одеянии гадалки, а говорить за нее будет Грунька из-за занавески, чтобы все действие происходило на русском языке.

У Селины нашлись необходимые занавески, у Гремина от отца остались восточные халаты, в которые он наряжался, участвуя в шутовских пирах при Петре и «машкерадах». Самого Василия Гавриловича предложили одеть евнухом, а чтобы Станислав его не узнал, намазать ему лицо жженой пробкой.

Затем на другой день с утра поставили к изголовью поляка кружку с небольшим количеством сонного порошка, он его выпил и по-

грузился в сон. В соседней с угловой, где спал Станислав, комнате устроили фантастическое логовище, обвешанное коврами и занавесками, и перетащили туда, как он был на кровати, сонного Венюжинского.

Принимавшие участие в качестве действующих лиц, в мнимом сновидении Грунька и Селина де Пюжи с утра приехали к Гремину в дом и провели там целый день.

В сущности, все это было превесело. Василий Гаврилович достал все, что у него было лучшего в смысле наливок и разных разновидностей по съедобной части, Селина пробовала разные русские яства и пития и восклицала: «О, как это вкусно, как вкусно!» Хохота было без конца, и когда мазали жженой пробкой Гремина, и во время самой комедии, и потом, когда вспоминали разные подробности.

Особенно остроумной казалась находчивость Василия Гавриловича, который в последнюю минуту вспомнил, что у него нет оружия, чтобы казнить «несчастливого», и, так как подходящего меча не было, употребил в дело кухонный нож, все-таки достаточно напугавший чувствительного поляка.

В мед, который принесла Станиславу Грунька в виде пастушки, был снова положен сонный порошок, и пан Станислав, выпив его, снова заснул так крепко, что не слышал, как его на постели снова перенесли в угловую комнату.

Волшебное логовище было немедленно убрано; Грунька и Селина, закончив свой день у Гремина обильным ужином, были доставлены домой, а на другой день Станислав Венюжинский, проснувшись, пожелал стать добровольным арестантом из боязни перед Иоганном, который был так жестоко оскорблен в письме, хотя и при странных обстоятельствах, но все же написанном самим Венюжинским.

Узнав от Гремина, что Станислав не хочет выходить из комнаты, Митька остался очень доволен этим, потому что вследствие этого ему не было необходимости скрываться от поляка.

— Но все-таки что же значат эти вавилоны на обрезанных листах бумаги? — спросил Гремин, не отличавшийся способностью быстрой догадки.

— Ах, это очень просто, — пояснил ему Жемчугов: — немец Иоганн употребляет со своими агентами старый прием для удостоверения подлинности их донесений: он берет кусок бумаги и разрезает его на две части неправильным зигзагом: одну часть он дает агенту, а другую оставляет у себя. Когда к нему приходит донесение, написанное на одном из обрезков, он прикладывает этот обренок к оставшемуся у него и видит, когда зигзаг совпадает, во-первых, от какого агента донесение, а, во-вторых, что это донесение несомненно подлинное.

— Так что он теперь не сомневается, что получил дурака именно от пана Станислава Венюжинского! — расхохотался Гремин.

— Вот именно! — сказал Жемчугов. — Понятно, что Станислав недаром труса празднует.

— Но что же мы с ним будем делать дальше?

— Да что-нибудь придумаю, авось он куда-нибудь да пригодится!

ИЗНАНКА НАЛИЦО

Второй кабинет-министр, Андрей Иванович Остерман, сидел у себя в кабинете за письменным столом и, очинив перо и взяв чистый лист бумаги, принялся сочинять черновик письма к саксонскому двору о том, что петербургский двор желает видеть у себя в качестве польско-саксонского посланника графа Линара.

Он быстро писал мелким, сжатым, таким же скупым, как и он сам, почерком, ровно водя рукой по бумаге, не останавливаясь и не задумываясь. Пышные французские фразы слагались у него сами собой; писать такие письма было для него слишком привычным делом для того, чтобы перед ними задумываться.

Но вдруг он остановился и задумался. Ему вспомнилось, что всего несколько лет тому назад он в этом же самом кабинете, за этим же столом, на точно такой же бумаге и в точно таком же самом неизменном своем крас-

ном халате на лисьем меху писал вот такое же письмо, но только с требованием отозвать из Петербурга того же самого графа Линара, которого он теперь должен был звать. Остерман был настолько опытным дипломатом и настолько любил свое дело, что именно подобные — для обыкновенных людей как бы неразрешимые — положения и были ему особенно интересны. К тому же он отлично знал, что в Дрездене будут очень довольны сближением с Россией и сейчас же поймут, что посылка в Петербург Линара явится несомненно залогом такого сближения.

Письмо было готово, Остерман сам переписал его и послал с нарочным во дворец к герцогу-регенту на подписание, боясь промедлить хотя бы минуту.

Отослав письмо, Остерман опустил голову и закрыл глаза. Всякий, кто увидел бы его так, подумал бы, что он дремлет, а то и вовсе спит, но на самом деле таким образом он имел обыкновение обдумывать важные дела. Он никогда и ни за что не признался бы, но сам в глубине души чувствовал, что дни герцога теперь сочтены. Падение герцога должно было

повлечь и его, Остермана, и только письмо о Линаре, а лучше всего уже совершившийся проезд его в Петербург могли спасти его. Поэтому надо было, чтобы письмо в Дрезден дошло как можно скорее, с верным человеком, который не замешкается в дороге.

Затем Остерман хотел потихоньку послать лично от себя письма к самому Линару и к всеильному министру польского курфюрста Августа, графу Генриху Брюлю. Эти письма тоже можно было доверить только верному человеку.

На кабинетских курьеров рассчитывать было нельзя, послать своего собственного человека Остерману не могло и в голову прийти — так это было дорого; значит, оставалось изыскать какой-нибудь иной способ. Хитрый Остерман сейчас же вспомнил об Ушакове, который, вероятно, не прочь будет, как человек умный, помочь делу.

Остерману нечего было беспокоиться, заедет ли тот к нему; дипломатические отношения должны были интересовать генерал-аншефа, и Остерман не ошибся: Ушаков не замедлил приехать.

— Ну как здоровье? — задал он Остерману обычный вопрос, с которым к нему всегда все обращались. — Как будто, кажется, вы немножко приободрились?

— Нет, все-таки неможется! — охая, ответил старик и приступил прямо к делу. — Я так и думал, что вы заглянете ко мне. У меня к вам есть просьба!

— Помилуйте, Андрей Иванович! Приказание, а не просьба!

— Ну куда уж нам, батюшка, приказывать... А вот просьба действительно немаловажная: мне нужен верный человек!

— Кому они не нужны, верные люди, да где их сыщешь? — усмехнулся Ушаков и вздохнул.

— Мне нужно послать в Дрезден важный дипломатический документ.

— Насчет графа Линара? Изнанка, значит, будет налицо!

— Что вы этим хотите сказать?

— Да то, что еще недавно дело графа Морица Линара было с изнанки и его прятали, а теперь, наверное, вывернем нашу дипломатию и сделаем изнанку налицо. В дипломатии это

иногда бывает. Так вам для этого дела нужно верного человека?

— Понимаете, — стал объяснять Остерман, — все это очень тонко: во-первых, он должен быть достаточно сообразителен, храбр и не болтлив, чтобы довести бумаги в целости; ведь ныне то и дело дипломатические бумаги перехватывают. Затем, нужно, чтобы это был не простой курьер, а обладавший все-таки некоторым представительством, чтобы он мог понять дипломатическое дело и политическое положение и, если это будет нужно, сказать два-три слова!

— Такой человек у меня есть!

— Вот и отлично! Пришлите его ко мне!

— Может быть, ваше превосходительство, доверите мне письмо, а я уж им распоряжусь!

— Нет уж, лучше пришлите его ко мне.

— Слушаюсь! Тогда, ваше превосходительство, потрудитесь и деньги дать ему на дорогу!

Остерман заерзал в своем кресле.

— Да, деньги, — забормотал он, — конечно... Тогда уж лучше отправьте его вы... Я вам передам письма: только вы должны будете

поручиться, что письма будут доставлены.

— Я ручаюсь, — сказал Ушаков.

Он знал, как надо разговаривать с людьми, и заставлял их делать то, что ему хотелось, а «своих» людей Ушаков выдавать никому не любил.

40 ПОСОЛ

Митька побывал в кофейне Гидля и узнал там от слуги, что старик Миних дал хозяйке кошелек с золотом, чтобы та узнала, где можно найти понравившуюся ему маску.

Жемчугов счел своим долгом зайти с этим известием к Груньке, так как уже мог являться к Селине де Пюжи открыто, в качестве желанного и приятного гостя.

— О, это великолепно, это прекрасно! — стала восклицать по своей привычке Селина. — Этот старый простак всерьез думает нравиться...

Митька стал делать вид, что не на шутку ревнует Груньку к Миниху, та отнекивалась; кончилось тем, что Жемчугов остался у них

обедать. Они долго сидели за столом. Селина сварила великолепный кофе — напиток, тогда довольно редкий и только входивший в употребление.

Очень довольный собою, обедом и вообще всеми обстоятельствами, Митька вышел от француженки, но едва он сделал несколько шагов, как ему навстречу попался подьячий с подвязанной щекой: поравнявшись с Жемчуговым, этот подьячий как-то внушительно-явственно в самое ухо шепнул ему:

— Начальник желает видеть вас немедленно. Пожалуйста к нему.

Слово «начальник» было произнесено с таким подобострастным видом, благоговением, что Митька тотчас же понял, о каком начальнике идет речь.

Он оглянулся, но подьячий был уже настолько далеко, что заговорить с ним не оказывалось никакой возможности... Да и не догнать его было — так быстро он удалялся.

Этот «прием» был нов для Жемчугова. Он не подозревал, что у начальника Тайной канцелярии так организована агентура.

«Значит, что-нибудь очень важное, нужно

идти», — сообразил Митька и направился к Шешковскому, так как был ближе к нему.

— Куда ты провалился? — встретил его Шешковский. — Тебя вот уже по крайней мере битых три часа разыскивают по городу.

— Да что такое? Арестовать меня, что ли, хотят?

— Зачем арестовывать? Начальник хочет видеть тебя.

— А на что я ему понадобился?

— Не знаю. Он сам хочет говорить с тобой.

— Ну что ж, я не прочь... Да неприятное что-нибудь?

— Не думаю. Впрочем, вот увидим... едем вместе.

И они отправились вместе и были немедленно приняты Ушаковым.

— У меня есть к вам предложение, — сказал генерал-аншеф Жемчугову: — Вы желаете поехать в Дрезден?

У Митьки сердце екнуло. Он сразу почувствовал, что эта поездка должна иметь серьезное политическое значение и что судьба помимо его воли впутывает его в такие исторические события, развитию которых в из-

вестную сторону он хотел способствовать.

— Если нужно и если эта поездка сопряжена с известными опасностями, я тогда, конечно, не могу отказываться! — ответил он.

— Надо ехать, во-первых, почти без отдыха, чтобы быть на месте как можно скорее!

— А во-вторых, — подсказал Митька, — это нужно сделать так, чтобы никто не знал, что я еду курьером и везу с собой письма.

— Я вижу, что не ошибся, остановившись на вас; вы понимаете дело и без всяких указаний!

— Ну еще бы, генерал! Не хватало, чтобы я даже этого не сообразил! Поехать я, конечно, поеду с удовольствием, но только попрошу у вас на всякий случай два бланка с подписью герцога-регента, если мне придется обратиться к властям или вообще прибегнуть к авторитету власти!

— Хорошо! Для властей вам будет выдан открытый лист, и вы получите два бланка с подписью герцога.

Обещать такие бланки Ушакову ничего не стоило, потому что они имелись у него в запасе всегда.

— Кому будет адресовано письмо?

— Писем будет три: одно официальное и два конфиденциальных, графу Линару и графу Брюлю!

— Понимаю, все будет сделано!

— Помните, Жемчугов, что вы должны работать исключительно в интересах его высочества герцога Бирона.

— Регента Российской империи! — доскажал Митька. — О да, я не забуду этого.

— Ну счастливого пути! Когда вы думаете выехать?

— Как только получу на дорогу деньги.

— Я вам передам их сию же минуту вместе с письмами.

— А через час я выеду из Петербурга на переменных лошадях.

— Ну идите домой и готовьтесь, а вслед за вами Шешковский привезет вам открытый лист, письма, деньги и документы.

ОТЪЕЗД

— Ты знаешь, — встретил Гремин Митьку, когда тот вернулся домой, — пан Венюжинский...

— Ну? — на ходу спросил Жемчугов, направляясь в свою комнату.

— Представь себе, сбежал!

— Да что ты говоришь!

— В самом деле, пропал почти вслед за тобой.

— Ах, чтоб ему пусто было! Ужасно неприятно, если он меня выследил и узнал, где живет француженка!

— Ну так что же? Так он немцу доносить не пойдет, раз ему «дурака» написал.

— Да вообще этот господин Станислав не очень будет кстати во время моего отсутствия.

— Какого отсутствия?

— Мне нужно ехать... в Дрезден.

— И скоро?

— Через час!

Василий Гаврилович от удивления сел на стул и раскинул в стороны руки.

— Как через час? — воскликнул он. — Да ведь это тебе не только нельзя пирогов настряпать на дорогу, но даже ничего и собрать нельзя!

— Не до пирогов мне, брат!

— Да нет, постой! Как же так? В такую даль, да вдруг так сел да и поехал?

— Да как же иначе-то ехать? Ведь все равно, какие длинные приготовления ни делай, а в конце концов придется сесть да и поехать.

— Как же, милый человек? И не простившись ни с кем?.. Ведь этак что же подумают? А Грунька? А француженка?

— А вот о Груньке у меня к тебе будет просьба! Ты за ней присмотри, пока меня здесь не будет, и, если что ей понадобится, сделай. Да Боже тебя сохрани кому бы то ни было говорить, куда я отправился. Скажи, что я по делам в Москву поехал и скоро вернусь назад.

— Так и Груньке сказать?

— Нет. Вот что самое лучшее: пошли сейчас колымагу за ней, пусть она приедет сюда.

— Так лучше я сам за ней съезжу!

— Ну и великолепно.

Гремин поскакал за Грунькой, а Жемчугов стал делать приготовления к отъезду.

Сундук у него был крепкий и надежный. Он уложил в него все, что было нужно, и послал дворецкого Григория за ямской тройкой, приказав, чтобы выдали ее по открытому листу, который он немедленно предъявит, если вздумают сделать какую-нибудь задержку. Но задержки никакой не сделали, и Григорий вернулся на тройке.

Гремин привез Груньку, которая стала просить, чтобы Митька взял ее с собой.

— Ты с ума сошла? — спросил он ее. — А старик-то?

— Какой старик?

— Ну Миних разумеется! Кто же будет его обрабатывать? Помни: ты мне тут для дела нужна!

— А если так, — с гордостью произнесла Грунька, польщенная такой уверенностью в ней Митьки, — то я не я буду, а к твоему возвращению мой старик Миних твоего герцога Бирона — фьють! — и она сделала такое выра-

зительное телодвижение, что Жемчугов от души расхохотался.

— Уж будто и «фьють»? — усомнился он. — Не много ли ты на себя берешь?

— Много? Ты думаешь, много? Ну увидим! А пока прощай, Митька! Смотри, ты у меня там насчет полек поосторожнее: я ведь бельма-то тебе выцарапаю!

Они обнялись и поцеловались.

Все фразы, которыми они обменялись, прощаясь, были произнесены ими отрывочным шепотом и так быстро, что они только одни, хорошо знавшие друг друга, могли уловить смысл этих фраз.

Впрочем, они были в комнате одни, и подслушивать их разговор было некому.

Вскоре приехал Шешковский, которого только и ждал Митька, вручил ему все, что нужно, и Жемчугов укатил под звуки бубенцов и звонкого ямского колокольчика.

Грунька возвратилась к Селине де Пюжи очень возбужденная, но совершенно не грустная. Митька сказал, куда и зачем он едет, и позволил сообщить об этом Селине в расчете, что та из собственной выгоды будет молчать,

да кроме того, ей некому будет рассказывать, потому что она никого не знала в Петербурге. Грунька понимала всю важность поездки Жемчугова, а увидев француженку, первым делом заявила ей:

— Он сейчас уехал в Дрезден, за графом.

— Нет, не может быть!.. Ты шутишь! — вырвалось у француженки, но она сейчас же почувствовала, что известие слишком сенсационно, чтобы воспринять его так просто, и поэтому поспешила встать в позу, широко раскинула руки, всплеснула ими и сказала: — О-о-о! — потом она засмеялась, затем кинулась целовать и обнимать Груньку. — Ты знаешь Грунья, ты мне — такой друг!.. Да, да, такой друг, что если твой красавец-сержант привезет в Петербург графа Линара — а он привезет его, потому что твой красавец-сержант — настоящий мужчина и делает все, что желает, — так если он привезет графа Линара, я, знаешь, что сделаю? Я отдам все, что у меня есть, твоей госпоже за то, чтобы она отпустила тебя и чтобы ты стала вольной, как все люди!

Француженка быстро рассчитала, что если

граф Линар вернется и вновь увидит ее в Петербурге, то снова будет обольщен ее прелестями, а тогда и она сможет позволить себе какой угодно расход.

Идея выкупить Груньку так ей понравилась, что она сейчас же стала мечтать об этом вслух, и в мечтах у нее дело уже оборачивалось так, что она освобождала Груньку из крепости к приезду Жемчугова и, когда тот привозил ей Линара, выводила к нему свободную Груньку, патетически произнося:

— Вы мне вернули мое счастье, а я вас награждаю за это вашим счастьем! Возьмите и любите ее!

Грунька ее не слушала, потому что не могла думать о себе, всеми своими мыслями занятая Митькой.

— Вот что! — сказала она. — А ведь если он не найдет его в Дрездене, то поедет искать его дальше!

— И он его найдет! — с жаром воскликнула Селина.

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

В ДРЕЗДЕНЕ

В давние времена на берегу реки Эльбы из построенных славянскими рыбаками нескольких хижин образовалось селение, затем оно мало-помалу выросло в настоящий город, имя которого, Дрезден, впервые упоминается в летописях в 1206 году.

Маркграф Генрих избрал его тогда столицей, и с тех пор город стал разрастаться. При разделе Саксонии между Эрнстом и Альбертом в 1485 году Дрезден достался альбертинской династии и с тех пор был ее столицей.

Блистательный для Дрездена период наступил при двух курфюрстах Августях, бывших вместе с тем и королями польскими. Во время, к которому относится наш рассказ, курфюрстом Саксонским и королем Польским был Август III, государь, всецело доверившийся своему министру графу де Брюлю.

Граф Брюль окружил себя королевской

пышностью и был фактическим властителем страны. Август III требовал от него лишь одного: чтобы всегда были деньги на исполнение его прихотей и капризов; и Брюль ухитрялся доставлять средства для мотовства своему государю.

Август III любил возводить постройки, и при нем Дрезден украсился многими замечательными сооружениями. Прежний средневековый мост был перестроен и явился одним из чудес строительной техники. Была возведена до сих пор знаменитая, по красивому открывающемуся с нее виду, Брюлевская терраса с дворцом, выходящим на Августовскую улицу. Дверцы, сады и фонтаны Дрездена по красоте не уступали Версалю, а двор пытался тягаться пышностью со двором «короля-солнца»; по собранным сокровищам искусства Дрезден по справедливости был назван Немецкой Флоренцией.

Когда сюда попал Митька Жемчугов, он был поражен невиданной красотой немецкого города. Проезжая по дороге другие европейские города, он мог их заметить лишь мельком, потому что останавливаться и осматри-

вать их ему было некогда. Но теперь, хорошенько отдохнув после сделанного переезда, часть которого он для выигрыша времени сделал просто верхом, купив себе лошадь и взяв в торбу самое необходимое, — Митька мог оценить старый Дрезден, его улицы, кирки, дворцы, длинный мост на шестнадцати арках, с каменными скамейками и железными перилами, мостовые, кунсткамеры — собрания редкостей, дома, рынок, музыку, набережную реки — словом, все, перед чем деревянный Петербург и деревянная же пестрая Москва казались простыми деревнями.

Первый день Жемчугов ходил, словно порченный, разинув рот и оглядываясь по сторонам. На второй день он тоже еще не мог прийти в себя и дать отчет, на третий — уже все диковинки ему присмотрелись и надоели, а к концу недели пребывания в Дрездене он так соскучился, что ему уже тошно было смотреть по сторонам. Он соскучился по черному хлебу, по квасу, по русской бане, по русскому говору и по... водке.

Странное дело, там, у себя в России, он все не замечал и не ценил всего этого, а те-

перь он все здешние печенья и сладкие крендели отдал бы за ржаную краюху, а уж выпариться на горячем полке да расправить ноющие от усталости суставы ему казалось недосыгаемым блаженством.

Что делалось в России, он тоже не знал, да и не мог знать, потому что если и были какие известия, то они следовали за ним по пятам и сюда еще не дошли. К его приезду в Германии едва-едва узнали о кончине императрицы Анны Иоанновны.

«Хоть бы весточку получить с родины-то!» — мечтал Митька.

Он стоял на великолепном дрезденском мосту и раздумывал, скоро ли соберется граф Линар, к отъезду которого он думал присоединиться на обратном пути.

Письма, порученные ему, Жемчугов доставил в целости и сохранности. Письмо Линару он передал лично.

Молодой граф вернулся уже в Дрезден и, по-видимому, ждал, что снова будет послан в Петербург. Но, приятно ли ему это было или нет, радовался он этому или наоборот, печаловался, — Митька распознать не мог и из

разговора с Линаром не вывел никакого заключения. Линар был, несмотря на свою молодость, отличным дипломатом и умело скрывал свои чувства.

— Нет, — решил Митька, — не могу так жить здесь, ничего не делая... Тоска заест!.. Пойду к Линару и скажу, что пусть он, как себе хочет, а я поеду назад.

И он решительным шагом направился к дому графа.

2

ГРАФ ЛИНАР

Граф Линар любил Дрезден не только как свою родину, но и как город, который нравился ему, потому что соответствовал его вкусу и склонностям. Он бывал в Париже, по последний после долгого житья в нем казался слишком шумным и подвижным, так что в нем можно было только веселиться, и, чтобы отдохнуть, надо было ехать в другое место. Зато в Дрездене жизнь была распределена так, что в нем можно было и повеселиться, и отдохнуть.

В особенности этот город нравился Линару, когда он, вот как теперь, возвращался из путешествия, пробыв в отлучке более или менее долгое время. Сейчас граф Линар вернулся из поездки в Италию и думал отдохнуть в Дрездене после своего путешествия, как вдруг явился для него совершенно неожиданно этот вызов из Петербурга.

Молодая столица Российской империи оставила у графа не особенно благоприятные воспоминания. Петербург показался ему необыкновенной смесью до нелепости непохожих друг на друга противоположностей. Наряду с самыми примитивными условиями жизни, чуть ли не первобытной культурой, там царила невероятная роскошь. В здании, снаружи похожем на глиняную мазанку, можно было встретить великолепные хоромы с настоящими гобеленами на стенах, северским фарфором и венецианским стеклом. В смысле увеселений там можно было найти итальянскую комедию и оперу, но та же самая публика, которая восхищалась и комедией, и оперой, забавлялась на качелях и каталась на маленьких санках с горы, валясь при

этом зачастую вверх тормашками.

От скуки и от нечего делать при таком дворе, каков тогда был петербургский, с графом Бироном, который задавал тогда тон, граф Линар позволил себе там баловство — заигрывание с принцессой Анной Леопольдовной. Ничего серьезного в этом, разумеется, не было, но кончилось это баловство для графа Линара не совсем благополучно. Скандал вышел тем более неприятным, что в Петербурге не смогли или не захотели все это сделать келейно; об этом знали все, заговорили иностранные послы других государств, отписали по этому поводу депеши к своим дворам, и карьере графа Линара был нанесен серьезный ущерб. Его никуда не назначали и лишь изредка давали какие-нибудь несерьезные поручения.

Он думал, что с ним на поприще дипломатии покончено навсегда, но теперь оказалось, что его держали именно про запас, именно так и сказал ему граф де Брюль, что его держали «про запас», на случай смерти императрицы Анны Иоанновны.

— Теперь вам предстоит случай отличиться и быть полезным своей родине, — добавил

Брюль, сообщая ему о немедленном назначении в Петербург.

О том, чтобы отказаться от этого назначения, лестного для него, граф Линар и думать не мог, потому что это для него значило бы, что его служебная карьера действительно закончится навсегда, а во-вторых, и это было главным, — потому что сношения Саксонии с Петербургом были теперь весьма сложны и деликатны, и единственно граф Линар, в силу своего личного положения, мог повлиять на эти отношения в благоприятную для Саксонии сторону.

В то время король прусский вступил в открытую распрю с Австрией из-за Силезии, и весьма важно было, к какой стороне в этой распре примкнет Россия, которая могла оказать в этом деле решающее влияние. Всякое усиление Пруссии было невыгодно для Саксонии и Польши, как у соседа, который должен будет рано или поздно испытать свою силу и на них. Опасности, в смысле агрессивных действий, со стороны Австрии было меньше, так как у нее были свои заботы о юге, в отношении Турции и Италии, а потому Австрия явля-

лась естественной союзницей Саксонии и Польши. Герцог Бирон, а главное, Миних, как немцы, тяготели к прусскому королю, и нужна была особенная сила, чтобы перетянуть Россию на сторону Австрии.

Для польско-саксонского государства такой силой единственно мог стать граф Линар, ввиду своего совершенно особенного положения, которое он мог занять при принцессе Анне Леопольдовне. Граф Линар чувствовал, что он был обязан ехать в Россию — к этому призывал его долг, и он, не колеблясь, дал свое согласие.

Но теперь он был вовсе не тот граф Линар, который, дурачась от скуки, затеял любовную историю с принцессой при русском дворе. Теперь он был на несколько лет старше и смотрел на жизнь серьезнее.

Кроме того, он не мог не выехать потому, что в теперешней его поездке было что-то чрезвычайно неприятное, даже унижительнее для него. Ведь, в сущности, вся эта поездка в Петербург была основана на его интимных отношениях с женщиной. Конечно, об этом прямо никто не говорил, никто на это даже и

не намекал, но все это знали, и граф Линар не сомневался, что все знают именно это.

«И нужно было тогда затеять эту историю! — думал он, расхаживая по своему кабинету. — Что же, теперь это последствие моего тогдашнего легкомыслия... теперь это вытекает само собой и является искуплением за допущенную тогда ошибку... Да, я обязан ехать, как это ни скучно, как мне это ни досадно...»

И при одном воспоминании о петербургском холоде, болоте, туманах у него пробежала дрожь по всему телу.

Он сел к столу и взялся за лежавшие на нем альбомы, большие, — их он только что привез из Италии, и они были полны видами этой красочной жаркой страны.

Граф взял один из них, вставленный в особенно роскошный, пергаментный с золотым тиснением переплет, и стал перелистывать акварели, изображавшие Флоренцию и ее окрестности. Морщины на лбу у него быстро расправились, недовольная складка у губ исчезла, его лицо прояснилось, и он забылся, разглядывая акварели.

За этим занятием его застал Жемчугов, ко-

того граф принял с любезностью.

— Я очень рад, что вы зашли ко мне, — сказал он, хотя и с трудом, но все-таки по-русски. У него были приличные способности к языкам, и он необыкновенно легко усваивал их. — Да, да, я очень рад, — повторил он, — это дает мне случай побеседовать с вами, так как я еще не успел расспросить вас как следует о Петербурге.

3

КТО СТАРОЕ ПОМЯНЕТ

— Однако, вы не совсем разучились, граф, говорить по-русски, — сказал Линару Жемчугов.

— Вернее, я еще не научился как следует владеть русским языком. Ну скажите, Петербург отстроился, изменился или все такой же... Впрочем, он и при мне рос не по дням, а по часам!

— Растет-то он растет, — проговорил Митька, — но только вширь расплывается, как пятно, а в высоту строится мало... Да, как поглядишь на ваш Дрезден, так и говорить-то про

нашу столицу становится совестно!

— Ну, вы преувеличиваете!

— Нет, нисколько! Я отдаю должное чужому и знаю, чего недостает у нас. Вам, я думаю, очень не хочется снова ехать к нам?

Дать прямой ответ на этот вопрос Линару было трудно. Согласиться, что ему не хочется, было неловко, потому что он говорил с русским и речь шла о русском городе, сказать же наоборот, что он стремится в Петербург, было для Линара неудобно, потому что в этом мог быть усмотрен намек на его отношение к принцессе. Поэтому он уклонился от прямого ответа и сказал:

— А вам самим-то хочется побыстрее в Петербург?

— Представьте себе, что да! Хочется!

Линар посмотрел на Митьку с улыбкой, которая всего яснее показала, что неужели это правда и что можно желать оставить Дрезден, чтобы отправиться в северные болота.

— У вас здесь хорошо! Очень хорошо! — как бы извинился Митька. — Но каждому свое дорожке. Привычка тоже много значит! Конечно, я понимаю, на вашем месте такую

родину, как ваша, очень трудно покинуть для такой местности, как моя родина.

— Ведь если мы теперь выедем, то когда можем рассчитывать, что мы будем на месте? — спросил Линар.

— Да ко второй половине, самое позднее к концу ноября доберемся! К тому времени уже будет санный путь: нас на полозьях живо доставят! Я пришел сказать вам, что хочу уехать, не дожидаясь вас. Мне здесь не терпится!

— Зачем же не дожидаясь? — подхватил Линар. — Напротив, нам вместе будет гораздо удобнее... Я плохо знаю язык, и вы очень обязали бы меня, если бы отправились со мною вместе.

— Да вы ведь еще долго собираться будете!

— Нет, почему же долго? Но ведь не от меня это зависит!

— В самом деле, граф, ведь все равно вам ехать надо, и вы поедете, так отчего же вы откладываете? И, право, у нас не так уж и плохо, как вам это кажется, или может казаться! — поправился Митька. — В Петербурге вы встретите старых знакомых.

— Ну конечно! — быстро подхватил Линар. — Я там найду несколько друзей!

— И не только друзей, граф!

— Как вы сказали?

— Я говорю — не только друзей, граф, — еще явственнее произнес Жемчугов, отчеканивая каждый слог и не спуская взгляда с Линара.

Тот явно поморщился.

«Нет, он ее не любит и никогда не любил!» — решил Митька про чувства Линара к Анне Леопольдовне.

Сделанный Митькой намек был не только неловкостью, но даже дерзостью, если бы у него в запасе не было бы выхода, разрешавшего ему говорить так.

— А кого же еще, кроме друзей, я найду в Петербурге? — спросил уже строго Линар.

— Очень милую женщину!

— Женщину?

«Этот человек, кажется, позволяет себе чересчур!» — подумал Линар.

— Да! Женщину! — продолжал, не стесняясь, Митька и добавил наконец: — О которой, может быть, вы забыли и думать и никак не

ожидаете встретить ее в Петербурге.

Граф вздохнул с облегчением.

— Которую я не ожидаю встретить в Петербурге?

— О да! Француженку Селину де Пюжи.

— Ах ее! — с видимым удовольствием произнес Линар и улыбнулся.

«Вот об этой он совсем иначе вспоминает!» — опять отметил Митька про себя.

— А вы ее знаете? — продолжал, по-прежнему улыбаясь, Линар. — Так она теперь в Петербурге?

— Да, и приехала туда искать вас.

— Искать меня? Но кто же ей сказал?

— Да ведь вы сами сказали ей, что уезжаете в Петербург.

— Ах, в самом деле! — совсем рассмеялся Линар. — Ведь я ей сказал, что еду в Россию! Она мне надоела немножко, и я, чтобы отделаться от нее, когда ехал в Италию, сказал, что отправляюсь в Петербург, то есть в противоположную сторону.

— Так я и думал, граф.

— Отчего же вы так думали?

— Да ведь вы — дипломат!

— Ну так что же?

— Ну а дипломаты всегда едут в противоположную сторону! Во всяком случае, я думаю, что Селина де Пюжи может вам быть бесполезной в Петербурге.

— Вы так думаете?

— Не сомневаюсь в этом! Она, насколько я мог понять ее, — авантюристка в полном смысле этого слова и уже успела в обществе завести кое-какие связи!

— А как вы с ней познакомились?

— Случайно.

В это время лакей подал Линару письмо с огромной гербовой печатью и почтительно доложил:

— От министра-президента.

Линар быстро распечатал письмо, пробежал его глазами и сказал:

— Министр-президент зовет меня к себе немедленно... вы меня простите!

— Пожалуйста! — сказал Митька. — Да и мне пора! ведь я завтра собираюсь ехать и пришел сказать вам об этом.

— Ну как хотите. А правда, лучше бы подождать немного! — сказал Линар, прощаясь с

Жемчуговым.

Митька вышел от графа, оставшись очень довольным своим разговором с графом, так как последний осветил ему многое.

С несомненной определенностью выяснилось, что Линар никаких сердечных чувств к Анне Леопольдовне не питал, что едет он в Петербург скрепя сердце, безусловно поневоле, а не охотой и что Селина де Пюжи никакого неприятного воспоминания о нем не оставила; напротив, граф Линар говорил о ней с некоторым даже игривым удовольствием. Все это было важно для Митьки.

НАПУТСТВИЕ

Граф Линар поспешил в великолепный дворец все сильного временщика в Польско-Саксонском королевстве, министра-президента графа Брюля, и был принят там в торжественной аудиенции, обставленной почти такими же, как и королевский прием, церемониями.

У графа Брюля были свои скороходы, пажи, свой камергер, не говоря уж о многочисленном штате лакеев и прочей челяди. Граф Линар прошел в предшествии скорохода длинный ряд пышных апартаментов и был введен в богатую приемную, откуда вели двери в кабинет Брюля. У этих дверей стояли навытяжку два пажа. Линар должен был подождать некоторое время, затем явился камергер и, отворив в кабинет двери, сказал:

— Пожалуйста! Вас просят!

Линар вошел в большую комнату, посреди которой находился письменный стол, покрытый до полу красным бархатом с кистями

ми. У стола, опершись на него рукой, стоял министр-президент.

— Ваши верительные грамоты, господин граф, — сказал он, торжественно выговаривая слова, — готовы, и его величество король, наш всемогущий повелитель, приказал мне передать вам, чтобы вы немедленно ехали к русскому двору представлять Польшко-Саксонское королевство! — и как бы возведя этими словами Линара в звание посла, Брюль опустил в кресло и показал Линару на другое, чтобы тот сел.

— Будет ли мне дана аудиенция его величеством? — спросил Линар, садясь в свою очередь.

— К сожалению, его величеству некогда будет увидеть вас, так как сегодня государь занят, а вам завтра нужно будет ехать.

— Неужели завтра? Так скоро?

— Такова воля короля и вместе с тем сила обстоятельств!

— Но ведь я не успею приготовиться к завтра!

— У вас была неделя, чтобы справиться все свои дела! Неделю назад вы уже знали о сво-

ем назначении.

— Но ведь для того, чтобы быть представителем его величества Августа III, нужно быть достаточно обставленным, а на это нужно время.

— Вы можете взять с собой только самое необходимое на первое время, а затем ваши вещи пойдут вслед за вами с нарочным курьером! Я велю об этом распорядиться. Дело в том, что времени терять нельзя: король Прусский обладает, по-видимому, счастьем, и за него стихия! Но так как стихии обыкновенно неразумны, дело разумных людей противостоять им! Мы на вас надеемся, граф, как на разумного человека!

— Так что нет надежды, что обстоятельства улягутся сами собой и что мне можно будет не ехать?

— Нет, надежды на это нет! Напротив, каждая минута дорога. Я только что получил депешу от маркиза Ботты, австрийского посла из Петербурга, который пишет, что, несмотря на поддержку, которую ему оказывает лорд Финч, английский посол, русский кабинет уклоняется на сторону короля Прусского.

Маркиз Ботта просит как можно быстрее прислать ему поддержку в вашем лице. В том, что вы будете вызваны, он, конечно, не сомневается. Кроме того, принцессе Анне Леопольдовне нужна поддержка сильного и ловкого человека, которому она бы верила. Что она вам доверяет, в этом я не сомневаюсь, а насколько вы окажетесь сильным и ловким, это будет зависеть, разумеется, от вас. По сообщению маркиза, с каждым днем у принцессы Анны забирает силу фельдмаршал Миних, лицо нам враждебное и склонное помогать королю прусскому. Кроме того, французский посол де Шетарди, в союзе с представителем Швеции, интригует в пользу прусского короля и, по-видимому, готов вмешаться по этому поводу даже во внутренние дела России, даже вплоть до государственного переворота. В пользу принцессы Елизаветы. Она ненавидит немцев, и этим пользуется Шетарди, чтобы увлечь ее в сторону французского влияния. А она красива, ловка, эта дочь великого императора, умеет нравиться русским медведям и вообще очень популярна! Русское правительство обращает на нее мало внимания. Ваше

дело будет и с этой стороны обезвредить ее и оградить принцессу Анну Брауншвейгскую своими советами. Вы увидите теперь, что времени терять нельзя, что самые неожиданные события могут последовать одно за другим в Петербурге, что ваше присутствие там действительно необходимо.

По мере того как говорил Брюль, Линару становилось все более стыдно за свою первоначальную как бы слабость, вследствие чего, он не так горячо, как это следовало, отнесся к своему назначению. Он думал о себе, о своих интересах, но теперь увидел, что сейчас от него зависят интересы более высшие и что нужно в жертву им принести свои себялюбивые чувства.

— Одно слово, граф! — сказал он Брюлю. — Я выеду завтра же, но у меня будет к вашему сиятельству просьба.

— Денег? — поморщился Брюль.

— О нет, я достаточно богат, чтобы исполнять поручения короля за собственный счет, — не без гордости ответил Линар.

Брюль кивнул головой и остался очень доволен этим ответом. У него было слишком

много расходов, требовавшихся для удовлетворения прихотей самого короля, чтобы он мог тратить казну на посольство таких людей, как граф Линар.

— У меня просьба другого рода! — продолжал Линар. — Пред отъездом я доставлю вашему сиятельству письма, которые попрошу отправить с первым же курьером в Италию, во Флоренцию!

— Это я могу! — подхватил Брюль. — Это я могу и обещаю вам исполнить.

Граф Линар откланялся и поспешил домой.

Там у него оказалось вовсе не так много хлопот, как он думал. Большинство вещей из его гардероба, которые он брал с собой в Италию, еще не было распаковано, и, таким образом, явилась возможность отправить их прямо в Россию.

Впрочем, все распоряжения по приготовлению к отъезду граф Линар поручил дворецкому, сам же отдал лишь одно непосредственное приказание — чтобы итальянские альбомы были уложены в отдельный ящик и пошли не на подводе вместе с прочими вещами, а вместе с каретой, в которой поедет сам Ли-

нар.

Затем Линар сел к письменному столу и принялся писать письма.

«Итак, я еду в Петербург, — написал он, — этого требуют обстоятельства и мой долг перед родиной. Это — своего рода искупление, своего рода крест за мою вину и легкомыслие! Сердце мое не будет там, в этом холодном Петербурге, где суждено мне провести для блага моей родины не знаю сколько времени. Если когда-нибудь со временем романист задумается над теми чувствами, которые я теперь испытываю, он едва ли сумеет изобразить их сложность».

В ДОРОГЕ

Граф Линар выехал в Дрезден, как и обещал Брюлю, на другой день после свидания с ним. Митька Жемчугов, решивший выбрать-ся отсюда как можно быстрее, мог примкнуть к поезду графа.

Этот поезд был обставлен довольно торжественно, так как Линар путешествовал не в качестве лишь высокопоставленного лица, а как посол его королевского величества. Впереди скакали три рейтара верхами, командированные начальниками областей, через которые проезжал Линар. Затем следовала дорожная карета, запряженная четверкой цугом, а за ней в новенькой и довольно щегольской «берлине» ехал камердинер графа; далее на двух подводах везли вещи, и поезд замыкался еще тремя рейтарами.

Митьке граф предложил место в своей карете. Жемчугов сначала очень этому обрадовался, но потом убедился, что в карете Линара ему было очень неудобно, потому что ящи-

ки с итальянскими альбомами были помещены там и приходилось постоянно наткаться на их острые углы.

Верховую лошадь Жемчугова вел в поводу один из рейтаров, и Митька ради моциона сиделся верхом и делал таким образом часть пути. Кроме того, он садился иногда в «берлину».

Суровый, неразговорчивый немец-камердинер сидел внутри «берлины» по-домашнему, без парика, в шерстяном вязаном колпаке и читал маленькую немецкую книжку в толстом кожаном переплете. Митька, заглянув в нее, увидел там слова: «Когда в атоноре образуется зеленый порошок...» — и понял, что книжка алхимическая.

Он не стал о ней расспрашивать немца, или «старого Фрица», как его звали все кругом, но постарался допытаться у него, в чем сила тех итальянских альбомов, которые, по видимому, были так ценны, что граф считал нужным везти их за собою в карете, несмотря на то, что они причиняли там значительное беспокойство и неудобство. Однако старый Фриц отделался односложными ответами, из

которых решительно ничего нельзя было понять. Это еще больше заинтересовало Митьку. Самого графа спросить об альбомах Митька не решался, считая такие разговоры недекоративностью.

Фриц обычно был молчалив, однако оказывался очень интересным собеседником в дороге, когда рассказывал легенды и передавал исторические факты, относящиеся к местам, через которые они проезжали. Он много путешествовал, много знал и не любил только болтать зря, то есть поддерживать пустой и ничтожный разговор для разгулки времени. Но, когда ему говорили дело, он слушал внимательно, не перебивая, или, если его умели слушать, он не торопясь передавал свои знания другому. Он именно никогда не разговаривал, а только передавал знания.

В восемнадцатом веке такие типы часто служили в качестве доверенных камердинеров у знатных особ, так как подобные должности оплачивались очень щедро и были обставлены весьма хорошими условиями. Очень часто также такие камердинеры переходили в гувернеры и наставники юноше-

ства, и родители, поручавшие им своих детей, обыкновенно не раскаивались, потому что немцы, подобно старому Фрицу, выказывали почти всегда очень почтенные педагогические способности, а в отношении знаний и даже познаний значительно превосходили своих господ.

Митька проводил время рядом со старым Фрицем в берлине весьма занимательно, и вообще обратный путь в Россию совершался для него очень легко.

Одно только было не совсем так: Митьке казалось, что они едут очень медленно, несмотря на то, что лошадей им перекладывали на всех станциях немедленно, что ехали они день и ночь и останавливались лишь на короткие сроки для обеда или ужина, или в крайнем случае для отдыха на несколько часов, когда уж слишком уставали.

«Что такое может быть все-таки в этих альбомах?» — думал Митька.

Он знал цену художественным вещам и понимал, что денежную стоимость очень простенькие акварели и сепии, наполнявшие альбомы Линара, представлять не могут. Там

было что-то другое.

«Уж не алхимия ли здесь действует», — сообразил Митька, но никак не мог в своем воображении приспособить итальянские виды к алхимии.

Несколько раз ему удалось заметить, что Линар во время пути, сидя в карете, вынимал альбом с флорентийскими видами из ящика и перелистывал его.

На остановках их приглашали к себе к обеду бургомистры городов и сами губернаторы. Но у них с собой был довольно обильный запас всяких вкусных вещей, приготовить которые успел повар графа, ехавший вместе с другой прислугой графа на подводах с вещами. У него были тартинки со страсбургским паштетом, всевозможные колбасы, чудесная вестфальская ветчина, разные сыры и превосходное вино, в особенности красное, до которого граф Линар был большим охотником.

В природе чувствовалось наступление зимы, но запас фруктов везде еще не был израсходован и отличался обилием, так что по деревьям можно было за бесценок достать отличные груши, яблоки и сливы.

На одном из привалов граф решил последовать примеру Жемчугова и попробовал на переезде проехать некоторое расстояние верхом на его лошади. Это так понравилось графу, что с этих пор он ежедневно по два раза садился на Митькину лошадь и весело гарцевал впереди поезда с рейтарами вместе.

6

НАПАДЕНИЕ

Дело было под вечер; дорога шла сосновым лесом, прямые стволы которого казались огромными колоннами фантастического храма и вечнозеленые верхушки нависали причудливыми кружевами, сквозь которые просвечивало опаленное закатом, багровевшее золотистыми тонами небо. В воздухе стоял здоровый, освежающий и бодрящий холодок.

Граф Линар опустил стекло кареты и дышал свежим бодрящим воздухом.

— Хорошо-то как, — сказал Митька, подъехавший к окну кареты верхом.

— Да, чудесно, — согласился Линар и спросил: — Вы уже долго едете верхом? Вам не

жаль будет пустить меня тоже проехаться?

— Нет, отчего же? С удовольствием! Пожалуйста! — предложил Жемчугов и, велев кучеру остановиться, тотчас же соскочил с лошади.

— А вы садитесь на мое место в карету! — сказал Линар, впрыгнув в седло, и быстрым галопом поскакал вперед.

Митька уселся в карету, с ненавистью оттолкнув попавший ему под ноги ящик с одним из итальянских альбомов, и, мало помалу убаюканный качкой каретных рессор, задремал.

Его разбудил какой-то странный и не совсем обычный шум. Карета и прочие экипажи стояли, а люди громко и взволнованно разговаривали.

— Что случилось? — спросил Жемчугов, выглядывая из кареты.

— Впереди мост разобран! — сказал ему мимоходом пробежавший слуга.

— А где граф и рейтары? — осведомился Митька, но ему никто не ответил.

Он отворил дверцу кареты, но не смог выйти из нее, потому что некому было откинуть

подпиравшую ее подножку.

В это время из леса выскочили несколько человек и кинулись к карете. Митька схватил попавшуюся ему под руку высокую трость графа Линара с тяжелым, свинцовым, обложенным серебром набалдашником и этой тростью, как длинным кистенем, встретил нападающих, которые старались вскарабкаться в карету.

Силой Жемчугов обладал почти сверхъестественной и орудовал тростью так ловко, что среди нападающих произошло как бы замешательство. Они разом громко кричали и ругались, перемешивая немецкие ругательства с польскими.

Одному из них удалось было ухватиться за трость, однако Митька ткнул его вперед, но тотчас же, свалив своего врага, выпустил трость, вспомнив, что в мешке возле дверцы кареты были пистолеты. Мешок как раз был у него под рукой; он выхватил пистолет и выпустил в нападающих пулю из него.

Почти одновременно раздались несколько выстрелов с противоположной стороны, запряженные в карету лошади испугались и

дернули вперед. Карета рванулась, безобразно раскачиваясь, прокатилась вперед и вдруг рухнула набок.

Митька был оглушен, и ему показалось, как будто произошло что-то вроде крушения вавилонской башни. Что-то надавило на него, да так плотно, что пришлось сделать ему страшное усилие, чтобы освободиться. Жемчугов, кряхтя, кое-как вылез из приподнявшейся дверцы кареты и увидел перед собой графа Линара и рейтаров, подоспевших как раз вовремя, как оказалось.

— Вы целы? — стал спрашивать граф Линар, помогая Митьке высвободиться.

— Кажется! — сказал Жемчугов, выбравшись наконец на свободу и оглядывая себя. — Кажется, нигде не болит! Ой! — крикнул он, схватившись в эту минуту за плечо, в котором почувствовал внезапно острую и щемящую боль.

— Вы ранены?

— Да нет! — с досадой процедил Митька сквозь зубы. — Это все ваши ящики с итальянскими альбомами! Они придавили меня!

Озлобление, с которым Митька упомянул о

ящиках, было, несмотря на все другие обстоятельства, настолько комично, что Линар да и сам Жемчугов не могли не усмехнуться.

Стали подымать карету. Оказалось, что она была совсем не повреждена, во всяком случае в ней можно было продолжать дорогу.

Все кончилось без серьезного несчастья, а по-видимому, нападение было заготовлено весьма серьезное и придумано довольно основательно. Ехавшие впереди рейтары с графом Линаром заметили еще издали, что в мосту над крутым оврагом сняты четыре доски, так что карета никак не смогла бы проехать. Они остановили экипажи, а сами подъехали к мосту, чтобы посмотреть, в чем там дело. Одна из скинутых досок была внизу, в овраге; стоило только спуститься и достать ее, а вместе с нею, вероятно, были и другие доски, и можно было продолжать дорогу. Но именно в этом-то и заключалась ловушка. Как только рейтары — и передовые, и те, что ехали сзади, — собрались вместе с графом Линаром на поиски досок, из леса выскочили вооруженные люди и напали на карету, где вместо Линара сидел Жемчугов. Кучер и сидевший с

ним рядом гайдук убежали, как только увидели нападающих, а за ними последовали и остальные из прислуги. Нападающие, очевидно приняв Митьку за графа Линара, потому что он находился в карете, вероятно, решили покончить с ним врукопашную, не пуская в ход огнестрельного оружия, чтобы выстрелами не привлечь внимания разъехавшихся конных. И только когда Жемчугов выстрелил, они ему ответили залпом. Но тут оставленные на собственный произвол лошади рванулись и опрокинули карету, а тут и граф Линар подоспел с остальными верховыми на выручку. Разбойники поспешили удалиться, и Линар остановил рейтаров от их преследования, опасаясь засады. Из нападающих удалось схватить только одного, который, вместо того чтобы удирать, хотел спрятаться за дерево, где уже сидел, спрятавшись там, повар.

Когда вся передряга закончилась, из «берлины» высунулась фигура старого Фрица, все время невозмутимо сидевшего в ней, и он мирным голосом, не торопясь спросил:

— Кажется, мы можем уже ехать вперед?

ОПЯТЬ ВСТРЕТИЛИСЬ

В те времена нападения разбойников были вовсе не так часты, чтобы против них принимать постоянные меры, а засада, устроенная графу Линару, явно была не совсем обычным разбойничьим набегом.

Местность была довольно пустынная, и правда, обыкновенные путешественники не решались пересекать ее вечером, то есть к ночи, так что можно было рассчитывать, что никого другого, кроме поезда Линара, тут в это время не встретится.

Несомненно нападение готовилось именно на него, и несомненно было также, что целью нападения служило не простое желание ограбить. Тут желали напасть именно на графа, как на посла, присутствие которого в Петербурге было способно повлиять на ход политических дел. Устранение Линара почти равнялось выигранному сражению.

Конечно, никаких данных к обвинению людей, которым была выгодна гибель графа,

не было, но это обвинение напрашивалось само собой.

— Как бы то ни было, но вы спасли мне жизнь! — сказал Линар и протянул руку Жемчугову.

— Напротив, — ответил тот, — это вы мне спасли мою, потому что, не подоспей вы вовремя, со мной уже все было бы кончено!

— И вам пришлось бы умереть не за себя, а разыгрывая мою роль!

— По-русски это называется: «В чужом пиру похмелье», — сказал Митька. — Но все-таки, не будь вас, меня бы в конце концов уколошили!

— Я думаю, мы можем ехать! — опять проговорил старый Фриц, снова высовываясь из берлины.

— Да нет, старик! — крикнул ему Линар. — Наши люди не могут справиться с мостом! Нашли всего одну доску, а их нужно четыре!

— Ну зачем еще нужно четыре, — проворчал Фриц и, вылезши из своего экипажа, пошел к мосту и немедленно распорядился, до некоторой степени гениально: по имевшейся одной доске он переправил на другую сторо-

ну моста трех человек, и велел им отколотить там доски и прибить их вновь все с такими щелями, чтобы по ним можно было проехать через весь мост.

Пока приводили в исполнение это распоряжение Фрица, граф с Жемчуговым решили заняться захваченным разбойником.

Разбойник со связанными руками был приведен и поставлен перед ними в весьма жалком виде. Ничего воинственного в нем не было, и он не только не был на вид дерзок и нахален, а напротив, чрезвычайно удручен и заливался горькими слезами.

— Здравствуйте, ваше сиятельство, граф! Да ведь вы же — граф Мориц, — проговорил он сквозь слезы, увидев Линара.

— Ты меня знаешь? — удивился граф.

— Да как же не знать? Я был ваш слуга и приехал с вами в Петербург, а там был помещен вами при дворе принцессы Брауншвейгской.

— Батюшки! Да ведь это пан Венюжинский! — воскликнул в свою очередь Жемчугов, узнав в пленном Станислава.

— Князь Карагаев! — завопил Венюжин-

ский, и ноги у него подкосились, так что он едва не свалился. — Нет, это мне видится опять сон! — заявил он, помотав головой.

— А ведь в самом деле — это Станислав Венюжинский! Помню, был у меня такой! — подтвердил Линар. — Но как же ты попал сюда?

— Как я попал? Ох, как я попал сюда! — застонал Станислав. — Пане грабе, пане ксендже, велите меня распутать! Я даю слово благородного шляхтича, что не убегу и буду трактовать, как добрый подданный короля!

— Знаете, — сказал Жемчугов Линару, — я думаю, что этот дурак не по своей воле попал к злоумышленникам, я его знаю немножко.

Люди графа разложили в это время костер, достали вино и закуски, и граф с Митькой расположились у костра. Линар приказал развязать своего «старого знакомого».

Венюжинский действительно был привезен им в свой первый приезд в Петербург в числе прочих своих слуг и затем просил рекомендовать его в штат принцессы Анны Леопольдовны. Когда Венюжинский был зачислен туда, Линар пользовался им для передачи

записочек Анне Леопольдовне. Довольствуйся Станислав выпавшим на его долю счастьем, он мог бы жить припеваючи. Но беспопутал его войти ради денег в сношения с бироновским Иоганном, которому были нужны шпионы на половине принцессы.

— Как же вы попали сюда-то, ясновельможный пан Венюжинский? — спросил его Жемчугов. — Вы ведь, помнится, в день моего отъезда удрали из Петербурга.

— Но, клянусь вам, — стал уверять его Венюжинский, как будто в этом была вся суть его оправдания, — я же не знал, что вы в этот день уезжаете!

— Дело не в том! — остановил его Митька. — Пока я был в Петербурге, я знал все, что случилось с вами: как вы попали к господину Гремину, как вы видели сон.

— Все это было волшебно! — заявил Станислав.

— Ну может быть, я — волшебник, — сказал Жемчугов. — Но я спрашиваю вас, что было дальше?

— Дальше, ясновельможный пан? Дальше я задумал прибегнуть к помощи католическо-

го священства! Я понял так, что мне все равно пропадать, так как я околдован.

— Да ведь вы хотели сидеть безвыходно в комнате у господина Гремина!

— Ну да, я сначала хотел, но потом очень испугался, потому что счел себя околдованным и быстро побежал к духовнику, чтобы он снял с меня колдовские чары. Когда я ему все рассказал, он покачал головой и возразил: «Плохо твое дело, Стас!» Тут он мне сказал, что как раз в этот день уезжает на родину, в Варшаву, наш каноник и что он может взять меня с собой. О-о! Это святые люди, ясновельможный пан! Они спасли меня из России, и вот я очутился опять на родине и вспомнил, ваше сиятельство, вас и направился в Дрезден, чтобы отыскать вас опять и поступить к вам снова, как прежде, в ваше услужение! Тут, по дороге в Дрезден, меня встретили эти лихие люди — чтоб им на том свете неладно было! — и, когда они узнали, что я иду в Дрезден искать ваше сиятельство, сказали, что граф Линар выехал из Дрездена и следует по этой дороге, и что если я пойду с ними и покажу им графа Линара, то они меня проведут к

нему. Я не знал, что это — лихие люди, а когда они стали нападать, я не хотел иметь с ними ничего общего и от омерзения хотел даже спрятаться на дерево. Но там уже кто-то сидел, и меня взяли! Вот как все было, ясно-вельможные паны, и вот так все случилось! А я — не разбойник, клянусь вам в этом всеми святыми!

— Так что, ты этих людей не знал, и не подозревал, кто они? — спросил граф Линар.

— Не знал и не подозревал! Ну вот провалиться мне на этом самом месте! — стал снова клясться и божиться Станислав и сделал это так горячо и так исступленно, что, пожалуй, можно было поверить ему.

ПОЧИНКА МОСТА

Как ни мало доверия заслуживал Станислав Венюжинский, но все-таки его рассказ был очень похож на правду. Он по своему характеру лгал тогда главным образом, когда имел возможность прихвастнуть. Но в том положении, в котором он находился теперь, то есть в положении человека, пойманного заодно с разбойниками, ему вряд ли пришло бы в голову хвастать. Вместе с тем, если бы он желал выпутаться, будучи в чем-нибудь виноватым, и ради своего оправдания попытался выдумать какую-нибудь историю, она, наверное, была бы не столь несуразна и невероятна, что сразу стало бы видно, что все это — наглое вранье.

Между тем все, что рассказал Венюжинский, было весьма правдоподобным. Он заявил, что его вывез из Петербурга католический каноник. И действительно, иначе ему бы из него не выбраться, а уж вернуться на родину — и подавно. Без паспорта ему это сде-

лать было никак нельзя, а канонику выдавался паспорт с прислугой, и он мог куда хотел привезти своего земляка-поляка под видом слуги.

Станислав был слишком большим трусом от природы, чтобы пристать к шайке разбойников, да и разбойники, в свою очередь, не так уж были, вероятно, наивны, чтобы принять его, труса, в свою среду. Между тем лицам, обиравшимся — очевидно, по найму — из-за политических целей покончить с графом Линаром, было важно иметь с собой кого-нибудь, кто знал бы графа в лицо.

Все эти соображения заставили графа Линара и Жемчугова отнестись к несчастному поляку снисходительно.

— Знаете что, — сказал граф Митьке по-немецки, — конечно, мы можем сдать этого человека в первую же кордегардию, и его привлекут к ответственности, но, право, не стоит нам возиться с ним.

— Что же с него взять? Нечего! Тем более, что мы оба его знаем, — согласился Митька.

Совместная дорога и только что пережитая вместе опасность сблизили их, и они во-

лей-неволей разговаривали совсем попросту, по-дружески.

— Я думаю отпустить его на все четыре стороны, — сказал Линар.

Митька кивнул головой.

— Разве удержать его до первого города, чтобы он дал показания для поимки этих негодяев? Он ведь может указать их приметы и узнать их.

— А вам хочется затевать судебную волокиту?

— Нет, нисколько, но я думал, что вы желаете суда, граф.

— Защищая себя, я убил бы их на месте, не удери они столь стремительно, но мстить им через суд за то, что они посягали на мою жизнь, — на это я не считаю себя способным, мы — не маленькие дети, которые бегут жаловаться няне, когда их обидают.

— Совершенно верно, граф, — с удовольствием подтвердил Митька. — Пусть этот Станислав убирается на все четыре стороны, куда ему угодно!

— Ну пан Станислав, — обратился он по-польски к Венюжинскому, — вы свободны;

мы верим, что вы не виноваты... Идите, куда вам хочется!

Казалось, можно было ожидать, что Станислав подпрыгнет от восторга и поспешит воспользоваться дарованной ему свободой, но пан Венюжинский ничуть не обрадовался, а печально склонил голову на сторону и злобно произнес:

— Но, ваше сиятельство, куда же я пойду?

— Как куда? Куда хотите!

— Если я пойду в эту сторону — меня встретят разбойники и повесят за то, что я попался им.

— Ну идите в другую сторону.

— Так тут мост изломан, пройти нельзя.

— Его сейчас починят.

— А тогда я пойду один, и меня разбойники догонят и опять повесят.

— Так что же вы хотите?

— Ваше сиятельство, я ведь шел к вам, и к другому мне не к кому идти.

— Постой, я не совсем понимаю.

— Ну мне кроме вас не к кому идти, — пояснил Станислав, — граф, я хочу, чтобы вы меня взяли опять в слуги. Я полагаю, что сам Бог

послал вас мне здесь на дороге.

— А меня-то кто же тогда послал вам на встречу, пан Станислав? — спросил его Жемчугов.

Венюжинский съежился весь и, как-то отстраняясь, с искренним страхом произнес:

— Боюсь, что придется назвать того, кто послал вас на мой путь жизни. Хорошо, если вы — только колдун, а то, может, и похуже!

— Так ты хочешь остаться у меня в услужении? — спросил граф Линар.

— Будьте ласковы, ваше сиятельство!

— Ну хорошо, я велю взять тебя с собой, — согласился Линар.

Между тем, мост был починен, и поезд двинулся дальше.

БИРОНОВСКИЙ БЛАНК

Станислав Венюжинский остался в поезде графа и так старался услужить всем, что все были довольны им и нисколько не жалели, что граф Линар взял его к себе на службу. Во время переездов он рассказывал бесконечные истории, главным действующим лицом которых являлся всегда он сам, причем оказывался всегда победителем, проявляя всегда блестящие подвиги храбрости и выказывал отменное благородство.

В Варшаве, где Линар остановился на целый день, Венюжинский чуть было не застрял, засидевшись в погребке, где собравшимся досужим слушателям передавал с чрезвычайно обстоятельными подробностями, как он, Венюжинский, во время пути спас жизнь графа Линара при нападении на его поезд разбойников. Он заколол своей шпагой шестерых из них, и они должны помнить его — конечно, на том свете, потому что его удар всегда смертелен.

В Варшаве Линар получил известие из Петербурга от маркиза Ботты, который сообщил ему, что хотя положение пока без перемен, но он с каждым днем ждет все больше всяких случайностей и просит графа поспешить как можно скорее.

Линар, рассчитывавший хотя бы немного освежиться в Варшаве, побывать там в театре и повидать кого-нибудь из знакомых, вынужден был отказаться от этого вследствие письма Ботты и ехать дальше.

— В самом деле, если задерживаться в Варшаве, то зачем было гнать и торопиться раньше? А уж раз торопились, значит, незачем терять время теперь! — так уговаривал графа Жемчугов.

У него все еще болело плечо, но он не обращал внимания на эту боль и жалел только об одном — что не знал, где найти в Варшаве русскую баню, а то бы попарился, и всякую боль наверно как рукой бы сняло!

Из Варшавы выехали еще на колесах, но затем, по мере приближения к русской границе, надо было подумать о замене колес на полозья для санного пути. Митька надеялся, что

авось будет сделано распоряжение чтобы на границе Линару были приготовлены возок и сани для его поезда.

Венюжинский, крайне любезно относясь ко всем, избегал только Жемчугова; правда, при встрече он кланялся Митьке очень почитательно, но всегда уклонялся от разговора, отворачивался и потихоньку крестился. Он, кроме Митьки, еще боялся старого Фрица. Он замечал, как часто Жемчугов проводит время с графским камердинером, ему казалось, что это недаром, и он перенес часть своего суеверного страха и на старого немца.

Митька относился к Венюжинскому совершенно равнодушно; вернее — попросту и вполне искренне не замечал его.

При приближений к русской границе пан Станислав заскучал. Он начал сомневаться относительно отсутствия у него паспорта. Сначала ему казалось, что это вовсе не важно, так как он находился в свите посла, но, когда он ближе, так сказать, пригляделся к этому для него несколько высокопарному термину, то должен был признать, что от посольской прислуги, в числе которой он находился, до

свиты было слишком далеко.

Он опросил прислугу и выяснил, что у них у всех были паспорта.

— Как же мне быть? — спрашивал он.

Люди графа Линара, расположенные к Станиславу вследствие его услужливости, доложили графу о его затруднении.

Линар отнесся к делу совершенно серьезно. Ему неудобно было компрометировать себя тем, что с его поездом едет беспаспортный человек. Во время остановки он призвал к себе Венюжинского и сказал ему, что был уверен, что все документы у него в порядке и что он только потому позволил ему ехать с польским поездом.

Находившийся при этом Жемчугов вспомнил, что ведь до некоторой степени в беспаспортности Станислава виноват он сам, так как, чтобы проучить поляка, он разыграл с ним штуку, заставившую того бежать не только из дворца, но из России. Ему показалось, что Венюжинский достаточно наказан и что, если теперь бросить его на произвол судьбы, то это будет слишком жестоко и не соответственно его вине, тем более что Ста-

нислав изо всех сил старался теперь заслужить его доверие.

— Вот что, граф, — сказал Митька Линару, — свое место и паспорт пан Венюжинский потерял из-за меня! Я же и восстановлю его в правах! У меня есть на всякий случай два бланка в подписью герцога Бирона, которыми я имею право во всякое время воспользоваться по своему усмотрению!

С этими словами он достал из замшевой сумочки, висевшей у него под камзолом, подписанный Бироном бланк и вписал, что «сим предписываю выдать предъявителю сего Станиславу Венюжинскому, такому-то уроженцу, католического вероисповедания, имеющего столько-то лет и т. д., паспорт».

— Вот, — сказал Митька Венюжинскому, передавая ему бумагу, — теперь вы можете быть спокойны на случай требования паспорта; предъявите только эту бумагу первому же начальству, которое заговорит с вами о паспорте. Тут подпись самого герцога, и не послушаться ее никто не посмеет. Вы понимаете?

— А эта подпись настоящая? — спросил, робея и сам не зная, что говорит, Станислав.

— Вы думайте, что говорите! — остановил его Митька. — Что же, по-вашему, я стану подделывать подписи?

— Нет, не то, — залепетал Венюжинский, — я хотел сказать, что ежели это опять ваше колдовство, то будет ли оно действительно?

— Ах вот что! — рассмеялся Митька. — Ну будьте уверены, почтеннейший пан, что на этот раз никакого колдовства тут нет. Эта подпись настоящая, в этом я даю вам слово.

Но, несмотря на данное Жемчуговым слово, Венюжинский все-таки в глубине своей души не верил и продолжал думать, что всемогущая бумага получена несомненно волшебством — столь сверхъестественным казалось ему обладание ею.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Есть люди на свете, которые до того привыкли всю свою жизнь волноваться и беспокоиться, что, какое бы успокоение ни пришло к ним, они найдут причину для беспокойства и будут внутренне сверлить себя и раздражать до тех пор, пока сами себе не причинят крупных неприятностей.

К этим людям, безусловно, принадлежал и Венюжинский.

Только что уладились у него дела с паспортом, и уладились так великолепно, что на границе, при въезде в Россию, когда он предъявил свою бумагу, ему оказали весьма уважительное почтение, предложив, не желает ли он, чтобы эта бумага была препровождена к губернатору для немедленной выдачи ему паспорта; но он сказал, что это ему не нужно и что он возьмет себе паспорт в Петербурге.

Едва таким образом главная опасность, то есть переезд через границу, миновала, пан Станислав стал раздумывать, хорошо ли он

делает, что, будучи верным католиком, пользуется злыми силами колдуна, а в том, что Жемчугов колдун, он не сомневался.

И вот у него начала разыгрываться злоба против этого Жемчугова. Венюжинский представлял себе, как он жил во дворце припеваючи, все шло у него превосходно, служил он на половине принцессы, исполнял за особое вознаграждение поручения господина Иоганна и вдруг, ни с того ни с сего явился какой-то волшеббно-фантастический князь Карагаев, по самой своей природе ненавистный Станиславу, и своим колдовством выбил его из колеи.

«Ах он проклятый колдун! — думал Венюжинский, все больше и больше растравляя свою ярость. — И ведь он же украл у меня сонные порошки и бумажные купоны, данные мне Иоганном! Ведь так я имею право взять у него их назад! Конечно, имею полное право!» — решил он и задумал во что бы то ни стало привести свое решение в исполнение именно еще дорогой, улучив для этого удобный случай.

И случай ему представился несколько спустя, и довольно благоприятный.

Почти уже в конце пути, под Псковом, Митька не выдержал и вместо того, чтобы трястись в огромном возке, приготовленном для Линара пограничным воеводой, решил поехать налегке, в ямской кибитке, для того чтобы опередить графа хоть на день. Он даже сам себе не хотел признаться в том, но на самом деле причиной такой его поспешности было желание увидеть поскорее Груньку, разлука с которой начала сердить его.

С ним увязался и Венюжинский, под тем предлогом, что не хочет отстать от своего покровителя, на случай, если бы в Пскове вышло какое-нибудь недоразумение с его бумагой. Это только был предлог, в действительности же Венюжинский хотел под этим предлогом выполнить свой замысел.

В Псков они приехали, перепрягая лошадей, нигде не останавливаясь и мчась всю ночь.

Митька все время не спал и, попав в Пскове в хорошо натопленную горницу, выпив русской водки и закусив, прилег на скамью и заснул.

Пан Венюжинский был в таком возбуж-

денном состоянии, что у него ни в одном глазу сна не было, и, видя, что Митька захрапел вовсю, он, до болезненности мучимый сидевшим в нем бесом, на цыпочках приблизился к Митьке и протянул руку к замшевой сумочке, как нарочно вывалившейся из-под распахнувшегося камзола.

«А вдруг, он сейчас откроет глаза и посмотрит на меня?» — мелькнуло у Станислава.

И при одной мысли об этом Венюжинский задрожал, и ему стало так страшно, что дух захватило.

Но именно потому, что у него захватило дух, он дрожащими руками расстегнул сумку и вынул оттуда все, что там было, сунул на место вынутого валявшийся на столе старый номер «Санкт-Петербургских ведомостей», сложив его как попало, и опять застегнул сумку.

Жемчугов не просыпался и не подавал даже признаков жизни.

Окончив свое грязное дело, Станислав вздохнул с необыкновенным удовольствием и испытал полное блаженство неизъяснимого душевного облегчения. В эту минуту ему

показалось, что он очень счастлив. Из сумки им были вынуты последний оставшийся там сонный порошок и подписанный герцогом бланк.

Венюжинский призвал слугу, велел принести квасу, и, когда слуга, исполнив это, ушел, Станислав налил квасом большую кружку, всыпал туда порошок и стал будить Жемчугова, приговаривая:

— Но отчего же вы так стонете? Может, вам выпить кваску хочется?

Митька открыл мутные глаза, что-то промычал, выпил весь квас залпом и упал опять, как пласт, на скамейку.

У пана Венюжинского явилась новая идея, но для приведения ее в исполнение необходимо было, чтобы Митька заснул крепко и чтобы за его сон можно было быть спокойным несколько часов.

Станислав решил покончить с ним раз и навсегда. Он был уверен, что Митька под влиянием сонного порошка не проснется ни за что и, значит, можно ему быть спокойным в своих действиях.

Он запер дверь на ключ, достал из кармана

Жемчугова походную чернильницу, которую тот возил с собой, развернул на столе и тщательно расправил подписанный герцогом Бироном бланк и, не колеблясь и не раздумывая, смело написал на бланке.

«Сим предписываю немедленно арестовать и содержать секретно впредь до распоряжения из Петербурга моего личного врага и супостата Дмитрия Жемчугова».

Расчет Венюжинского был очень смелым, но вместе с тем он бил без промаха. Задержанный по этой бумаге Митька должен был содержаться секретно, впредь до распоряжения из Петербурга, а так как никакого предписания последовать не могло, то Митька и должен был сгнить в Пскове секретно. Станислав же мог весьма легко дождаться в Пскове Линара, опять, как ни в чем не бывало, дождавшись, пристать к его поезду и сказать графу, что Жемчугов уехал вперед, а он, Станислав, не мог выдержать эту бешеную езду и остался. Словом, Венюжинский мог только предъявить составленную бумагу, заверенную герцогской печатью, и Митька несомненно пропал бы.

ГИБЕЛЬ МИТЬКИ

В те времена, к которым относится наш рассказ, провинциальное управление России было разделено на одиннадцать губерний, во главе которых стояли губернаторы, а под их начальством находились воеводы. В городах были учреждены должности полицмейстера и при них полицейские конторы.

Станислав Венюжинский знал, что ему нужно было обратиться в полицейскую контору со своим наветом на Митьку Жемчугова. Поэтому он оставил Митьку спящим на почтовом дворе, где они остановились и где им уже готовили новых лошадей, чтобы ехать дальше, и отправился в полицейскую контору. Он действовал словно безумный, как бы помешанный на своей ненависти к Жемчугову, которого он продолжал винить во всех своих бедах.

Найти полицейскую контору было нетрудно. Дорогу к ней показал Венюжинскому первый же встречный.

Она помещалась в старом казенном здании, под тяжелыми сводами. Маленькие оконца сквозь железные решетки давали мало света, и, очутившись в полумраке под сводами конторы, Станислав одну минуту думал, уж не уйти ли ему. Но тут же он рассчитал, что все равно дело кончено и возврата ему нет, потому что бланк уже испорчен и Митька будет так долго спать вследствие данного ему сонного порошка, что успеет подъехать граф Линар, и тогда все может открыться. Значит, надо отделаться от Митьки как можно скорей.

В конторе Венюжинскому сказали, что надо ждать.

Это был обыкновенный прием тогдашних присутственных мест, что говорили «надо ждать», причем проситель мог понимать эти слова в том смысле, что от него требовалось ожидание или что эти слова значили: «Надо ж дать!» Люди опытные, понимавшие официальный язык, раскошеливались и «давали», то есть «смазывали» дело, как тогда выражались. Если врученная ими лепта была недостаточна, то им говорили: «Надо доложить!»

Станиславу тоже сказали, что «надо ждать», когда он заявил, что имеет неотложное важное дело к полицмейстеру.

Не находя нужным смазывать дело, по которому он явился, да и денег у него не было, он решил подождать и присел на замызганную скамейку, специально предназначенную для томления несговорчивых просителей.

Венюжинский был взволнован и в своем нетерпеливом волнении не мог долго сидеть на одном месте. Он начал ерзать, беспокоиться, кашлять, но на него никто больше не обращал внимания. Вокруг него ходили, разговаривали, скрипели перьями, передавали бумаги, как будто его тут и вовсе не было.

— Проще вас... Я имею безотлагательное дело, — попробовал обратиться Станислав к проходившему мимо него приказному.

Но тот даже не поглядел на него и прошел мимо.

— Да ведь я говорю, — произнес через некоторое время Венюжинский вслух на всю комнату, без обращения к кому бы то ни было в частности, — что у меня неотложное дело.

— А вы не неистовствуйте, а держите себя

прилично! — строго заметил ему сидевший неподалеку от него за столом чиновник.

Станислав, держа в кармане подпись самого Бирона, чувствовал себя в силе, и потому обращенное к нему строгое замечание раздражило его.

— Я имею государево «слово и дело», — взвизгнул он наконец.

— Ежели вы имеете государево «слово и дело», — спокойно произнес чиновник, — то вас сейчас отправят в сыскной и там допросят.

— Я имею ордер самого герцога Бирона! — чуть не плача от волнения, заявил Венюжинский и, достав бумагу, вскочил с места и поднес ее почти к самому носу чиновника.

Тот мельком успел разглядеть подпись и, вскочив со стула, испуганно произнес:

— Подпись регента!

Вся контора мгновенно преобразилась. Все повскакивали со своих мест и остановились, разинув рты, глядя на Венюжинского, как будто вместо него пред ними из-под земли выросло какое-нибудь диковинное чудовище.

— Позвольте бумагу сюда! — сказал чинов-

ник, но Станислав отстранился от него, возразив:

— Я требую полицмейстера!

— Сейчас, сейчас! — заторопились кругом, и из соседней комнаты рысцой выскочил полицмейстер, не старый еще человек с военной выправкой, из исполнительных немцев.

— Что такое? Что такое? — повторил он несколько раз, а когда прочел бумагу, немедленно обернулся и закричал: — Дежурный капрал, полицейские, стражники! За мной, живо!

Не спрашивая Венюжинского, кто он и откуда, вообразив, что он непосредственно из Петербурга, полицмейстер, чтобы выслужиться перед Петербургом, стал показывать свою расторопность.

С необыкновенной стремительностью он в сопровождении полицейских чинов явился вместе со Станиславом на почтовый двор и грозно спросил:

— Где здесь Дмитрий Жемчугов?

Митька спал, разбудить его оказалось невозможным.

Было решено, что он так напился, что не

может очнуться, а потому его уложили в приготовленные сани и в этих санях отвезли в острог, запретив под страхом строжайшего наказания кому-нибудь на почтовом дворе рассказывать о том, куда делся арестованный.

В разгар бироновщины можно было быть уверенным, что такая угроза будет действительна, так как с розыскным приказом никто иметь дела не желал, и Митька Жемчугов был погребен заживо.

12

ЖЕНСКИЕ КРУЖЕВА

Грунька при отъезде обещала Жемчугову действовать без него и даже с хвастливой уверенностью заявила, что к возвращению Митьки Бирон будет уже свергнут.

Но легко было обещать, а трудно выполнить; это отлично сознавала Селина де Пюжи, когда Грунька стала обсуждать с ней, что, собственно, надлежит ей выполнять.

Общий ход дела был намечен уже сам собой, и начало было положено, причем не без успеха. Старик Миних не только оказался по-

датлив ко внушениям, но и сам искал новой встречи с Грунькой. Таким образом, оставалось только устроить эту встречу, а остальное должно было пойти как по маслу, потому что Груньке нужно было только свидеться с Минихом и иметь возможность поговорить с ним, а уж что и как говорить — это она знала отлично.

Но весь вопрос был в том, как устроить это свидание. Беда заключалась в том, что по случаю смерти императрицы, тело которой все еще не было похоронено и все еще стояло в пышном зале среди траурного убранства всяких эмблем и аллегорий, в столице были запрещены всякие увеселения и общественные сборища. Ни маскарадов, ни театров, ни даже более или менее людных гуляний не допускалось, так что повидаться с Минихом в толпе, что является удобным, в настоящее время было невозможно.

Пуститься на шутку с каретой или что-нибудь вроде этого Грунька без Митьки не могла решиться, да и не знала без него, как взяться за такое дело. В кофейне Гидля тоже было неудобно видеться с Минихом, так как это

свидание неизбежно должно было стать известным прислуге кофейни.

— Я просто ломаю себе голову и ничего не могу придумать! — говорила Селина, расхаживая из угла в угол по комнате. — Но я всеми силами желаю изобрести что-нибудь! Знаешь что? Я опять оденусь гадалкой, — внезапно решительно сказала она, но тут же остановила самое себя: — Нет, переодеваться гадалкой теперь нельзя, если за нами следят и если нет возле нас твоего красавца-сержанта, чтобы защитить нас!

— Да и незачем вам переодеваться! Дело-то не в вас, а во мне, — махнула рукой Грунька. — Ведь суть в том, чтобы мне удалось не показать свое лицо старику Миниху! А где и как я смогу разговаривать с ним под маской?

— Да зачем тебе скрывать лицо? Ведь у тебя оно такое, что ты смело можешь показать его Миниху!

— Ну пусть я с ним буду разговаривать без маски, — согласилась Грунька, — но все-таки где и как?

— Что это «где и как»? — спросил Гремин,

вошедший в это время в комнату (теперь он каждый день бывал у Селины де Пюжи).

Грунька в первую минуту очень обрадовалась приходу Гремина, словно он сейчас же мог найти решение стоявшей перед ней задачи.

Но когда ему объяснили, в чем заключалась эта задача, он покачал головой и, усевшись в кресло, не торопясь протянул:

— Н-н-да! Очень хорошо было бы вам повидаться с Минихом, но как это сделать?

— «Как, как»! — рассердилась Грунька. — Вот и мы тоже думаем — как, да ничего не выходит!

Гремин крайне не любил, когда беспокоились и сердились. Он готов был сделать все возможное и невозможное, чтобы все были довольны и веселы. Он терялся в таких случаях и сам не знал, что ему делать.

— Может быть, — проговорил он наугад, главным образом чтобы выказать свое участие, — пригодится к чему-нибудь тот обрезок бумаги бироновского служителя, который был у поляка, и его письмо?

Проговорив это, Гремин неловко улыбнулся.

ся, почувствовав сам, что сказал пустяки и что обрезок бумаги бироновского служителя ничем ему помочь не может.

— Вы разве этого письма не отправили по адресу? — спросила Грунька.

— Это к бироновскому-то Иоганну? Ну зачем же было отправлять его, если поляк и без того испугался одного только рассказа о том, что письмо было отправлено? Ведь на самом деле нести во дворец такое письмо было бы очень опасно: могли бы схватить посланного, и тогда вышла бы пренеприятнейшая история!

— Так что пан Станислав напрасно пропал без вести! — рассмеялась Грунька. — Его отношения к господину Иоганну на самом деле не испорчены! Но, знаете, вы мне дайте эти обрезки бумаги, они мне, пожалуй, пригодятся! А с Минихом я поступлю очень просто!

— Что значит «просто»? — в один голос спросили Гремин и Селина.

— Да пойду к нему прямо... как к фельд-маршалу, попросить защиты и покровительства под предлогом, что мой отец служил у него в войсках! Скажу, что семейное дело тре-

бует разговора наедине, и у него в кабинете переговорю с ним!

— Нет, она гениальна! — воскликнула Селина. — Нет, она положительно гениальна! — повторила она, воодушевляясь своей чисто французской особенностью приходить в восторг, всегда несколько преувеличенный по сравнению с причиной, вызвавшей его. — И я удивляюсь, — снова заговорила она, — как это русские женщины способны быть столь тонкими!

— Ну полноте, — остановила ее Грунька, — тут еще особой тонкости нет! А что русские умеют кружева плести, так это правда! Говорят, наши кружева первым сортом считаются. Вот и попробуем в жизни сделать плетение тоже первого сорта!

ВТОРОЙ БИРОН

Грунька исполнила задуманное на следующий же день.

Гремин узнал для нее часы приема у фельдмаршала Миниха, и она, блестяще разодетая в серую шелковую робу Селины, в ее карете отправилась к фельдмаршалу, имея столь великолепный вид, что никому не стыдно было бы принять такую гостью.

В приемной у Миниха было много народа, но, когда вошла Грунька, дежурный адъютант, расшаркиваясь, подлетел к ней и спросил, как о ней доложить и по какому она делу.

— Я вас попрошу передать генералу вот это! — и Грунька передала адъютанту заранее заготовленную ею записочку, которую они с Селиной сильно надушили и в которой было написано:

«Желаю продолжить с вами разговор в карете. Маска».

Миних, как только прочел записку, велел

немедленно впустить «эту даму» вне всякой очереди.

Грунька, аллюром хорошо знающей свою роль актрисы, появляющейся на сцене, впорхнула в кабинет и присела с такой грацией, что Миних раскланялся с нею, как с чистой аристократкой. Он предполагал, что его таинственная маска, вероятно, очень хорошенькая, но стоявшая перед ним «маленькая фея», как он уже мысленно называл Груньку явилась для него просто чудом красоты.

— Вы прелестны и пленительны! — снова расшаркиваясь, сказал он, как настоящий дамский кавалер.

Грунька опять присела, затем опустилась в кресло так ловко, что ее шелковая, оттопырившаяся юбка образовала как бы облако, и непринужденным жестом сделала знак Миниху, сказав:

— Садитесь, фельдмаршал, и будем разговаривать!

«Как сейчас видно рождение в человеке! — подумал Миних. — Ведь можно голову дать на отсечение, что это — несомненно аристо-

кратка!»

— Но позвольте мне узнать, кто вы? — улыбаясь, спросил он.

— Разве вы не видите?

— Я вижу, что вы — маленькая фея, но мне желательно было бы знать, как вас называть?

— Так и называйте «маленькая фея»; думайте, что я на самом деле не существую, а являюсь вам в нужную минуту! Вы ведь не раскаялись после первого нашего разговора? И в том, что последовали моим советам?

— Нет, не раскаялся.

— Ну надеюсь, не раскаетесь и теперь. Только я требую от вас честного слова дворянина, что вы не станете ничего узнавать обо мне!

— Но это же жестоко!

— Все равно, я требую!

Слово Минихом было дано, и Грунька, любезно улыбнувшись ему, кивнула в знак благодарности головой.

— Я так и знала, что могу довериться вам! — сказала она. — Здесь можно говорить открыто? Нас никто не услышит?

— Никто.

— Ну так знайте, что вам грозит серьезная беда.

— Мне?

— Да, вам! Со стороны Бирона.

— А вы непременно хотите говорить о политике?

— Непременно, потому что только ради нее я и явилась к вам! — не церемонясь, подчеркнула Грунька.

— Тогда позвольте сказать вам, что вы ошибаетесь. В последнее время герцог очень внимателен ко мне и доверчив.

— Он позволяет вам часто бывать у принцессы... Ну а известно ли вам, что готовится второй Бирон?

— Второй Бирон?

— Да... выписываемый из-за границы!

— Вы мне точно сказку рассказываете!

— А между тем граф Линар выписывается в Петербург снова в качестве польско-саксонского посла...

— Если это так, то это очень важно, и особенно важно то, что сделано это потихонечку от меня! — задумчиво произнес Миних. — Но кому это нужно было делать? Ведь, конечно

же, на это не сама принцесса решилась?

— Конечно, это сделал Бирон!

— Но с какой целью?

— С целью отвлечь принцессу от всякой политики и, главное, от вашего влияния!

— Конечно это так! — оживленно воскликнул фельдмаршал. — Я проверю этот слух!

— Это — не слух, но пока это тайна, которую знают очень немногие, и если я решилась сказать вам о ней, то исключительно потому, что уверена, что вы ее не выдадите ради своей же собственной пользы! Владея тайной, вы будете владеть сильным оружием, а сделав тайну слухом, вы доведете ее до сведения принцессы.

— Я понимаю, что надо молчать, — сказал Миних, — но только мне это нужно проверить.

— Проверяйте как знаете, но будьте осторожны и помните, что малейшая ваша неосторожность — и вы меня больше никогда не увидите!

— Но все-таки я когда-нибудь узнаю о том, кто вы?

— О да, вы непременно узнаете!

И с этими словами Грунька мило прости-
лась с ним.

14

ПРОВЕРКА

Грунька так смело сообщила Миниху о посылке за графом Линаром курьера потому, что знала, что фельдмаршал был слишком старым и опытным политиком, чтобы не суметь воспользоваться этим весьма важным обстоятельством. Она верно рассчитала, что из этого может выйти основной узор того кружева, которое она плела, и что известие о предпринятом Бироном помимо Миниха шаге произведет на фельдмаршала сильное действие. Но она не могла предугадать, что это ее сообщение будет иметь решающее для Миниха значение.

Вернувшись домой, она в своей великолепной робе посмотрелась в зеркало, и ей показалось странным, что вот эта самая фигурка, глядящая на нее так пристально из стекла, в своем шелковом наряде, — не кто иной, как она, и что она — та самая, которая двигает ни-

тями, управляющими ходом событий.

«Это — я, а что такое я? — мысленно сказала оно себе и тут же подумала: — Жаль, что меня вот такой не видит Митька!.. Я бы ему понравилась... Где же он теперь, и что с ним?»

Миних, после разговора с «маленькой фе-ей» решил сейчас же проверить полученные сведения от нее. Он сказал адъютанту, что должен выехать по спешному делу, а потому больше никого принимать не будет, и отправился непосредственно к Остерману. Однако, как он ни наводил разговор на графа Линара с этим хитрым стариком, не смог узнать ничего положительного, потому что старый дипломат очень искусно отводил разговор в сторону.

После этого Миних отправился к Бирону, тот был очень ласков с ним, но, когда фельд-маршал упомянул имя саксонского графа, у Бирона вырвался вопрос:

— Разве вам Андрей Иванович говорил что-нибудь?

— Нет, — начал было Миних.

Но тут Бирон замкнулся, и от него он больше ничего не сумел узнать.

«Да, это — против меня заговор, против меня, — беспокойно думал Миних, уезжая от Бирона. — Они, видимо, скрывают от меня что-то и не хотят меня в это посвящать. Ах, если бы только мне узнать наверняка!»

Миних считал призыв Линара в Петербург заговором против себя, потому что воображал себя приставленным к принцессе Анне Леопольдовне и рассчитывал иметь на нее неограниченное влияние. Сам герцог поручил ему эту роль, он был почти примирен с Бироном таким доверием, и тут вдруг оказывается, что потихоньку от него занимаются тем, что стараются в Петербурге получить человека, который заведомо должен вытеснить его у принцессы и оставить, так сказать, ни при чем. Конечно, это было не просто заговором, но и настоящим предательством.

Само собой разумеется, что надо было скрыть предполагаемый приезд Линара от Анны Леопольдовны, потому что она тогда несомненно вернула бы милость Бирону и Миних оказался бы уж совсем на последнем

месте, а то и вовсе без места. Наконец, нельзя было допускать приезда Линара потому, что это благоприятствовало Австрии и было невыгодно прусскому королю, а Миних стоял на стороне прусского короля. Ясно было, что поэтому и приезд Линара держали в тайне от него.

Вдруг Миних ударил себя по лбу и произнес вслух:

— Я, кажется, в самом деле стареть начинаю, если не могу сообразить, откуда приезжала ко мне «маленькая фея»!

И он, по природе своей страстный математик, стал проверять логическими посылками пришедшие ему в голову решения, так, как это делают при проверке математических задач.

«Откуда может быть известна важная государственная тайна этой “маленькой феи”, если она не принадлежит к важному, высокопоставленному политическому кругу? — рассуждал он. — Да и по одежде ее и по манерам видно, что это так. Значит, чей же это круг? Кому выгодно воспрепятствовать приезду графа Линара? Тем кто, как и я, стоят за то,

что интересы России должны совпадать с интересами прусского короля. Ясно, что это французский посол Шетарди, а он в сношениях с принцессой Елизаветой Петровной; отсюда несомненно, что “маленькая фея” принадлежит к кругу принцессы и что оттуда идет предостережение. Что там ненавидят Бирона, весьма понятно; что там хотят приобрести во мне союзника, тоже понятно, а это и требовалось доказать...»

Рассудив так, Миних решил, что, кроме этих рассуждений, больше никакой проверки ему не требуется, что теперь для него все ясно и определено, а вывод из всего этого был тот, что нужно поторапливаться.

Придумав свою сложную логическую комбинацию, Миних успокоился, поверив в нее именно потому, что она была сложна; простое же объяснение, то есть то, что «маленькая фея» была крепостной Грунькой, которой сообщил о Линаре посланный к нему с письмом Митька, Миниху и в голову не могло прийти, — настолько это было просто и именно потому — невероятно.

СТАРАЯ КАРГА

Селина де Пюжи, увлеченная гениальностью Груньки, решила немедленно исполнить свой план относительно ее выкупа и отправилась к дворянке Убрусовой вместе с Василием Гавриловичем Греминым, который сам вызвался сопровождать француженку в данном случае. Селина думала, что это будет очень легко, что она выскажет свое желание госпоже Убрусовой, та скажет цену, Селина заплатит деньги, и Грунька будет свободна.

Госпожа Убрусова, типичная старая дева, встретила француженку и приехавшего с ней господина чрезвычайно жеманно. Жеманство, по ее понятиям, требовалось в качестве доказательства хорошего тона; и притом нельзя же было не жеманиться перед француженкой и перед русским холостяком, который мог быть великолепной партией.

Сама Убрусова, несмотря на свои годы и неказистость своих черт, которым она тщетно пыталась при помощи румян и белил при-

дать миловидность и свежесть, еще не потеряла надежды выйти замуж, хотя не имела к этому никаких ни физических, ни материальных данных. Неказистая в физическом отношении, она обладала столь скудными материальными средствами, что даже этим никого прельстить не могла.

Жила она тем, что сдавала внаем доставшийся ей от сестры дом на Невской перспективе, во флигеле которого помещалась сама. Ее дворня состояла из старухи Мавры, повара и Груньки, которую она отдавала служить в чужие люди и пользовалась в виде оброка получаемым ею жалованием. Таким образом, Грунька составляла для нее выгодную доходную статью, и, когда Селина заявила ей, что желала бы купить девушку, Убрусова с весьма плохим произношением выговорила целый ряд французских фраз и добавила по-русски:

— Но как же мне продать ее? С чем же я сама тогда останусь?

После этого она обернулась к Василию Гавриловичу, как бы прося подтвердить его всю несомненную справедливость ее слов.

— Но ведь мы вам дадим ту цену, что вы спросите! — проговорила Селина. — Ваша Грунья — такое милое существо, что вы, конечно, не захотите больше ее заставить страдать и отпустите, если мы заплатим.

— Конечно, конечно, — проговорил Василий Гаврилович.

— А-а, — протянула Убрусова, — но все же я-то с чем останусь?

— Да с деньгами останетесь, с деньгами! — нетерпеливо проговорил Василий Гаврилович.

— Конечно, сударь, деньги — великая вещь, но все-таки опасно, как бы не продешевить! Ведь девка-то очень хороша! Многие у меня торгуют ее! У нее есть, как бы это сказать, потерявший от нее голову дворянин. Он даже хочет ее в жены взять себе. Он мне должен за нее хорошую цену дать!

— Ну да, я знаю это! — подхватила Селина, когда ей, по ее требованию правда, не без труда, Убрусова повторила то же по-французски. — Я и хочу соединить любящие сердца — выдать ее замуж за любимого человека! Подумайте, какое это для них будет счастье!

— Мало ли и благородных любящих сердец остается без взаимности! — во весь голос вздохнув, сказала Убурсова. — Это — не резон, чтобы потакать ветрености какой-то девчонки, да еще и крепостной! Да она, подлая, — снова обратилась она к Гремину, — должна не о своем счастье мечтать, а о том, как бы угодить своей госпоже!

Василий Гаврилович чувствовал, что Селина взяла не тот тон, который было нужно, и постарался перевести разговор на деловую почву.

— Да вы, милостивая государыня моя, — проговорил он, — без всяких околичностей ответьте: желаете ли вы продать принадлежащую вам девку Аграфену за сходную цену, или нет?!

— Не желаю! — резко и капризно заявила Убурсова.

— Но позвольте...

— И позволять ничего не желаю! — перебила его старая дева. — Не желаю для ее же, девкиной, пользы! Ну какая же из нее в самом деле дворянка может быть? Тоже... любящее сердце! Какие нежности при нашей бед-

ности! Вместо того чтобы ей амурными пустяками заниматься, я за нее тысячи могу выручить, если пристроить ее как следует! По крайней мере мне, ее госпоже, польза будет! Или пусть ее любезный дворянин платит мне тысячи! Ежели он любит ее, то пусть и платит, а если нечем платить, то и не взыщите! Уж я по-своему распоряжусь! Вот возьму, наряжу ее в сермягу-затрапезку, да и заставлю у меня перед окнами двор мести! Пусть ее дворянин-любезник по перспективе гуляет и смотрит, как его душечка у дворянки Убрусовой двор метет! Небось тогда раскошелится!

— Но ведь это же ужасно! — возмутился Гремин. — Ведь у него нет никаких тысяч!

— А тогда не смущай зря девки! Что же это за манера чужих крепостных смущать, когда своих завести надо, а не на что!

— Но это ужасно, — повторил Василий Гаврилович.

— Что она говорит? — спросила Селина де Пюжи, все время слушавшая молча, так как ничего не понимала.

— Она не согласна! — коротко сказал Гремин.

— Да, я не согласна! — подтвердила на своем скверном французском языке Убрусова. — Очень прошу извинить меня, что я не могу быть вам приятной, но ради ваших прекрасных глаз я не хочу жертвовать своими интересами.

— Так вы не согласны? О-о, — возмутилась француженка, и, когда они вышли от Убрусовой, она не могло не всплеснуть руками и не произнести, подняв глаза к небу: — О, мой бог! Неужели же небо может терпеть на земле такие создания?

— Старая карга! — проворчал Гремин, чувствуя, что Убрусова вполне способна в действительности выполнить ту угрозу, которую она произнесла по отношению к Груньке.

ПЕРЕМЕЛЕТСЯ, МУКА БУДЕТ

Грунька не была посвящена в то, что Селина де Пюжи с Греминым отправились к дворянке Убрусовой, и, когда они вернулись, встретила их шуточкой:

— Кажется, графу Линару придется ревновать Василия Гавриловича к своей возлюбленной.

Во всякое другое время Селина непременно стала бы уверять Груньку, что ее чувства к графу Линару так высоки и выпранны, что шутить этим нельзя, и т. д. Но теперь она кинулась девушке на шею, начала целовать ее, повторяя:

— Моя бедная крошка Грунья, моя бедная Грунья!

Василий Гаврилович сильно сопел и отворачивался, словно хотел скрыть тоже навертывавшиеся у него слезы.

— Да что с вами? Что случилось? — удивлялась Грунька.

— Моя бедная крошка Грунья! — опять за-

хныкала Селина.

— Да что вы, хоронить, что ли, меня собрались? Что вы меня заживо оплакиваете?.. Что случилось... с Митькой что-нибудь? — вдруг сердито спросила она, напугавшись.

— О нет! Речь идет не о твоём красавце-сержанте, а о тебе, хотя, конечно, все, что касается тебя, касается и его.

— Обо мне речь? Да в чем дело?

Селина отступила на два шага и торжественно произнесла:

— Мы были у госпожи Убрусовой.

— Ну и что же? Она на вас такую тоску навела, что вы расплакались? — рассмеялась Грунька, снова повеселевшая, как только убедилась, что дело не касается Митьки.

— И ты еще можешь смеяться, бедная Грунья! — вздохнув, покачала головой Селина.

— А что же мне не смеяться? Что мне делать-то?

— Но ведь это урод, эта госпожа Убрусова!

— Против этого, я думаю, и слепой говорить не станет.

— Нет, она нравственный урод, чудовище!

— Положим, что так, но надо отдать долж-

ное, что и похуже бывают.

— Ты знаешь, моя бедная Грунья, мы хотели предложить этой госпоже за тебя выкуп, какой только она захочет. Я так и сказала, что заложу и продам, словом, обращу в деньги все свои драгоценности и отдам их за тебя, за твою свадьбу, — Селина забыла в эту минуту, что ее драгоценности уже давно были обращены в деньги и что она теперь на них жила. — И, представь себе, эта женщина не захотела взять выкуп!

— А сколько вы давали ей?

— Сколько она хотела бы спросить.

— Стоило тоже сулить этой мымре деньги! Лучше было бы просто отдать их мне, если уж вам их некуда девать.

— Ну Грунья, а твоя свобода?!

— Перемелется, мука будет, — сказала Грунька по-русски.

— Что ты этим хочешь сказать? — переспросила ее Селина.

— Ну как это называется по-французски «перемелется — мука будет», Василий Гаврилович? — обратилась к Гремину Груньку.

— Это, — стал объяснять тот, — такая по-

словица, когда мельник из зерна делает муку.

— Ничего не понимаю, — недоумевающе проговорила Селина, — какой мельник? И при чем тут мука?

— Ну это пословица такая. Словом, все будет хорошо.

— Ну все равно! Я понимаю только одно, что Грунья вовсе не огорчена.

— Да чего мне огорчаться-то, — не без иронии усмехнулась Грунька. — Если бы по нашему положению да еще и огорчаться, так и жить нельзя было бы.

— Нет, вы, русские — положительно удивительный народ, — в восхищении воскликнула Селина. — Я поражаюсь этой энергией... Так ты говоришь, что из работы мельника мука будет!

— Ничего, все перемелем.

— Ох, Аграфена Семеновна, — вздохнул Гремин, — боюсь, как бы эта старая карга не оказалась бы женщиной слишком уж язвительной.

— А что?

— Да ведь ей теперь известно, что тебя дворянин хочет за себя взять.

— Знаю я это, и Митька знает; это ей повар насплетничал. Он, видите ли, старый хрен, за мной приударять стал. Он как взбесится на меня, так и наговаривает на меня, а та и начинает пугать, что выдаст меня за повара своего.

— Она еще хуже гадости собирается делать, — проговорил Василий Гаврилович.

— Ну?

— Хочет издеваться над вами, заставляя вас мести двор, чтобы принудить Жемчугова дорогой выкуп за вас дать.

— Ну по-моему, это все-таки не хуже, чем за повара замуж идти.

— Все-таки гнусно...

— Ну разумеется гнусно, — возмутилась Грунька. — Ах она старая карга, поистине старая карга!.. Ишь, что выдумала!.. Я ей двор буду мести? Ну голубушка, рука коротка!

— Что вы говорите?

— Говорю: руки короткие, не на такую напала.

— Но что же тут можно сделать? — изумился Гремин. — Ведь вы же — ее крепостная!

— Мало ли что!.. Слава богу, среди людей живем — найдем управу и на госпожу Убрису. Подождать только надо, что же, подождем. Но и она подождет, в свою очередь.

— Нет, она гениальна! — проговорила Селина и заключила Груньку в свои объятия.

17

НЕОЖИДАННЫЙ ОБОРОТ

Арестовав сонного Митьку по указанию Станислава и по предъявленному им ордеру самого герцога-регента, псковский полицмейстер, немедленно отправился к воеводе, чтобы сообщить ему о случившемся.

Воеводой был толстый русский человек, большой мастер поест, любивший принимать гостей, человек в высшей степени обходительный, так хорошо разыгрывавший бесконечное добродушие, что успел угодить всем.

Все эти качества были по тогдашнему времени необходимы для воеводы, потому что тогда существовал довольно остроумный способ назначения воевод на должность. Он на-

значался всего лишь на два года, а по истечении этого срока должен был явиться в Петербург для отдания отчета Сенату в своей службе. Коли в течение года на него не поступало жалоб, его назначали на новое двухлетнее воеводство. Потому воеводский чин и требовал большой обходительности и умения ладить, чему несомненно помогали, главным образом, хлебосольство, гостеприимство и преувеличенное добродушие.

Воевода сидел за обедом, когда ему доложили о приходе полицмейстера, и, отхлебав щи, а потом изрядную порцию рассольника, собирався приняться за утя верченое и бараний бок с кашей. У воеводы обедали двое помещиков, и он не хотел расстраивать приятную беседу.

— Скажите полицмейстеру, чтобы он пришел потом! Дайте же мне хоть поесть-то как следует! — приказал он и, не желая больше слушать о полицмейстере, обратился к помещикам, продолжая с ними разговор об охоте, в которой был большим знатоком.

Покушав не торопясь и простившись с помещиками, воевода лег спать, но его покой

был нарушен полученным спешным приказом из Петербурга. Недовольный, что его разбудили, воевода протирает глаза, силясь прочитать указ и вникнуть в его смысл, который нелегко давался ему спросонок.

Ему опять доложили о полицмейстере.

— Ну что у него там еще? Позови его сюда!

Исполнительный немец-полицмейстер вошел, четко и определенно отрапортовал обо всем случившемся и предъявил воеводе подписанный герцогом-регентом ордер об аресте «его врага и супостата».

— Постой, постой, голубчик! — произнес воевода. — Как же так ордер Бирона, если сам Бирон — злодей и супостат и только что с восьмого на девятое арестован в Петербурге по приказанию правительницы, ее императорского высочества принцессы Анны Леопольдовны?

— Но это объявлено не было! — заявил полицмейстер.

— Да когда же, батюшка мой, объявлять-то? Я еще и опомниться не успел, вот прямо сейчас указ получил. Сейчас надо с барабанным боем оповещение сделать, и чтобы

все в собор шли, присягать на верность матушке нашей правительнице! Слава тебе, Господи, с немцем разделались!

Полицмейстер, который сам был немец, почувствовал себя немножко обиженным этим замечанием, но по долгу службы подчинился и официальным тоном спросил:

— А как же быть с арестованным?

— С каким арестованным?

— Взятым по ордеру господина бывшего регента?

— А об этом, я думаю, надо в Петербург написать, с вопросом, как поступить. Впрочем, постой-ка! В ордере как сказано? Батюшки, — воскликнул воевода, перечитав ордер, — да ведь тут прописано «личный враг и супостат Бирона»! Значит, если Бирон оказался сам супостатом, то его врагом должен быть каждый верноподданный! Надо отпустить арестанта, а то как бы нам самим не попасть под ответственность! Да кто такой этот арестованный? Каковы у него документы?

— При нем был открытый лист, выданный из Тайной канцелярии.

— Этого еще недоставало! — закричал вое-

вода. — Да что это вам вздумалось, сударь мой?! Арестовывать людей с открытыми лицами! Освободить сейчас же арестованного!

— Я не виноват! Я действовал по правилам! — сказал полицмейстер.

— Не всегда нужно, батюшка, по правилам действовать, а и по разуму необходимо... Разум-то прежде всего во всяком деле нужен! Да и всякое правило под разум подвести можно! Вчера он был супостатом герцога-регента и подлежал аресту, а сегодня он — супротивник врагу отечества и, значит, шел заодно с теми людьми, которые нечестивца Бирона свергли и теперь уже управляют там, в Петербурге. Ведь мы зависим от них! Сейчас же выпустить арестованного, и чтобы с извинением!

Митька был перевезен из острога опять сонным в санях на почтовый двор, так как разбудить его не было никакой возможности.

Когда он проснулся, вокруг него были люди Линара, так как граф успел догнать его в Пскове, пока он спал.

Воевода, которому было донесено, что проснувшийся арестованный оказался из числа лиц, сопровождавших польско-саксон-

ского посла, окончательно перебеделовался и полетел к графу с извинениями.

Митька, обрадованный вестью о свержении Бирона, отнесся без особенной злобы к совершенному над ним Станиславом Венюжинским насилию.

«Как-нибудь об этом после, а пока, значит, виват принцесса Анна Леопольдовна!» — решил он и с особенным удовольствием чокнулся с графом Линаром, велевшим откупорить бутылку мальвазии, чтобы выпить ее за здоровье правительницы.

— Теперь, граф, летим в Петербург! — предложил Жемчугов.

И они помчались вперед, ныряя из ухаба в ухаб. Митька сиял всем своим существом и был неотвязчиво занят одной мыслью о том, какое участие принимала в происшедшем событии Грунька. Он знал, что если она принимала, то об этом, вероятно, не узнает никогда никто, но он-то, Митька, и близкие к нему люди узнают.

В ПЕТЕРБУРГЕ

Митька Жемчугов, встреченный с распростертыми объятиями Греминым, вымывшись после дороги, сидел нараспашку, в шлафроке и в одном белье, в столовой с закуской и выпивкой, выставленной в честь его приезда. Василий Гаврилович в отличнейшем, веселом расположении духа рассказывал, как все произошло с Биронов.

— Понимаешь ли, как ты уехал, меня взяла такая тоска... то есть не с самого начала, тут мы с Аграфеной Семеновной возились.

— А что такое? — спросил Митька.

— Да поехали мы с француженкой к госпоже Убрусовой, чтобы, значит, выкупить Груню, а та вдруг как вскинулась на дыбы: «Я, — говорит, — эту вашу Груньку двор заставлю мести и за повара замуж выдам!»

— Ах ты мразь! — возбужденно воскликнул Митька. — Попробовала бы только! Уж я-то показал бы тебе!

— Да ты не волнуйся... Все обошлось, все

отлично теперь... Грунька теперь при дворце, при принцессе Анне Леопольдовне! Ловко она всю историю разыграла!

— Как же она попала во дворец?

— Через Миниха. Она отправилась к нему под видом дамы благородного происхождения; нарядилась в шелковую робу — у Селины взяла — и такой госпожой прикинулась...

— Что же, она амуры с Минихом завязала?

— Какие там амуры! Ты слушай! Миних стал допытывать ее, кто она, и вдруг сам от себя догадался, что Аграфена Семеновна не кто иная, как наперсница принцессы Елизаветы Петровны... Ну та не опровергла, но держала между тем себя совсем как придворная, так что Миних не мог не утвердиться в своем мнении. Ну вот, когда дворянка Убрусова стала у нас на дыбы, Аграфена Семеновна поехала к Миниху. «Так и так, — говорит, — господин фельдмаршал! Я вам не одну услугу уже оказала, если хотите, чтобы я и дальше была вам полезна, то приблизьте меня к принцессе Анне Леопольдовне!» Миниху это понравилось. «Как же это сделать? — говорит он. — Что вы советуете?» — «Ну — говорит Грунь-

ка, — поставьте меня к принцессе в камер-юнгферы!»

— Ну а он?

— Ну а он говорит: «С удовольствием! И тем более, — говорит, — рад это сделать, потому что смогу тогда узнать, кто же вы на самом деле».

— Значит, он теперь знает, кто она?

— В том-то и дело, что ничуть не бывало! Аграфена Семеновна с ним повела такие речи: «Звание, — говорит, — свое я открыть вам не могу, потому что на то есть особые причины, а вы поставьте меня в камер-юнгферы к принцессе под видом, будто я... ну, хоть крепостная девка там, какая-нибудь Аграфена, что ли, какой-нибудь дворянки Урусовой!» — Помилуйте! — стал возражать Миних. — Вы — и вдруг крепостная девка!» Однако разговор их окончился тем, что Миних поставил Аграфену Семеновну во дворец под видом «Груньки, дворовой девки госпожи Убрусовой». Та все бумаги представила... Понимаешь, как тонко все было обделано?

— Понимаю и вижу еще раз: молодец моя Грунька!

— Да уж просто такой молодец, самого Остермана проведет! Министр да и только! И живет она ныне во дворце и ничего не боится, потому что ну-ка, тронь ее оттуда, госпожа Убрусова! Аграфена Семеновна так и сказала про эту старую каргу, что у нее, дескать, руки короткие! Оно и вышло в действительности — короткие, брат!

— Значит, Грунька во всю действует?

— Очевидно, действует. Она водит к принцессе Селину де Пюжи, гадалку якобы, и та предсказывает и всякое такое прочее.

— Ну а что же, Грунька в аресте Бирона значила что-нибудь?

— Да ведь это как узнаешь? Известно только, что арестовал его Миних с преображенцами, а как там все было и какая тут подкладка, я не знаю, потому что рассказывать Аграфене Семеновне было некогда, да и мы не видались. Я, признаюсь, захандрил отчаянно и опять засел дома. Впрочем, должно быть, действовала, потому что взяла у меня обрезок бумаги на всякий случай! Значит, предполагала действовать!

— Какой обрезок?

— Да тот, который от Станислава остался, от Венюжинского.

— Ах, этот Станислав! — рассмеялся Митька. — Ведь он попался нам по дороге из Дрездена и ехал с нами.

— Ну? Значит, он опять в Петербург вернулся? Впрочем, теперь бироновский Иоганн ему ничего не сделает, потому что конец и Иоганну, и самому Бирону!

— Кто его знает? Может, он и вернулся! Но только он, мерзавец, в Пскове меня в острог засадил!

— Да не может быть!

— Представь себе! Хорошо, что тут подошел указ об аресте Бирона! Только это меня и спасло, а то бы погребли меня навек в псковском остроге!

— Так что, значит, если Аграфена Семеновна как-нибудь участвовала в свержении Бирона, то этим она спасла и тебя? Как это странно!

— Да не одного меня! Многих, вероятно!

— Но тебя, так сказать, непосредственно! Удивительно странно! Что же ты сделал с паном Станиславом?

— Да мне не до него было! Он, разумеется, исчез, как только его гадость не удалась! Но мне судьба на него! Он мне наверное попадет-ся! И знаешь, этот Станислав Венюжинский мне как будто счастье приносит: в первый раз при его появлении меня за границу послали с важными поручениями; во второй раз он явился — стало известно об аресте Бирона; право, он счастье приносит. Но скажи, пожалуйста, как же это с Бироном, с Бироном-то произошло?

19

ГРЕМИН ПРОДОЛЖАЕТ РАССКАЗ

— С Бироном это случилось таким образом! — стал рассказывать дальше Василий Гаврилович шепотом, по которому было ясно, что этот рассказ ему самому доставлял большое удовольствие. — Понимаешь ли, сижу я и ничего не знаю... то есть наоборот, мне казалось тогда, что я знаю, что все отвратительно и что положение безвыходное, потому что Бирон укрепился вовсю, делает что хочет и никто не посмеет против него пойти! Ну и

все погибло, значит, и вся Россия насмарку... и все прочее. Словом, я был в таком состоянии, как, помнишь, тогда, когда ты ко мне пришел. Опять я бродил из угла в угол по комнатам; тебя нет, я ничего не знаю, хоть в прорубь бросайся! Сам не знаю, когда ем, когда сплю, все спуталось, все перемешалось! Только раз ночью, перед рассветом, слышу, бьет барабан. «Что, — думаю, — это может быть, и почему бьет барабан?» Прислушиваюсь еще: бьет совсем явственно! Я вскочил... пошел к Григорию. Тот тоже не спит! Сидит слушает. Оделись мы, выскочили на улицу. За воротами, как водится, ночной сторож крепким сном спал, и ничего не слышал, и ничего не знает. С тем смотрим дальше, по улице народ бежит; галдят, толком ничего добиться нельзя: кто говорит, Гостиный двор горит, кто — шведы идут войной, а кто говорит — наводнение. Только бежит шустрый такой паренек и орет во все горло: «Виват правительнице Анне Леопольдовне! Злодей Бирон арестован! Виват!» Мы все было оторопели сначала. Как? Бирон арестован? Ну думаем, если парень бежит по улице и в открытую орет, значит, и в

самом деле что-нибудь да случилось. Я, как был, кинулся на Дворцовую площадь, а Григорию велел домой идти, приглядеть на случай, если на радостях начнут грабить. Добрался я до площади, а там уже толпа народа и войска. У дворца кареты, возки и сани, а все экипажи к крыльцу подъезжают. В Зимнем дворце поздравление правительнице шло. Придворные, государственные чиновники и сенаторы тут же ей присягу подписывают. Тут батальоны войск сходились, и каждый под своим знаменем на площади присягал. Суета была несказанная! Когда закончили войска присягу и построились, ка-ак грянут пушки с крепости, салют, что ли, или так, извещение, но только такая пальба поднялась, что в ушах словно пестиком колотило. В упор за этим завопил народ и кинулся ко дворцу. А там, на балконе, в бархатной шубке, накинутой на плечи, появилась принцесса... Ну тут «виват» завопили!

— А ты кричал?

— Ну еще бы! Орал, как бешеный! Понимаешь, я не столько приветствовал, сколько радость свою криком выражал, что Бирона-то

больше нет... это ведь действительно было освобождением России. Потом опять еще раз принцесса показалась народу в окне и держала тогда своего сына на руках! Ну опять орали. Гул шел по толпе несмолкаемый! Радовались все — знакомые, незнакомые, баре и простонародье. Заговаривали, поздравляли друг друга, радовались, как в Светлое Воскресенье Христово! Рассказывали, что во дворце у Бирона преображенцы стоят в карауле; Миних явился прямо от Анны Леопольдовны и не только не встретил сопротивления в карауле, а напротив — помощь. Караульные преображенцы примкнули к приведенным Минихом солдатам. Бирона с женой нашли в спальне. Арестовал герцога адъютант Миниха Манштейн, он нашел супругов спящими, отдернул занавес у кровати и сказал, что имеет дело к регенту; герцогская чета сразу же поняла, в чем дело, и заорала благим матом, а Бирон полез под кровать!

— Да неужели под кровать?

— Так рассказывают! Тут подоспели к Манштейну солдаты и расправились с герцогом по-своему!

— Шибко вздули?

— Пронзительно, говорят! Он сам царапался и кусался; они ему сначала наклали кулаками, а потом прикладами, повалили на пол, засунули в рот платок, связали руки офицерским шарфом, набросили на него солдатскую епанчу и в такой виде, в одной рубашке и солдатской епанче, положили в карету фельд-маршала и привезли в Зимний дворец.

— А что же жена Бирона?

— Да о ней забыли сначала. Она выбежала за мужем в одной рубашке на улицу. Солдаты толкнули тут ее в снег, здесь ее нашел офицер и спас, отправив ее назад во дворец! Вместе с Бироном арестовали его брата Густава и Бестужева-Рюмина.

— Ну, и что ж, Бирона долго держали в Зимнем дворце?

— Сначала была кончена церемония с присягой, потом при барабанном бое был прочитан на площади манифест о принятии великой княгиней Анной Леопольдовной правления государством, в малолетие ее сына. Говорят, Бирон держал себя отвратительно под арестом: он то ругался, выходил из себя и

орал всякие глупости, то ревел, как баба, а в отчаянии униженно просил его пощадить. Когда ему объявили решение его судьбы...

— А кто объявлял?

— Андрей Иванович Ушаков.

— Ага! — сказал Митька. — Что же дальше?

— Ушаков объявил Бирону от имени правительницы повеление о немедленном выезде его из Петербурга. Герцог был уже одет, и его вывели на крыльцо, окруженное солдатами... Я, брат, это видел сам! Он показался на подъезде, шапка у него была низко надвинута на лоб, а на плечах всегдашний его синий бархатный плащ на горностае, в котором все привыкли видеть его на улице. И, знаешь, в этом роскошном плаще, как-то беспомощно повисшем на человеке, которого солдаты вели в тюрьму, было что-то поистине трагическое. Как только народ увидел Бирона, так, словно зверь, остервенясь, кинулся. Я ничего подобного и представить себе не мог. Ведь обыкновенно русский человек в толпе скорее всего смешком отделяется и по большей части благодушно настроен, а тут искажен-

ные лица, неистово сжатые кулаки, ругательства, угрозы. Войскам насилу удалось сдержать толпу. Я был впереди! Просто и не знаю, как уцелел!

— Ну верно, и сам поддавал жару?

— Не помню, ничего не помню, помню только бледное лицо Бирона с трясущейся челюстью, с надвинутой на глаза шапкой. А рядом со мной посадский орет во все горло: «Чего харю-то ему закрыли! Сдвинь ему шапку, покажи! В ключья тебя!» Бирон зашатался, словно терял сознание, его пинком втолкнули в дорожную карету, запряженную придворными лошадьми; на козлах вместо кучера сидел полицейский солдат, а рядом с ним — придворный лакей в придворной ливрее.

— Наши ребята, верно, были! Молодцы!

— Карету обступили гвардейские солдаты с примкнутыми ружьями, а в карету сели еще двое гвардейских офицеров с заряженными пистолетами в руках и адъютант Миниха, отправлявший герцога; за герцогом был также вывезен в карете его брат; а потом, в простых санях, — Бестужев-Рюмин.

— Куда же увезли герцога?

— Никто не знает, куда именно... Кажется в Петропавловскую, а может, еще куда-нибудь.

— В Шлиссельбург, верно?

— Может быть, не знаю!

— Да, дела!.. — произнес Митька. — Но, слушай, как же мне теперь повидать Груньку?

— Я уже послал сказать Селине де Пюжи, что ты приехал. Она даст знать во дворец, и Аграфена Семеновна с нею сюда придут!

20

ЕЩЕ ПОДРОБНОСТИ

Узнав, что Грунька с Селиной де Пюжи собираются приехать, Жемчугов поспешил одеться. Едва он привел в порядок свой костюм, как явился Шешковский, до того никогда не заглядывавший к нему. Митька принял его один, без Гремина, который отправился к Гидлю за кофе, чтобы угостить ожидаемых ими дам.

— Ты уже знаешь, что я вернулся? — с

улыбкой встретил Митька Шешковского.

— Ну еще бы! — ответил тот. — Конечно, знаю. Ну, тебе известны все подробности?

— Пока еще в самых общих чертах, то, что знают все; я успел только выслушать рассказ Гремина, бывшего на площади во время действия.

— Значит, о задвижках не знаешь?

— Нет! О каких задвижках?

— Пустяк ведь, а все могло сорваться. Дело в том, что Манштейн, адъютант фельдмаршала, вошел во дворец Бирона один и, не зная расположения комнат, пошел наугад... тоже дела делают!.. Даже плана местности раньше не осветили. Ну идет он наугад и наталкивается на запертую дверь спальни Бирона.

— Да неужели?

— Право! Ведь, если бы пришлось ломать дверь, произошел бы шум, тревога! Бирон мог скрыться, вызвать полк брата, поднять немцев и так далее; словом, все могло рухнуть.

— Ну и как же он вошел?

— А, видишь ли, дверь-то же была створчатая, а ее верхние и нижние задвижки, видно, «забыли» задвинуть, и дверь отворилась, как

только Манштейн толкнул ее.

— Что же, за задвижки ты, что ли, принимаешь поздравление?

Шешковский скромно опустил глаза.

— В истории об этом упомянуто не будет, — усмехнулся он.

— Маленькие причины незаметны, а они-то иногда самую суть и составляют. Были тут и еще маленькие толчки...

— Это ты про свою Груньку? Она действует...

— Ты и за ней следил?

— Следил! Нельзя же!.. Она, несомненно, действовала, но трудно было уловить, как именно.

— Тоже, видно, что-нибудь вроде задвижек? Ну вот придет она, так расскажет. Миних очень тверд?

— Об этом пусть тебя твоя Грунька осведомит — она там, во дворце, ближе всех нюхает.

— Ну а Остерман?

— С Остерманом все произошло как по расписанию. Когда ночью все стали собираться во дворец для принятия присяги и поздравления...

— Ты сейчас же узнал?

— Мы все те ночи не спали, ждали. Уж очень атмосфера была накалена, должно было все разрешиться. Так вот, Остерман, конечно, во дворец на общее собрание не явился — болел, дескать.

— Ну разумеется, как всегда.

— А генерал-аншеф...

— Начальник?

— Ну да, начальник, встретил Стрешнева, шурина Остермана, и говорит ему: «Поезжайте сейчас к Андрею Ивановичу и скажите, что Бирон накрепко арестован, что ему не на что надеяться больше и что Андрей Иванович может приехать». Стрешнев слетал и привез Остермана. Все думали, что и он впадет в немилость, и, когда его внесли к правительнице в кресле на отдельную аудиенцию, все от него отворачивались — считали, что не арестовали его только по его болезненному состоянию и что это — последний его приезд во дворец, что на аудиенции ему дадут отставку. Ну а Остерман, когда его вынесли от правительницы, улыбается, кланяется и приглашает к себе всех на бал по случаю радост-

ного события — принятия правления благоверной великой княгиней, говорит, что-де она и сама обещала к нему пожаловать. Понимаешь, Остерман, с его скупостью, и вдруг бал!

— Чем же он взял? На чем же выехал он, собственно?

— На Линаре, конечно. Он, очевидно, заохал, сказал, что стар, что хочет идти на покой и сдать дела, ну, и стал правительнице сдавать их. Дошло дело до сношений с саксонским двором! Ну Остерман и доложил, что, мол, высшие политические интересы требуют выписки посла, замечательного дипломата, графа Линара. Принцесса, разумеется, тотчас же убедилась, что Остерман гениален, и просила его остаться и продолжать дела.

— Так и ждатель следовало. Значит, он сейчас будет действовать... в интересах правительницы.

— Это наша общая обязанность, — сказал Шешковский.

— А я думаю, что интересы фельдмаршала Миниха вполне совпадают с интересами правительницы, — заявил Митька.

— Значит, будем действовать в интересах фельдмаршала Миниха!

На этом они расстались.

21

КОФЕ

К приему Груньки и Селины де Пюжи Василий Гаврилович Гремин готовился, тешась этим как ребенок, и превзошел сам себя. Он придумал их угостить в этот день кофе, но в соответствующей этому напитку обстановке. Для этого он выворотил весь запас отцовских халатов, ковров и шалей, завесил и устлал ими комнату и сделал из нее подобие того логовища, в котором они дурачили Станислава. Но обстановка вышла роскошная. Кофе он решил подать в китайских чашках, а так как ни он сам, ни кто-либо из его домашних не умели заваривать этот напиток, то он отправился к Гидлю, чтобы привезти оттуда человека, умевшего делать это.

Надо отдать справедливость, хлопоты Гремина увенчались полным успехом. Комната вышла очень красивой, а кофе — вкусным.

Что же касается беседы, то она была так весела и оживленна, и звонкие голоса Груньки и Селины так звенели, что было завидно самим олимпийским богам.

Селина разговорилась, опрокинула чашку и, залив кофе дорогую шаль, покрывавшую столик, рассмеялась и стала уверять, что действительно боги Олимпа позавидовали им и заставили ее замарать эту скатерть.

Расспросам и рассказам не было конца.

Селина и Грунька требовали от Митьки мельчайших подробностей его путешествия; в особенности Селина настаивала на том, что говорил Линар, что он делал и т. д.

— Я же рассказываю вам, что он спас мне жизнь! — повторил ей Митька.

— Но из того, что ты тут рассказываешь, — поправила его Грунька, — выходит, что ты его спас от смерти!

— Вот видишь ли, — пояснил Митька, — у людей между разными другими чертами существует такое свойство, что они гораздо больше любят тех, кому сделали одолжение, чем тех, кто им сделал что-нибудь и кому они обязаны. Я же хочу сохранить расположение

графы Линара ко мне и потому продолжаю настаивать, что это он спас мне мою жизнь!

— Знаешь что? Я тогда всем буду говорить, что всем обязана фельдмаршалу Миниху! — сказала Грунька.

— И ты прекрасно сделаешь! Но расскажи мне, пожалуйста, я этого уже давно жду с нетерпением, что ты тут наделала без меня? Ведь во всем, что случилось, есть и твоего меду капля?

— Есть! — кивнула головой Грунька.

— Ну так я и думал! В чем же дело?

— Да видишь ли, — стала рассказывать Грунька, — Миних был у меня взвинчен до последней степени! Его адъютанты совсем прозрачно намекали фрейлине Менгден на то, что все готово, что Преображенский полк готов постоять за принцессу и ее сына-императора. Надо было только, чтобы Миних решился. Чего он медлил, я сама не понимаю! Накаленным он оказался добела! Я уже раньше открыла ему, что граф Линар вызывается в Петербург; это, конечно, сделано помимо него, и он был страшно обижен этим. Время тянулось, а между тем двенадцатого ноября

предстояло празднование дня рождения герцога-регента. Говорили, что он готовит какие-то милости, что будто бы будут подарки, награды и придворным и войскам!

— И ты все это сообразила?

— А чего ж тут было не сообразить?

— О-о, она очень сильна! — деловито заметила Селина по-французски, смакуя кофе и глянув на всех из-за чашки, которую держала у рта.

— Но что же дальше? — спросил Митька.

— Дальше? Я увидела, что надо действовать, и пустилась на такую штуку. Дело в том, что Миних обыкновенно бывал во дворце у принцессы днем, а потом прямо от нее он ехал обедать к герцогу! Ну вот, восьмого ноября я, улучив минуту, уговорилась с госпожой Менгден, чтобы меня как-нибудь оставили наедине с фельдмаршалом, и сообщила ему под строжайшим секретом, что глава соглядатаев герцога, его камердинер Иоганн, подозревает его, фельдмаршала, в замыслах и что сегодня за обедом Бирон будет в разговоре пытывать, правда ли это! Вижу, подействовало: старик весь вспыхнул и губу закусил...

— Ну а как же ты решилась сказать это ему? Почему же ты могла знать, какой разговор поведет герцог у себя за обедом?

— А на то есть сметка! — сказала ему Грунька. — Я взяла обрезок, который был оставлен Венюжинским, и написала на нем левой рукой: «Я перешел на службу к фельдмаршалу Миниху и скрываюсь у него, но желаю вновь заслужить ваше доверие и сообщая, что герцогу грозит опасность. Пусть только он за обедом спросит у фельдмаршала, не предпринимал ли тот каких-нибудь действий ночью? А в доказательство того, что я действительно служу у него, Миниха, вы за подкладкой его шляпы найдете точь-в-точь такой же обрезок бумаги». Я вырезала по имевшемуся у меня купону точно такой же обрезок, а положить его, конечно, за подкладку Миниховой шляпы было делом пустяшным. Письмо во дворец для передачи Иоганну я снесла сама, переодевшись простой девкой.

— То есть это в самом деле гениально, как говорит госпожа де Пюжи! — снова одобрил ее действия Митька.

— Она очень сильна! — повторила Селина

с еще большей уверенностью.

— Но только постой, как же это ты написала Иоганну якобы от имени Станислава Венюжинского на обрезке бумаги, когда раньше Иоганн должен был получить другое письмо от пана Станислава?

— Да ведь этого письма Василий Гаврилович не послал!

— Ну? Вот кстати вышло! Молодец, Василий Гаврилович!

Гремин, улыбаясь, раскланялся во все стороны, очень довольный, что и его денежка не щербата, что все-таки и он что-нибудь сделал, хотя и не сделал то, что должен был!

— Ну и все это удалось и вышло как по писаному! — продолжала Грунька. — Герцог — Миних сам теперь это рассказывает — спросил его за обедом, имел ли он во время своих походов предпринимать что-нибудь ночью. В ту же ночь Миних явился к нам, вызвал меня, я вызвала Юлиану Менгден, а та — принцессу, а принцесса, в результате, отдала приказание арестовать Бирона.

— А это, верно, не обошлось без гадалки? — спросил Митька, взглянув на Селину.

— Н-да-а! Только тогда госпожу Дюкар нельзя было еще привезти во дворец из боязни перед бироновскими соглядатаями, так что мне пришлось сказать, что я ходила спрашивать мадам Дюкар и она через меня велела передать, что если принцесса решится, то все пройдет благополучно. Ну а зато теперь госпожа Дюкар чуть ли не почетная гостя во дворце! Ее там так теперь принимают, словно особу королевской крови! Ну уж и гадают же она! Конечно, все про Линара: и наружность его описала, и предрекла его приезд. Мы с ней рассчитали, когда он приблизительно может выехать из Дрездена, ну а сегодня, когда узнали, что он уже приехал, впечатление было поразительное!

— Но, позвольте, что же мы дальше делать будем? — стал соображать Митька. — Ведь теперь госпоже Дюкар неловко будет встретиться во дворце с графом Линаром, и вообще, как себя будет держать в отношении графа Селина?

— А это — вопрос, для решения которого мы ждали тебя! — проговорила Грунька. — Все это надо наладить.

— Ну а пока дайте мне еще кофе! — сказала Селина, протягивая свою чашку.

22

ЛЮБИТ — НЕ ЛЮБИТ?

Василий Гаврилович налил Селине еще кофе, она принялась его пить, а Митька, подумав немного, сказал, обращаясь к ней:

— Отношения к графу Линару у вас должны образоваться самые простые и естественные в вашем положении! В Дрездене я ему говорил о вас, и он очень обрадовался известию, что вы в Петербурге!

— Вы говорите правду? — спросила его Селина.

— Зачем же мне лгать?

— Но его отношения к принцессе?

— Могу положительно засвидетельствовать вам, что он ее не любит!

— О-о! Вот это сильно сказано, например! — воскликнула Селина по-французски.

— Уверяю вас, что я не ошибаюсь! Я видел, как граф собирался в Петербург.

— По-видимому, он собрался в несколько

дней, если вы так скоро обернулись назад?

— Да, но это он был вынужден сделать по настоянию саксонского министра-президента Брюля чисто из политических видов. Сам же граф Линар делал все от него зависящее, чтобы оттянуть отъезд. Притом он был так мрачен, когда собирался, что для каждого, даже для простака, было ясно, что влюбленные так не собираются.

— Ах, господин красавец-сержант, вы мне возвращаете жизнь! — воскликнула Селина. — Так что, вы положительно уверены, что граф никакой сердечной склонности к принцессе не питает?

— Уверен, что никакой!

— Ну а ко мне?

— Ну, уж этого я не знаю, — рассмеялся Митька, — да и знать не могу.

— Нет, все-таки, когда вы говорили с ним обо мне, как он, что сказал?

— Подробностей я не помню, но общее впечатление было такое, что он будет рад встретиться с вами в Петербурге.

— Но, позвольте, ведь он же, вероятно, позревает, зачем его выписывают в Петер-

бург?

— Я думаю, что да!

— То есть, что его политика должна быть основана на его личных отношениях к принцессе?

— Да, разумеется.

— Но в таком случае мое пребывание здесь, в Петербурге, и то, что я буду видеться с графом, может повлиять на его отношения к принцессе, — сказала Селина.

— Но если он не любит ее? — вставил Митька.

— Он может уверить ее, что это — отличная ширма и что он держит маленькую, бедную француженку для того лишь, чтобы отвести глаза и дать противовес всяким сплетням, касающимся его и принцессы! — заявила Грунька.

— А ведь это гениально! — воскликнула Селина, хлопая в ладоши. — Это так же гениально, как все, что придумывает Грунья!

— Ну что же я придумала? — сказала Грунька. — Теперь остается решить, как же быть с мадам Дюкар, если ее снова потребуют во дворец?

— По-моему, тут должен быть такой план, — ответил Митька: — Госпожа де Пюжи должна сегодня же свидеться с графом Линаром и начистоту признаться ему во всем. Может быть, ее переодевания в мадам Дюкар пригодятся и самому графу; во всяком случае, Линар — не такой человек, чтобы, будучи откровенно посвящен в эту маленькую мистификацию, выводить ее наружу своей болтливостью.

— У красавца-сержанта великолепные мысли! — опять захлопала в ладоши Селина, — я хотела бы жить в такой стране, которой он управлял бы в качестве короля! Но как сделать мне, чтобы сегодня же увидеться с графом?

— Ну это нетрудно! — сказал Митька. — Я пойду к нему; вероятно, его сегодня, в первый день приезда, не позовут во дворец!

— Ну конечно, — подхватила Грунька, — мы там, во дворце, готовимся, коробки перебираем, ботинки примеряем, — словом, прихорашиваемся!

— Значит, я могу пойти к Линару и устроить ваше свидание с ним! — сказал Жемчу-

гов, обращаясь к Селине.

— Если бы ваша бедная мать была жива, — со слезами на глазах чувствительно произнесла Селина, — я пошла бы благодарить ее, что у нее такой сын!

— Ну хорошо, — перебила ее Грунька, — теперь, Митька, говори, как мне быть с Минихом?

— Дай ему по шее!

— Как же, дашь ему! Он ведь этого не любит. Ты дело говори!

— Да ведь дело ты сама понимаешь: ну, конечно, ему надо раскрыть глаза, что он мало награжден в сравнении с теми, которые ничего не сделали для принцессы, и что принцесса его не ценит.

— Ну это само собой разумеется! А дальше?

— Дальше?.. Надо самой принцессе тоже показать, что Миних ею недоволен и что, мол, все-де ему мало!

— Это тоже понятно!

— Ты думаешь, что можно будет так быстро поссорить Миниха с принцессой? — спросил Василий Гаврилович.

— Отчего же нет?

— Ну как же все-таки?.. Ведь она ему всем обязана, и главное, только что... Ведь ей даже будет перед окружающими неловко поссориться с ним!

— Для этого, брат, есть словечки! Недаром все маги и волшебники верят в могущество слова... Слово, пущенное вовремя, все равно что заклинание; оно производит удивительное действие: и на ум, и на волю других людей влияет, и на события.

— Какое же тут словцо пустить? — осведомилась тут же Грунька.

— Пусти ты там, во дворце, потихоньку, что принцесса, мол-де, могла воспользоваться плодами измены Миниха, но отнюдь не может уважать изменника... Понимаешь, оно и красиво будет, и попадет в точку! Коли вовремя это до Анны Леопольдовны дойдет, так она не утерпит и только для того, чтобы повторить эту красивую фразу, разделается с Минихом. Да, вот что, чуть было не забыл! — сказал Митька, снова обращаясь к Селине. — Когда будете у графа Линара, то тотчас же постарайтесь узнать, что значат у него четыре итальянских альбома и отчего он не расстается с

ними и в особенности часто перелистывает один, в котором собраны виды Флоренции.

— Но если вы хотите, чтобы я сегодня же повидалась с графом, то торопитесь, а то уже становится поздно.

— Не беспокойтесь! Я вам говорю, что вы увидите в Линаром, — твердо заявил Митька. — Подождите меня здесь, я сейчас съезжу к нему и вернусь за вами.

23

СВИДАНИЕ

Вот и вышло все совершенно так, как сказал Жемчугов. Он съездил к Линару, вернулся и сказал Селине:

— Ну едемте!

Француженка не заставила повторять приглашения.

Быстро оглядев ее, Митька тут только заметил, что она была одета как-то совершенно пригодно к тому, чтобы встретиться с Линаром. Очевидно, инстинкт подсказывал ей, что нужно на всякий случай приготовиться, и она приготовилась, можно сказать, с тонким

знанием дела и — главное — положения, в котором она находилась. Ее наряд был в высшей степени прост, но вместе с тем он отчетливо подчеркивал ее красоту.

Селина прищурилась, заметив, что Митька оглядел ее, и, сейчас же почувствовав, что он по-мужски остался доволен ею, окончательно успокоилась относительно своего наряда.

Линар остановился в приготовленном для него доме, о чем позаботился маркиз Ботта, австро-венгерский посол. Жемчугов подвез Селину в своей карете к дому Линара, впустил ее в подъезд и сам вышел на улицу. Он заметил, что какой-то человек, по виду ремесленник, старался тщательно расспросить у кучера, чья это карета и кто приехал к Линару. Кучер, видимо боявшийся болтать лишнее, отнекивался и говорил, чтобы от него отстали, Митька тихонько подошел и сказал:

— К графу Линару приехала госпожа Селинаде Пюжи, французская подданная!

Человек как будто немного сконфузился, но встряхнулся и бодро зашагал.

Жемчугов после этого прямо направился во французское посольство, где жил маркиз

де Шетарди, и, вырвав страничку из своей записной книжки, написал в ней карандашом:

*«Маркиз предупреждается, что первое лицо, принятое графом Линаром сегодня, в день приезда, была Селина де Пюжи, французская подданная, проживающая уже некоторое время в Петербурге.
Друг».*

— Передайте это немедленно маркизу! — приказал он курьеру, после чего завернулся в свой плащ и поспешил домой, в надежде еще застать там Груньку, которая обещала подождать его, если он недолго задержится.

Селина между тем была принята Линаром так, как будто они расстались только вчера; она не стала упрекать его, или даже хотя бы выговаривать ему за то, что он, обманув, оставил ее в Дрездене. Он, в свою очередь, не упомянул об этом, а только спросил ее, хорошо ли она устроилась здесь, в Петербурге.

— Пока недурно! — ответила та.

— Что это значит, «пока»? — усмехнулся граф.

— Ну пока Карльхен не устроит меня луч-

ше... я надеюсь, что он сделает это для меня!

— Разве тебе чего-нибудь недостает теперь?

— Ну конечно недостает, то есть, вернее, недоставало! Недоставало тебя, мой Карльхен! Поди-ка сюда! Посмотри мне в глаза... вот так! Скажи: ты любишь принцессу Анну? — Селина взяла Линара за руки и посмотрела ему прямо в глаза, в самые зрачки, а затем произнесла: — Нет, ты не любишь ее! И я могу быть спокойной! Она не отнимет у меня тебя!

— Послушай-ка, Селина! — серьезно сказал граф. — Мне хочется, чтобы мне с тобой было весело, а если ты начнешь ревновать меня, то это будет так скучно!

— Послушай, Карльхен, пожалуйста, не бери со мной этого серьезного тона! Я его терпеть не могу... Он скучен, этот твой тон, а я тоже хочу, чтобы мне было весело с тобой! Ты знаешь, что я никогда не ревную тебя: иди куда хочешь от меня, но когда ты мой, то ты — мой!

— Ну и отлично! — сказал Линар. — Мне с тобой будет тут легче, в этом Петербурге, сре-

ди русских медведей!

— Но ты знаешь, Карльхен, я познакомилась с некоторыми из них, и, право, эти медведи премилые. Например, этот красавец-сержант, с которым ты ехал.

— Разве он — сержант?

— Ах, не все ли равно? Но это вовсе не то... это — целая история, и я когда-нибудь расскажу ее тебе. А впрочем, зачем «когда-нибудь»? Хочешь сейчас?

— А твоя история не длинна?

— Не очень, но все-таки... Ну хорошо, я не буду рассказывать! — Селина подошла к столу, развернула альбом с флорентийскими видами и, взглянув на него, воскликнула: — Какой прекрасный альбом! Откуда он у тебя?

Линар поспешно подошел к француженке, ласково, но очень решительно взял у нее альбом из рук и проговорил почти строго:

— Я прошу тебя об одном: никогда не трогать этого альбома!

«Да, — мысленно решила она, — красавец-сержант был прав: нужно во что бы то ни стало узнать, что это за альбом».

ПОСОЛ ПРЕКРАСНОЙ ФРАНЦИИ

На другой день утром к Селине де Пюжи явился напомаженный и раздушенный молодой француз, состоявший при французском поселе. Он шаркал, вертелся, острил, говорил любезности, так распластывался, словно он без ума был влюблен в Селину. Она же манилась перед ним и в конце концов согласилась на его просьбу приехать к маркизу де Шетарди сегодня же.

Все остальные люди и даже высокопоставленные лица чужих стран, которых она знала, как бы они ни были важны, казались Селине все-таки сортом ниже, как бы второго разбора по сравнению с государственными людьми и вельможами Франции, ее родины. Она не была знакома ни с одним из французских вельмож, и быть приглашенной сразу же к самому послу прекрасной Франции и разговаривать с ним для мечтательной, какой была, как всякая француженка, Селина, было большой гордостью.

Во французском посольстве, разумеется, все было великолепно, как нигде: и лакеи, и покои, и ковры; одним словом, это было посольство прекрасной Франции.

Шетарди принял Селину сразу же в своем большом кабинете, и этот кабинет показался ей царственно-величественным. О-о, он был чистым французом и добрым католиком, этот маркиз де ла Шетарди. Он встретил Селину с отеческой нежностью, усадил против себя, вынул табакерку с королевским вензелем Людовика XV, повертел ее, подняв брови, и, уставившись куда-то вбок, сказал Селине с такой важностью, точно через нее проходила земная ось и именно от нее зависело вращение ее:

— Мое милое, доброе дитя!

Селина вспыхнула и потупилась. Шетарди помолчал немного, опять повертел табакерку и начал снова:

— Мое доброе, дорогое дитя! Вы одна здесь, в Петербурге, и, может быть, одна на свете!

Селина была тронута сразу и не могла не расчувствоваться.

— О, благодарю вас! — горячо произнесла

она.

— Ваш отец — вероятно, храбрый воин — погиб в сражении за родину.

Селина никогда не знала на самом деле своего отца — она была неизвестно чья внебрачная дочь. Но именно потому, что она никогда не знала своего отца, отчего ей было не предположить, что он действительно умер, сражаясь за родину!

— Да, — вздохнула она, — он умер!

— А ваша бедная-бедная мать умерла?

Когда дело дошло до ее «бедной матери», Селина расплакалась, потому что чуткая трогательность требовала сверхмерного, так сказать, выражения чувств.

— О, моя бедная мать! — произнесла она снова сквозь слезы.

— Итак, вы — сирота, на чужбине! — продолжал посол. — Но знайте, вы здесь не одна... то есть, я хотел сказать, не одинока. Моя обязанность, как представителя Франции, позаботиться о вас, дитя мое, как о французской подданной. Мои года же позволяют мне относиться к вам по-отечески.

— Благодарю вас!

— Это — моя обязанность! — повторил Шетарди. — Не исполнив ее, я был бы виноват перед вашими родителями, перед нашим королем и всей прекрасной Францией.

«Чего же, однако, он от меня хочет?» — подумала Селина де Пюжи.

— Я буду краток! — сказал посол прекрасной Франции. — Обдумаем, мое дитя, ваше положение! Вы пользуетесь симпатиями такого прекрасного со всех сторон человека, как граф Линар! Не перебивайте! Я знаю, что тайны женского сердца должны быть священны, но говорю с вами в качестве посла, представляющего здесь вашего монарха, и потому имею право ради вашего блага касаться этих сокровенных струн.

Он, казалось, не говорил, а диктовал выспреннюю дипломатическую ноту.

— Я вас слушаю, маркиз! — сказала Селина.

— Да, слушайте, дитя мое, слушайте! Настоящее для вас блестяще, но подумали ли вы о будущем... то есть о ближайшем будущем?

— В каком смысле? — спросила Селина.

— А вот в каком! Вам, конечно, известно,

что у вас есть соперница?

— В лице... — начала было, Селина.

— Не будем называть имен, — перебил ее Шетарди, — но вы, как умная женщина, должны понять, что ваша соперница по положению, которое она занимает, может явить большой соблазн для графа Линара. На его долю могут выпасть необычайные почести, деньги, ну, не знаю, что еще... Все это может вскружить молодому человеку голову, и он может не только изменить, но и совсем забыть свою маленькую компатриотку, которую я обязан защищать.

— Благодарю вас! — опять сказала Селина. — Но что же тут можно сделать?

— Бороться, мое дитя, бороться.

— Легко сказать «бороться»! Но у меня нет к тому ни сил, ни возможностей.

— Зато у вас есть друзья, а у вашей соперницы есть враги! Как вы думаете, если бы она не удержалась на том месте, на котором находится теперь, тогда ведь немедленно граф Линар был бы отозван, конечно с большим, подобающим ему почетом, и вернулся бы со своим маленьким другом Селиной де Пюжи в

Дрезден, где они снова зажили бы припеваючи, вместо того чтобы прозябать здесь, в холодном петербургском болоте. Не правда ли, это было бы хорошо?

— О да, это было бы очень хорошо!

— Ну так от вас зависит постараться, чтобы дела пришли к этому!

— Что же мне делать?

— Слушать мои советы, больше ничего...

Вот все, что я хотел бы сказать вам пока! — И Шетарди простился с Селиной, проводил ее до дверей кабинета, а, как только она ушла, быстрыми шагами перешел к противоположной двери, отворил ее и, войдя в маленькую гостиную, где его ждал представительный, бритый, в высоком парике господин, сказал ему: — Можете передать, доктор, ее императорскому высочеству, принцессе Елизавете, что у нас возле Линара будет преданный агент, на которого можно будет положиться, потому что тут будет действовать не денежный подкуп, а сердце влюбленной женщины, ожесточенное против своей соперницы.

— Ваши такт и умение, маркиз, всегда заставляют восхищаться вами. Я передам вели-

кой княжне Елизавете, что она может быть совершенно спокойна! — сказал господин, откланиваясь.

Это был доктор Лесток, через которого сносилась Елизавета Петровна с французским послом де ла Шетарди.

25

АУДИЕНЦИЯ

Для приема верительных грамот от польско-саксонского посла была назначена торжественная аудиенция, как это полагалось по церемониалу, и раньше этой аудиенции Анна Леопольдовна, по этикету, не имела права видеть графа Линара.

Конечно, если бы он выказал настойчивое желание проникнуть во дворец тайком, по-слав принцессе любовную записку, то, вероятно, добился бы своего и увиделся с правительницей и прежде формальной аудиенции. В глубине тайника своей души Анна Леопольдовна, может быть, и надеялась на это. Но граф Линар не делал никаких попыток, а она, разумеется, ни намеком не показала ничего и

ни у кого не спрашивала, ни с кем не говорила о графе Линаре. Она слишком боялась выдать себя.

Грунька все время была начеку, но, как ни ловила она удобный момент, чтобы упомянуть о красавце-графе, это ей не удавалось.

Наконец наступил и день аудиенции.

Анна Леопольдовна была в ужасно нервном, взволнованном состоянии; на щеках ее выступили красные пятна, как при лихорадке, и носик слегка покраснел, что, несомненно, портило ее, она смотрелась в зеркало, замечала эту свою красноту, сердилась и оттого волновалась еще больше.

«Недостает только, чтобы она еще разревелась и наплакала себе еще красные глаза!» — подумала Грунька, суетившаяся вокруг нее в числе камер-фрейлин.

Принцессу стала причесывать старшая камер-юнгфера; Анна Леопольдовна капризничала, нарочно двигала головой, сердилась, топнула ногой и произнесла в раздражении:

— Нет, вы не можете! Пусть причешет меня та, которая это делала вчера... Кто меня вчера причесывал?

Выступила Грунька, сразу взяла обеими руками две пряди волос на голове принцессы и повела ими так, что Анна Леопольдовна вдруг увидала, что ее голове придается та почти невинная детскость, которую она считала себе необыкновенно к лицу, она улыбнулась, эту улыбку повторило зеркало, и Анна Леопольдовна осталась довольна Грунькой.

Последняя действительно была мастерицей: прическа в то время была делом очень мудреным и требовала не только умения, но и вкуса и даже находчивости при расположении подчас капризных непослушных локонов.

Камер-фрейлины веселее засуетились кругом, принцесса ожила, и Грунька, зажав во рту шпильки, процедила сквозь зубы, нарушая воцарившееся было в уборной молчание:

— Говорят, саксонский посланник очень торопился ехать в Петербург, и ему предвещают долгое и очень счастливое посольство здесь, в Петербурге!

— Предвещают? — спросила принцесса.

— Да, так говорит гадалка мадам Дюкар! — смело заявила Грунька, ловко и скоро испол-

няя в то же время свое дело.

Остальные камер-фрейлины с завистью смотрели на нее, глядя, как она может так спокойно и свободно держать себя и вместе с тем разговаривать с ее высочеством.

— Госпожа Дюкар — необыкновенная ворожея! — сказала принцесса. — Она, кажется, никогда не ошибается!

— Не знаю, ваше высочество! — протянула Грунька, внимательно всматриваясь в левую сторону прически, как бы желая убедиться в том, что она хорошо соответствует правой, а на самом деле внимательно следила в зеркало за выражением лица правительницы. — Не знаю, ваше высочество! — повторила она. — Но думаю, что бывают случаи, когда госпожа Дюкар и ошибается!

Анна Леопольдовна повернула голову.

— Неужели?

— Представляю себе, что получилось, когда я гадала у нее на фельдмаршала Миниха... Конечно, сам фельдмаршал будет смеяться над этим; да и я-то только так, для смеха спросила... Ну и вышли, конечно, пустяки, смех один! Госпожа Дюкар вдруг говорит, что

фельдмаршалу Миниху предстоит близкая отставка! Ведь скажет же тоже такие пустяки!.. Я болтаю вашему высочеству об этом вздоре, чтобы вы улыбнулись. Здесь удобно? — показала она на приколотые сзади локоны.

— Да, очень! — ответила принцесса, покачав головой из стороны в сторону, чтобы попробовать, как держатся локоны.

— Я ей говорю, — звонко рассмеявшись, продолжала Грунька, — разве может наша принцесса отправить в отставку фельдмаршала, когда он столько сделал для нее? А она говорит... — тут Грунька, как бы перебив самое себя, опять спросила: — Не поднять ли еще диадему, ваше высочество?

— Пожалуй, подними! — согласилась принцесса.

— А она и говорит... Позвольте, ваше императорское высочество, как там она сказала? Да, она и говорит: «Принцесса, — говорит, — могла воспользоваться плодами его измены, но уважать изменника не может!» Ужасно смешные эти француженки! Теперь диадема совсем хорошо сидит?

Правительница любовалась собой в зерка-

ло.

— Ты говорила, граф Линар торопился? — спросила она.

— О да, ваше высочество! — подхватила Грунька. — Он путешествовал по Италии, и говорят, будто его что-то как бы толкнуло возвратиться в Дрезден; он только что вернулся, как вдруг его назначают в Петербург. Он из Италии, говорят, привез удивительные альбомы. Он их все время вез с собой в возке. Должно быть, они очень дороги и интересны!

Наконец принцесса была готова и вышла по внутренним апартаментам в парадную комнату, где в гостиной должна была состояться аудиенция.

Линар уже некоторое время назад приехал в парадной карете во дворец и в предшествовании скороходов, гофкурьеров и камер-лакеев, в сопровождении церемониймейстера проследовал через анфиладу комнат и был торжественно введен в аудиенц-зал. Формальный порядок вручения верительных грамот был выполнен со всей пышностью придворного этикета. Затем должна была состояться секретная беседа посла с правительницей, как

это обыкновенно делается. По знаку Анны Леопольдовны все придворные удалились, и она осталась с графом Линаром наедине.

26

НАЕДИНЕ

Несмотря на то что с самого приезда графа Линара в Петербург, а то и ранее, Анна Леопольдовна готовилась к этой минуте, когда они останутся наедине после торжественного приема с польско-саксонским послом, все вышло вовсе не так, как она представляла себе. В мечтательном ожидании ее Карльхен, как она одна, по ее мнению, только звала его, должен был быть непременно радостным и сияющим, и во всех вариантах, которые ей грезились, дело сводилось к тому, что она поражала его своим величием правительницы, а затем радовала детски прекрасной улыбкой, и потом все было так хорошо! Однако граф Линар явился пред ней не сияющим и не радостным, но холодно-почтительным, чрезвычайно сосредоточенным и серьезным.

«Впрочем, ему неловко сразу выказывать

все чувства, — сообразила принцесса. — Он должен сдерживать себя».

И она с сильно бьющимся сердцем стала ждать минуты, когда их никто уже не будет видеть и слышать.

И вот эта минута наступила, а граф ничуть не изменился. Ни улыбки на его губах, ни даже малейшей искорки в его глазах не промелькнуло. Он был холоден, строг, и правительница почувствовала себя одинокой и очень жалкой, такой, которая не столько может радовать своими милостями, сколько, напротив, сама нуждается, чтобы были ласковы с ней.

— Вы благополучно приехали? — спросила она, воображая, что очень мила, но, произнесши это, сейчас же поняла, что это не то, что нужно, и покраснела.

— Благодарю вас, ваше императорское высочество! — спокойно ответил Линар.

— Ах, это вовсе не то! Я говорю не то, что хочу! — вдруг помимо воли вырвалось у Анны Леопольдовны, и вдруг она совершенно неожиданно для себя заплакала и проговорила: — Я так несчастна!

В эту минуту она действительно чувствовала себя несчастной, потому что все у нее вышло не так, как следует. Уж очень она ждала этой минуты, слишком много на нее надеялась, что будет от нее большая радость!

Теперь она была готова совсем разрыдаться капризными слезами, именно потому, что все кругом исполняют ее волю, и вдруг самое главное, что она желала, не удавалось ей.

— Вы несчастны? — с удивлением переспросил Линар. — Но, ваше императорское высочество...

Принцесса топнула ногой.

— Не называйте меня «высочеством»! Мы тут одни, и вы для меня старый и испытанный друг. У меня теперь нет никого близких, а между тем я так нуждаюсь в совете искреннего друга!

— Но у вас есть и друг, и помощник, и близкий человек!

— Кто? — искренне удивилась Анна Леопольдовна.

— Граф Миних! — проговорил Линар и слегка отвернулся в сторону.

«Так вот оно что! — радостным трепетом

прошло через все ее существо. — Он ревнует меня к Миниху!

— Но граф, мой милый граф, — сейчас же весело рассмеявшись, повторила правительница и, сев не канаве, показала графу место возле себя, — сядьте здесь!

Он повиновался и опустился возле нее на канаве, но, по-прежнему официальный, почтительный, сел необыкновенно прямо, словно вытянувшись на коне в строю.

— Нет, граф Миних не может быть мне ни другом, ни близким человеком! — воскликнула Анна Леопольдовна.

— Однако вы обязаны ему многим... да всем почти! — несколько мягче сказал граф.

— Да, конечно! Однако я могла воспользоваться плодами его измены, но не могу уважать изменника! — с гордостью проговорила принцесса, невольно повторив фразу, которую, причесывая ее, подсказала ей Грунька, и в ту минуту вовсе не подозревая, что повторяет чужие слова.

— Это весьма мудро, ваше...

Линар хотел сказать «ваше высочество», но Анна Леопольдовна быстрым движением

остановила его.

Граф улыбнулся и почти совсем простым и свободным тоном произнес:

— Я хочу сказать, что если вы так смотрите на Миниха, то это очень умно, потому что если Минах мог изменить бывшему герцогу-регенту, то он еще легче может изменить и настоящей правительнице и объявить себя регентом на время малолетства императора.

— Вы правы, я об этом даже не подумала, проговорила Анна Леопольдовна. — Как это вы хорошо сообразили! Ведь и в самом деле это верно! И как это глубоко, сейчас видно, что вы — настоящий государственный человек! Вот видите, как мне нужны поддержка и дружеский совет!

— Но ведь вы же замужем теперь!

— Ах да — это правда, я замужем! Я чуть было не сказала, что забыла об этом! Ах, если бы я в действительности могла хоть на минуту забыть о несчастном принце, которого мне по воле и по политическим соображениям покойной тетушки дали в супруги!

«Он ревнует меня и к моему мужу!» — мелькнуло у нее в голове.

— Но, как бы то ни было, он — ваш супруг и должен помогать вам своими советами!

— Помогать советами? Принц Антон? Но вы, очевидно, не знаете его?

— Я не был представлен его высочеству принцу.

— Да ведь он же смешон! Он просто смешон! Вы знаете, что вы делаете? Вы меня заставляете рассказать вам, что мы делаем. Помните Юлиану, мою фрейлину Мангден? Так, знаете, мой муж заикается; мы чем-нибудь раздражим его да подведем к бюсту адмирала Апраксина, который стоит здесь, во дворце, потому что это сначала были его хоромы. Принц начнет браниться с нами, а уж у него привычка: раз он начнет в чем-нибудь заикаться, так не сойдет с места, пока не сумеет высказать все, что ему хочется! Мы уйдем, а принц все стоит перед бюстом и бранит его. Ужасно это смешно! Так что же вы хотите, чтобы он мне насоветовал?

— Хорошо! Ну а сами вы неужели не можете решить, как вам обойтись с человеком, которого сами же называете изменником?

— Ах, это очень сложно! Я много думала об

этом!

Анне Леопольдовне никогда и в голову не приходило до сих пор, что она может иметь что-нибудь против Миниха, но надо же было показать Линару, что она не потому держит при себе фельдмаршала, что желает этого, а потому, что обстоятельства не позволяют ей поступить иначе.

— Что же вы хотите, чтобы я сделала? — заговорила она опять после некоторого молчания. — Ведь Миних, в сущности, не дает никакого повода к его удалению! Ведь надо же иметь все-таки хоть какой-нибудь повод?

— Можно создать его!

— Но как приняться за это?

— Поручить это принцу Антону!

— Да я же говорю вам, что принц не может ничего! Он до того труслив, что с него хватит прийти к Миниху и рассказать ему все!

— Поручите ему разделаться с Минихом так, чтобы он и сам этого не подозревал!

Принцесса смотрела на Линара большими, влюбленными и вместе с тем удивленно-восхищенными глазами. Она знала, что он мил, красив, умен, но теперь поражалась его госу-

дарственной, как ей казалось, мудрости и слушала его с затаенным дыханием.

— Какую должность теперь официально занимает фельдмаршал? — спросил Линар.

— Он — генералиссимус русских войск.

— Дайте же эту должность, первую по значению в военном отношении, вашему супругу!

— А ведь это — идея! — воскликнула Анна Леопольдовна. — Я не только его сделаю генералиссимусом, но посажу его во все комиссии и коллегии, в которых заседал Миних! И знаете, ведь тогда Миних сам откажется от всего, и мы лишь удерживать его не будем! — заключила принцесса, уверенная, что вполне самостоятельно, своим умом дошла до этого решения.

— Мне остается только удивляться вашему государственному уму и предусмотрительности! — почтительно сказал Линар.

Они расстались друзьями, но о прошлом ни слова не было сказано между ними.

«Ну что же! — думала Анна Леопольдовна. — Ведь это же была первая официальная аудиенция! Я, конечно, не могла так сразу за-

говорить о воспоминаниях прошлого, а он сам, разумеется, говорить не смел!»

В общем, она осталась довольна аудиенцией потому, главным образом, что ей хотелось быть довольной, и она уже забыла, что вовсе не того желала в своих мечтаниях.

Граф Линар, уезжая из дворца, чувствовал себя в чрезвычайно хорошем расположении духа: с первого же разговора с правительницей, без всяких жертв с его стороны, он добился важного успеха — полного свержения фельдмаршала Миниха, сторонника прусского короля, чьи интересы были враждебны интересам польско-саксонского королевства, представителем которого являлся граф Линар.

ТЕНЕТА

Граф Линар чувствовал себя в хорошем расположении духа, уезжая из дворца, и, сам себе усмехаясь, сравнивал две свои встречи с двумя женщинами: Селиной де Пюжи и принцессой-правительницей. Само собой разумелось, что встреча с Селиной была ему гораздо приятнее и прошла для него веселее, чем свидание с принцессой.

Отношения с Селиной, как он думал, ни к чему его не обязывали и могли быть в конце концов исчерпаны известной суммой денег или хорошим подарком, который он уже ей однажды сделал в Дрездене, когда думал, что расстается с ней навсегда. Тому, что она отправилась его искать в холодную, совершенно неведомую ей Россию, он особенного значения не придавал: приехала так приехала! Но раз уж она была тут, то отчего же пренебрегать ею, когда это, кроме развлечения и приятности, ничего не доставит?

С Анной Леопольдовой ничего веселого и

приятного не было! Любить ее граф никогда не любил и тогда еще, когда из-за нее его попросили оставить Петербург. Он сделал это с особенным удовольствием, обрадованный, в сущности, что разделался с очень неприятной для него столицей России, а вместе с тем и с глупо начатой и неизвестно к чему могшей привести игрой в любовь с принцессой, племянницей императрицы.

В теперешний приезд графу Линару Петербург особенно не понравился. Он показался ему еще более невзрачным и неприветливым, чем он думал. А принцесса Анна Леопольдовна, по его мнению, и потолстела, и слегка обрюзгла, потеряла, выйдя замуж, свежесть девственности и напрасно старалась прикидываться девочкой, наивненькой, миленькой, так как это совершенно не шло ей и еще более подчеркивало, насколько она изменилась по сравнению с тем, что было раньше.

Но, что бы то ни было, граф Линар знал, что, раз уж он приехал в Петербург и принял назначение посла, ему нужно будет разыгрывать известную роль с правительницей ради интересов своего государства, и рассматри-

вал это как свой долг, может быть даже сопряженный с известными жертвами. Он видел также, что свою роль ему играть будет не трудно, что эта немочка, какой была Анна Леопольдовна, не потребует больших хлопот и что стоит ему только быть у нее на глазах, чтобы она делала все, что он захочет. На свои отношения к ней граф Линар смотрел как на службу и был доволен тем, что эта служба нетрудна.

Самое главное — первая встреча прошла вполне благополучно в том отношении, что не потребовала никаких объяснений или сантиментов, ничего, где было бы нужно слишком большое притворство. Так как Линару удалось с первой же минуты поставить себя с принцессой, казалось, можно было надеяться, что и в дальнейшем ему будет нетрудно с ней.

— Ну покажись, важный человек! — встретила Линара Селина де Пюжи, ожидавшая у него дома его возвращения из дворца.

— Ах, я устал, как загнанная лошадь! — здороваясь с ней и целуя ее в щечку, сказал Линар.

— Нет, позвольте, господин граф, — остановила она его, — так нельзя! Если вы вручили свои верительные грамоты госпоже правительнице, то извольте аккредитоваться тоже...

— Перед кем еще?

— Перед Селиной де Пюжи... величайшей женщиной земного шара!

— Чем же она замечательна?

— Тем, что любит графа Линара!

— Послушай, моя дорогая, меня же не одна ты любишь!

— Да! Вот это — правда! — повторила Селина. — Недаром ты считаешься хорошим дипломатом: всегда умеешь вывернуться! Ну как прошла твоя аудиенция?

— Послушай, Селина, это — не твое дело.

— Как же не мое дело? Ведь если бы там дело дошло до амуров, тогда я, конечно, была бы ни при чем! Но теперь, поди сюда... дай мне посмотреть тебе в глаза. — Селина схватила голову Линара обеими руками, сжала ему щеки, внимательно уставилась ему в глаза, после чего произнесла: — Нет, ты не любишь ее! Ты не любишь ее! Неужели эта

немецкая принцесса не поняла, не почувствовала, что ты не любишь ее? Кого же ты любишь, если не ее?

— Я тебя люблю!

— Врешь, дурачишься! Ты меня, конечно, любишь, но так, как вы, мужчины, умеете любить: так себе, чтобы весело было! Этак вы можете любить, и совершенно искренне, даже нескольких женщин зараз! А есть у вас, у мужчин, еще и другая любовь... с тоской и иногда даже с мукой! Этак вы только раз в жизни любите! А ты теперь задумчив... у тебя по ком-то тоска! Скажи: кого ты любишь вот этой особенной любовью?

— Отстань, Селина, надоела!

— Да мне все равно! — рассмеялась она. — Ведь я от тебя только веселой любви требую, а спрашиваю из любопытства! Ну знаешь что, будем веселиться!

— Мы только позавтракать сможем вместе, — сказал Линар, — а потом мне надо делать визиты... Что такое? — спросил он старого Фрица, который важно, в своих круглых очках, не обращая внимания на француженку, подавал ему на подносе большое, запечатан-

ное гербовой печатью письмо.

— Из дворца прислано с нарочным.

Линар поморщился.

«Если так начинается, — подумал он, то, пожалуй, служба будет вовсе не такая легкая!»

Письмо было собственноручное от правительницы, и она в нем писала:

«Я слышала, граф, что вы привезли из своего путешествия по Италии великолепные альбомы с видами, не привезете ли вы их ко мне сегодня вечером, чтобы показать? Я крайне люблю Италию, и все, что относится к ней».

Заметная тень пробежала по лицу Линара, и он проворчал по-немецки себе под нос:

— Кто ей мог сказать о моих альбомах? Неужели ей уже все известно?

— Что такое известно? — спросила Селина, понимавшая по-немецки.

— А, ничего! — нехотя ответил Линар, насупился и стал мрачно ходить по комнате.

Селина знала, что, когда такие минуты мрачности находили на графа, надо было оставить его в покое и дать ему отмолчаться.

Тогда он обыкновенно сам подходил первый с просьбой или какой-нибудь шуткой, и все обходилось благополучно. Поэтому Селина взяла первую попавшуюся под руки книгу и начала читать.

Линар стал не в духе вследствие целого ряда причин, явившихся вместе с этим письмом из дворца. И в ряде этих причин было, между прочим, и то, что неужели шпионство за ним так хорошо организовано, что даже об альбомах известно при дворце? Всю свою жизнь он жил тем, что любил полную свободу и терпеть не мог никакого гнета или насилия над собой. Но теперь словно липкие тенета охватывали его, и он чувствовал, что, вероятно, разрубить их одним ударом будет невозможно, а придется ему их долго и упорно распутывать.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Вечером у Селины де Пюжи собрались как бы на военный совет Митька Жемчугов, Гремин и Грунька. Грунька наливала чай, а Селина, уставшая задень, сидела спокойно в капоте, не болтала и не дурачилась, но сосредоточенно нахмуренными бровями она показывала, что намерена внимательно слушать, понять и переварить все, о чем говорилось.

Этим людям она верила не только потому, что они уже доказали свою преданность ей, но и потому, что их интересы совпадали с ее. Они желали свергнуть правительницу — так она понимала это, — чтобы иметь возможность повенчаться, так как их брак должна была устроить в награду другая принцесса, соперница правительницы. Что же касалось доброго Габриэля, как она называла Гремина, сократив его имя и отчество в «Габриэля», то он был добрый «патапуф», очень честный, и, конечно, он не мог быть предателем.

Ее же собственный интерес, как это выяс-

нилось в особенности из разговоров с ней Шетарди, несомненно заключался в скорейшем падении правительницы, потому что тогда она с Линаром могла бы уехать в Дрезден. Поэтому все умственные способности Селины теперь были направлены на то, чтобы разобрать, действительно ли хорошо будет, когда Линар уедет в Дрезден. Как-никак, теперь ее положение все-таки было сносно, а там, в Дрездене, вдруг он задумает жениться по-настоящему?

— Для меня несомненно одно, — вслух проговорила француженка, — что граф Линар любит!

— Кого? Принцессу? — в один голос спросили ее Митька и Грунька.

Гремин не сделал этого только потому, что его рот был полностью забит печеньем, которое он жевал.

Селина, отрицательно покачав головой, ответила:

— О нет! Только не принцессу! У него есть другая!..

— Ну а не все ли нам равно до другой? — махнул рукой Митька.

— Позвольте, мне не все равно! — возразила Селина, весьма даже оживленно, несмотря на свою усталость.

— Но отчего же вы думаете, что у него есть еще и другая? — спросил ее Митька.

— Вспомните альбом!

— Ох, помню, помню! — воскликнул Жемчугов. — У меня от них до сих пор болит плечо — так они меня тогда придавили! Но что же с какой-то любовью графа? Я думаю, нечто совсем иное...

— Он один из этих альбомов не позволил мне даже потрогать!

— С флорентийскими видами? Это — его любимый! Он в дороге, в карете, почти все время не выпускал его из рук.

— Ну вот, — подхватила Селина, — и сегодня он взял во дворец из четырех альбомов только три, а один оставил дома!

— А он взял во дворец альбомы?

— Принцесса написала ему записку и просила привезти показать ей альбомы, — пояснила Грунька. — Я рассказала ей о них.

— Видите, — продолжала Селина, — граф так бережет свою Флоренцию, и она, по-види-

тому, так дорога ему, что только влюбленный может оберегать таким образом вещь, которую он считает реликвией своей любви. Поняли? Он был в Италии, там влюбился, а может быть, уже влюбленный поехал за своим предметом во Флоренцию; они там виделись и встречались, и виды Флоренции ему теперь дороги по воспоминаниям. Он смотрит в альбом и думает: «Вот тут она шла тогда-то, тут мы гуляли вместе с ней». А он был так счастлив, мой граф Линар!

— Все это очень правдоподобно, — согласился Митька, — и весьма вероятно, что все так и было на самом деле, как вы говорите; но нужно же проверить это!

— Я очень желаю того же, — сказала Селина, — но пусть мне укажут как. С графом о подобных вещах я больше не стану говорить. Слуга покорная! Я слишком хорошо знаю мужчин, чтобы с ними разговаривать на такие темы. Он подумает, что я ревную, а мужчины не выносят ревности.

— Вот, учись Грунька, — посоветовал Жемчугов, — слышишь, мужчины не выносят ревности? И ты меня никогда не ревнуй!

— Тебя-то? Ты у меня посмей только мне изменить! Я такое с тобой сделаю, что и сказать нельзя, — проговорила Грунька, схватилась за голову Митьки и стала ерошить ему волосы. — Вот, вот что я с тобой сделаю!

— Да погоди ты, брось! — начал унимать ее Жемчугов. — Мы тут дело говорим, а ты...

— Вздор! Ну впрочем, говори, какое дело?

— Конечно, с графом о его любви, если она у него существует, разговаривать нечего, но проверить это надо, и притом через неприятельский лагерь, — сказал Жемчугов, обращаясь к Селине.

— Что вы называете неприятельским лагерем? — спросила та.

— Конечно принцессу Анну Леопольдовну. Нужно, чтобы вы в виде гадалки опять прошли к ней и открыли ей в гадании, что графа Линара старается соблазнить другая. Пусть она знает, что у нее есть соперница. Я думаю, это будет ей полезно.

— Во всяком случае, я предвкушаю удовольствие, с которым преподнесу ей это известие. О, будьте покойны, я сумею преподнести ей это! — уверенно сказала француженка.

— А мы посмотрим, что из этого выйдет, — заключил Жемчугов.

— Итак, на военном совете решено продолжать военные действия, — поставил свою резолюцию Василий Гаврилович.

29

ПАДЕНИЕ МИНИХА

Прошло недели две, и рядовые обыватели Петербурга, жившие изо дня в день своей привычной, наполненной обыкновенными мелочами жизнью, не подозревали, что только что пережитое ими событие, такое, как свержение герцога Бирона, чревато самыми неожиданными последствиями.

Программа Митьки начинала сбываться, что называется, по писаному.

Бирон пал необыкновенно быстро, и свалил его фельдмаршал Миних. Теперь очередь была за самим фельдмаршалом, и работа против него шла с нескольких сторон.

Прежде всего сам Миних держал себя необычайно неосторожно, так как не стеснясь говорил, что лишь одному ему правитель-

ница обязана своей властью, а в разговорах с принцессой то и дело намекал, чтобы она не заботилась о тяготах правления, жила в свое удовольствие и положилась на него, Миниха, предоставив ему одному ведать государственными делами. С супругом правительницы, принцем Антоном, Миних держал себя с крайним пренебрежением.

Само собой разумеется, находились люди, которые умели вовремя вернуть слово Анне Леопольдовне о том, что фельдмаршал роняет в глазах всех не столько достоинство принца, сколько достоинство ее самой, как его супруги.

Трусливый, но злобный принц оскорблялся поведением Миниха и старался исподтишка мстить ему и всеми силами вредить. Он подкупал доносчиков, пускал про него неблагоприятные слухи, старался подглядеть за ним и плакался на фельдмаршала везде, где мог.

Миних исполнял обязанности первого министра, и правительница приглашала на его доклады своего супруга, обращаясь при этом за советами к принцу Антону, даже тогда, ко-

гда Миних высказывал решительное мнение, не подлежащее обсуждению. По приказанию принцессы ее муж начал присутствовать и в Сенате, и в Военной коллегии, состоявшей в ближайшем ведении фельдмаршала.

Принц Антон горько жаловался, что Миних его беспрестанно обижает и высказывает при этом, что всю заслугу ночного переворота он приписывает себе, между тем как ему, принцу, да и всем честным людям известно, что Миних без нее, Анны Леопольдовны, не смог бы ничего сделать.

Вместе с тем падший герцог Бирон, посаженный в Шлиссельбургскую крепость, в своих показаниях, весьма внимательно прочитываемых самой правительницей, написал:

«Фельдмаршала за подозрительного держу ради той причины, что он с прежних времен себя к Франции склонным показывал, а Франция, как известно, Россией недовольна, а французские интриги распространяются и до всех концов света. Его фамилия мне впервые сказывала о прожекте принца Гольштинского и о величине его, а о нраве фельдмаршала известно, что имеет великую амбицию и при-

том десперат и весьма интересоват».

Но самый сильный, последний, так сказать, удар Миниху был нанесен благожелателем Линара, вторым кабинет-министром Андреем Ивановичем Остерманом, утвердившим правительницу в мысли, что фельдмаршал находится в тайных сношениях с цесаревной Елизаветой Петровной.

Принцесса Анна Леопольдовна имела основание бояться принцессы Елизаветы Петровны, потому что та обладала большими правами на престол. А что же касается того, что Миних мог перекинуться на сторону Елизаветы, то это было очень правдоподобно и даже естественно, потому что фельдмаршал, как сторонник политики прусского короля, был в данном случае противником Австрии, а следовательно, и Саксонии с Польшей, к которым, благодаря графу Линару, благоволила правительница.

Миниха, человека решительного, горячего, любившего побеждать, а не входить в уступчивые соглашения, легко было вывести из себя и вызвать его на крайние меры. Обиженный положением, в которое его ставили

перед принцем Антоном, Миних круто поставил свой вопрос об отставке в надежде, что его будут просить остаться, но, вопреки его расчетам, отставку приняли.

С барабанным боем, в сопровождении воинских команд, ходили по Петербургу сенатские чиновники, читая указ об увольнении фельдмаршала Миниха.

Этого никто не ожидал; все были поражены, но должны были преклониться перед свершившимся, а правительница, весьма довольная, что показала свою сильную волю и что ее теперь будут бояться, повторяла уже сказанную фразу про Миниха: «Я воспользовалась плодами его измены, но не могу уважать изменника».

На другой день после объявления указа об отставке Миниха цесаревна Елизавета пришла навестить правительницу, и Анна Леопольдовна у нее спросила, что она думает по поводу случившегося.

— Не я одна, а вообще все были удивлены тем, что вы согласились на отставку фельдмаршала! — ответила ей Елизавета Петровна. — Я же, при всей своей любви к вам, не

могу признаться, что вы поступили ошибочно, хотя это так. Вас теперь все будут обвинять в неблагодарности, да и кроме того, вы лишились человека, на преданность которого могли полагаться.

Этот ответ не понравился правительнице.

Елизавета Петровна, вернувшись к себе домой, не стесняясь присутствием посторонних, высказалась про принцессу Анну Леопольдовну:

— Она совсем дурно воспитана! Она вовсе не умеет жить на свете, и сверх того у нее есть весьма дурное качество быть капризной, как был капризен ее отец, герцог Мекленбургский!

Исторически известно, что эти слова цесаревны были в точности переданы Анне Леопольдовне, и та процедила сквозь зубы, что «она скоро сосчитается с Елизаветой Петровной».

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ

Тело императрицы Анны только в последних числах ноября с необыкновенной пышностью было перевезено в Петропавловский собор. Последний был изукрашен при этом в том же показно-торжественном «штиле», в котором был отделан и зал во дворце, где стояло тело раньше. В соборном куполе было сделано облако, из которого исходил луч славы, осенявший золотой надгробный балдахин. У катафалка, где был поставлен гроб, возвышались четыре женские статуи; на стенах, закрывая образа, висели медальоны, надписи, мертвые головы, гербы провинций и фестоны из черного крепа с серебряными «слезными каплями». На главном карнизе церкви были, по римскому и греческому обычаю, поставлены урны, или, как говорилось, по официальным описаниям, «горшки со слезами». Кроме четырех статуй у гроба, стояли вдоль церкви еще восемь статуй, которые бы-

ли олицетворением чувств верноподданных.

Погребение происходило за несколько дней до восемнадцатого ноября, дня рождения правительницы Анны Леопольдовны, которой должно было минуть двадцать три года.

Когда гроб покойной императрицы был опущен в могилу и со стен Петропавловской крепости отгремел погребальный салют, вместе с его дымом рассеялась и вся печаль ее верноподданных, и, очевидно, все чувства, которые были изображены идольского вида статуями, помещенными в православный храм у гроба «благодарной» императрицы.

День рождения правительницы праздновался уже пышной иллюминацией Петербурга, траур был снят и во дворце шло ликование.

Ранний конец петербургского зимнего дня позволил уже с пяти часов вечера зажечь иллюминацию, состоявшую в те времена из чрезвычайно сложных вензелей, транспарантов, рисунков и эмблем, в составлении которых принимали участие заправские декора-

торы, художники и ученые. Обыкновенные обыватели зажигали шкалики и плошки, и, «по обязательному постановлению» полиции, частные люди в окнах своих домов и квартир, выходявших на улицу, не могли поставить меньше десяти свечей в виде пирамиды в каждом окне.

Дворцовая площадь, Зимний дворец и Адмиралтейство горели разноцветными огнями, а народ толпился там, гудя и гуляя по-праздничному и по-праздничному радуясь.

Эта радость была вполне воскресная, искренняя, и причиной, конечно, ее было не то, что двадцать три года тому назад где-то в Мекленбурге родилась принцесса, которая явилась затем в Петербург, чтобы стать там правительницей, а то, что эта принцесса освободила русских людей от Бирона, падение которого считалось поистине счастливо-торжественным событием, вроде победы над врагом.

Толпа зевала на иллюминацию и в приподнято-праздничном настроении толковала, причем незнакомые заговаривали с незнакомыми и вокруг наиболее словоохотливых

ораторов собирались кружки.

С подвязанной щекой приказный, составляя центр одного из таких кружков, говорил со слезливым умилением:

— Дай, Господи, здоровья и долгоденствия правительнице Анне Леопольдовне. Но дай Бог также, чтобы мы, избавившись от одного Бирона, не нажили себе другого, еще более сурового и жестокого, чем первый!

— Господи, миленький! — вздохнула тут старуха, не совсем понявшая, о чем говорили, но считавшая своим долгом отозваться вообще на торжественное настроение праздника.

— Кто это, тетка, у тебя «миленький»-то? — обратился приказный к старухе. — Миленький-то он миленький, да не тебе, а самой принцессе Анне Леопольдовне, выписан ею из Саксонии посол граф Линар... красавец удивительный! И вот он всем и вертит теперь!

— Это точно! — подтвердил стоявший тут же купец. — Мы уже знаем кое-что — ведь во дворец сало и свечи поставляем. Так насчет графа Линара это точно! Доподлинно извест-

НО...

— С новым, значит, Бироном! — слышалось в толпе.

— Да и с каким еще! — подхватил подьячий. — Прежний немец хоть был все-таки доморощенный герцог, и все его счастье с Россией было связано, все как-никак, а в случае ущерба империи и ему самому урон был бы, а тут ведь саксонский граф, совсем чужеземец! И придется нам совать свои головы под пяту этого врага и супостата!

— Так что же, начальство-то смотрит? — деловито заметил мужичок из простых.

— Дура-голова! — стал объяснять приказный. — Да что же ты поделаешь, если этот самый граф в самое высшее начальство попадает?

К образовавшемуся около приказного большому кружку подошел высокий молодой человек в парике, с локонами, ниспадавшими пышными кольцами. Его большие, необыкновенно красивые глаза черного цвета внимательно и зорко остановились на приказном. Он прислушался и, по-видимому оставшись доволен разговором, перешел к об-

разовавшейся следующей группе, среди которой человек ремесленного вида таинственно говорил своим слушателям:

— Верно говорят, что младенец-то некрещеный... Такое чудо совершилось: как только его к купели подносили, так он на руках у пресвитера и исчезает! Отойдет пресвитер — младенец опять у него на руках! Как только к купели — опять его нет! Так и не могли окрестить!

— Так как же, раз он не крещен... нешто можно ему было присягать? Да еще как благоверному императору? Это же противно писанию церковному и самой вере! — с авторитетом проговорил стоявший среди слушателей священник.

— А вот ты, батя, и понимай! — сказал человек ремесленного вида. — Ведь мы присягали-то некрещеному при Бироне, но по его указке, значит, и присяги-то нет!..

Молодой человек прошел дальше и услышал, как седобородый, с вдохновенным лицом старый нищий, колотя себя в грудь, с восхищенной горячностью громко говорил, широко открывая рот, из которого на морозе шел

пар:

— Не попустим, православные, чтобы перевернули нас в языческую веру! Видели вы, в крепости, в соборе, вокруг гроба императрицы языческие идолы стояли?.. И образа позавешаны были погаными изображениями к всяким противодуховыми надписями?.. Желаете вы идти в язычество? Так кланяйтесь идолам, которые вам ставят в православном храме, а если нет, так не выдавайте матери-церкви, вскормившей вас! Помните, что тело погибнет — душа останется, а погибнет здесь, на земле, душа — так съедят тело ваше черви после смерти, и ничего, кроме гибели, не будет вам!

Молодой человек шел дальше; иллюминация пылала полным блеском своих огней: ее вычурные надписи и по-русски, и по-латыни пламенными буквами вырисовывали пышные слова. Толпа глазела, зевала, восторгалась, но на фоне этого восторженного состояния воспринимались совсем иные, чем того хотели устроители иллюминации, впечатления — те впечатления, за которыми внимательно следил молодой человек с черными

глазами.

Он направился уже к Миллионной, как вдруг его издали заметил Василий Гаврилович Гремин, бывший в толпе; заметив его, Гремин кинулся за ним и громко проговорил, ни к кому особенно не обращаясь:

— Батюшки! Да ведь это — он! Мой тот самый человек с зеленым порошком.

Но он успел уже повернуть на Миллионную и пустился таким быстрым шагом, что Гремин в своей медвежьей шубе не мог поспеть за ним и видел, как «он» исчез в воротах дворца, в котором жила цесаревна Елизавета Петровна.

Когда Василий Гаврилович поспел к воротам, их калитка уже давно захлопнулась. Стучать или ломиться он не решился и, таким образом, не мог узнать, что делал его таинственный молодой человек во дворе цесаревны.

А этот молодой человек, который был немедленно впущен в калитку дежурившим при нем сторожем, прошел с видом своего здесь человека через двор и, встреченный на крыльце старой мамкой Елизаветы Петров-

ны, сказал ей:

— Доложите матушке цесаревне, что наши ребята на иллюминации отлично работают!

31

НЕВОЗВРАТНОЕ ВРЕМЯ

Отставленный от дел Миних не имел права, по крайней мере с точки зрения официальной, пожаловаться на неблагодарность правительницы Анны Леопольдовны. Ему был подарен дом за Невой и назначена пенсия в пятнадцать тысяч рублей — сумма по тогдашнему времени баснословно большая.

После увольнения фельдмаршала иностранными делами стал править Остерман, а внутренними — граф Головкин.

Бирона приговорили к смертной казни, но Анна Леопольдовна пощадила его и отправила со всем семейством в Пелым, на вечную ссылку.

Дипломатический мир, находившийся тогда в Петербурге, резко разделился на два лагеря. К одному принадлежал маркиз Ботта

Диадорно, австрийский посланник, английский посланник-резидент Финч и польско-саксонский посланник, граф Линар. Другой — противоположный им — лагерь составляли: французский посол де ла Шетарди и шведский посланник Нолькен.

Франция, заинтересованная в том, чтобы Россия вступила в комбинацию с нею против Австрии, но вследствие своей отдаленности не имевшая возможности влиять непосредственно на Россию, заручилась расположением Швеции, сумев завлечь ее разными посулами так, что она шла, как говорится, на поводу у Франции.

Линар с Боттой и Финчем составляли ежедневную партию в карты, которая собиралась ежедневно по вечерам во дворце у правительницы. Линар открыто проводил целые дни во дворце, нисколько не стесняясь слухами и сплетнями, постоянно возникавшими по этому поводу. Можно было подумать, но для этого надо было бы быть очень проницательным человеком, что Линар нарочно поддерживает такие подчеркнутые отношения к нему правительницы для того, чтобы его вынудили

порвать с ней, так как положение становилось слишком уж соблазнительным.

С Селиной де Пюжи он продолжал быть искренне близким, и если когда-нибудь искренне смеялся и бывал в духе, то — это только с ней.

Селине же не удалось привести в исполнение ничего из того, что было поставлено у них на «военном совете». Правительница словно инстинктивно оберегала себя, не приглашая госпожу Дюкар на гадание, несмотря на все старания Груньки.

Митька, сначала воображавший, что события и в дальнейшем пойдут так же быстро, как это произошло вслед за смертью императрицы Анна Иоанновны, увидел, что не всегда все делается так, как ему хочется, и что если нужно уметь хотеть, то еще более нужно уметь ждать.

Бирон пал, Миних очутился в отставке; работа в пользу Елизаветы Петровны и в пользу связанных с нею надежд русских людей шла упорно, но судьба как бы давала время Анне Леопольдовне наслаждаться выпавшим на ее долю счастьем.

Говорят, на долю всякого смертного человека в жизни выпадает период счастья; весь вопрос в том, сумеет ли человек удержать его за собой. Иногда люди, всегда по собственной вине, быстро приканчивают этот счастливый период, по собственной же вине не умеют пользоваться им, иногда застревают в нем более или менее длительно, а иногда натуры избранные, вступив в этот период счастья, умеют извлекать из него все, что ведет их все к большему и большему благополучию.

Анна Леопольдовна, достигнув вершины всего, чего, казалось, только может желать человек на земле, и достигнув не собственными трудами, а по стечению счастливых для нее обстоятельств, ничего не делала, чтобы сохранить или удержать за собой свое счастье. Она даже не особенно радовалась своей судьбе, как бы вовсе не чувствуя, как много та посылала ей.

Она спала, ела, читала интересовавшие ее книги, по преимуществу романы, нехотя отрываясь от чтения, чтобы идти к еде, и нехотя отрываясь от еды, чтобы делать что-нибудь другое. Кушанья для нее готовились, конечно,

лучшим придворным поваром, изысканные, но она ела их с таким же равнодушием, как и простоквашу. Наряды ей привозили из Парижа, но наряжалась она в них кое-как, наскоро, не желая дать себе труда сделать как следует свой туалет.

В отношении к Линару у нее не было решительно никакой страсти; она казалась довольной, что он был тут, как была довольна обедом, книгой или платьем, и только...

По-видимому, она не была в состоянии радоваться тому, что у нее было, а самой судьбой предназначена была для того, чтобы сожалеть о том, чего лишилась.

Вначале она еще суежилась, выказывала себя, все-таки решилась на арест Бирона и отставку Миниха, беспокоилась и тревожилась по поводу их отношений с Линаром, призывала Селину под именем мадам Дюкар, чтобы та ей гадала. Но затем очень быстро не только охладела ко всему, а остановилась, как бы слишком пресыщенная своим блаженством.

Так слишком бессильная, чтобы лететь выше, птица, прежде чем сложить крылья и турманом направиться вниз, некоторое время

держится на воздухе неподвижно.

Линар просился у своего правительства в отпуск, но правительство настаивало на том, чтобы он оставался в Петербурге и продолжал приносить эту жертву на пользу родине.

Благодаря тому как вела себя принцесса, граф не мог слишком тяготиться ею, и его «жертва» была в Петербурге не особенно уж трудна, но, энергичный и деятельный от природы, он чувствовал тоску и, надеясь на будущее, покорялся своей участи.

Анна же Леопольдовна о будущем не думала и, в сущности вовсе не живя в настоящем, проводила его, не понимая и не подозревая, что проводит свое лучшее невозвратное время.

ЛЕТО 1741 ГОДА

В порядок, установившийся в Петербурге, то есть в окончательное и полное уже господство немцев, плохо верили, и прочность этого порядка казалась всем вовсе не надежной, в особенности после показанного самой же Анной Леопольдовной примера относительно Бирона. Если она могла низложить герцога, то весьма естественно было самой ей пасть перед выступлением Елизаветы Петровны.

Режим, установившийся при Анне Леопольдовне, был гораздо менее суров, чем при Бироне, но это происходило не вследствие милосердия, а вследствие беспорядочности и неумения справиться.

Русские, у себя дома, были обижены господством иноземцев, им не было хода, иностранные религии чтились, и под лютеранские и англиканские кирки отводились лучшие места в столице, а к православию относились с презрением и, как фарисеи, предлагавшие распятому Христу спасти Самого Себя,

если Он — Бог, говорили, что православие настолько, мол, сильно, что должно само себя защитить.

Никто не делал никаких резких проявлений своего недовольства, но никто из русских не мог и примириться с тем, что происходило, и все ждали, надеясь на то, что цесаревна Елизавета покончит наконец с этой неправдой.

Это ожидание рождало слухи, и городская молва назначала сроки, когда должно случиться вождеденное всеми событие. Думали, на Крещение, когда гвардейские полки соберутся вокруг Иордани, цесаревна Елизавета Петровна встанет перед ними и объявит себя императрицей. Затем, когда прошла Иордань, стали ждать Пасхи, потом парада войскам на Дворцовой площади, наконец, просто шепотом передавали друг другу:

— Ждите сентября.

Никто не мог бы сказать определенно, почему надо было ждать сентября, но довольствовались этим и с таинственным видом говорили, повторяя: «Ждите сентября». Все-таки это был хоть какой-то срок.

Время между тем шло, и дела графа Линара в отношении правительницы запутывались все более и более.

Весной Анна Леопольдовна приказала выстроить дворец в местности, где ныне Инженерный замок. Этот дворец был маленький, походил скорее на виллу, был очень уютен и удобен для летнего пребывания. Стоял он рядом, стена об стену, с бывшим дворцом графа Румянцева, где жил теперь граф Линар. Сад, примыкавший к дворцу и составлявший продолжение Летнего, был окружен глухим забором; у единственного имевшегося входа в него стояли часовые, и им было приказано не пропускать никого, кроме графа Линара и фрейлины Юлианы Менгден. Один раз муж Анны Леопольдовны пожелал войти в этот сад, чтобы сократить себе дорогу, укрываясь от дождя, однако часовые загородили перед ним вход и, несмотря на то что он носил звание генералиссимуса всех войск, не послушались приказания и не пустили его. Правительница не виделась с мужем по целым неделям и, оградившись забором в своем Летнем дворце, открыто жила с Юлианой Менг-

ден и Линаром, решительно никуда не показываясь, так что не только народ, но и министры почти не видели ее. Анна Леопольдовна с поразительной беспечностью и неосмотрительностью поступала так, как будто хотела не только прекратить неблагоприятные о ней толки, но нарочно хотела усилить их.

«Если бы вместо Линара, — говорит один из бытописателей того времени, — был близок к ней какой-нибудь вертопрах, молодой, красавчик собой, увлекший правительницу только пылкой, мимолетной страстью, то любовь к нему Анны, вызывая в обществе легко прощаемое осуждение, не возбуждала бы такого неудовольствия, какое вызывала ее любовь к Линару. Несомненно было, что давнишнее чувство Анны к графу превратилось в постоянную привязанность, что при такой привязанности правительница будет находиться в полной власти Линара, который, мало-помалу оттеснив от нее всех, станет от ее имени править государством. Все догадывались насчет такого исхода взаимных отношений между Анной и Линаром, и потому слышавшийся прежде только глухой ропот по по-

воду ее сближения с ним раздавался все громче и громче, по мере того как привязанность правительницы к Линару все увеличивалась.

Теперь имя Линара делалось ненавистным, не как мужчины, господствующего над сердцем молодой женщины, но как временщика, готовившегося захватить власть в свои смелые руки.

Пренебрежение со стороны Анны Леопольдовны приличиями дошло до того, что она дала отставку своему супругу не только в смысле семейного его положения, но и общественного, лишив его звания генералиссимуса и всех прочих должностей.

К осени всеобщее недовольство возросло до последних пределов, и по городу ходили самые невероятные слухи наряду с действительными рассказами о явно скандальном поведении правительницы.

— Ну хорошо, — говорили совсем открыто, — граф Линар так граф Линар... Но при чем тут Юлиана Менгден. И что это они там втроем, запершись, делают?

В простом народе передавали, будто император Иоанн не был крещен, да и родился от

отца, не крещенного в православную веру, а что его мать, принцесса Анна Леопольдовна, втайне держится лютеранской ереси.

Вместе с этим сопоставлялись имена Бирона и Линара, и это сопоставление возбуждало сильную ненависть к Линару как к временщику.

Рассказывали, что над гробом императрицы Анны Иоанновны являются по ночам привидения, а между ними Петр Великий, требующий от покойной императрицы корону для своей дочери.

В довершение всего Швеция, подстрекаемая Францией, объявила России войну, и в городе разнеслись слухи, что шведские войска идут на Петербург.

КТО ОНА?

В те времена Нева, еще не скованная гранитной набережной, чаще, чем теперь, пестрела маленькими лодками и небольшими парусными судами. Тогда им не мешали пароходы, громоздких барок было гораздо меньше, и катание по Неве составляло одно из любимых удовольствий петербуржцев. Катались с песельниками, с роговой музыкой, и, между прочим известно, что принцесса Елизавета имела обыкновение проезжать с хором рожечников мимо дачи французского посла де ла Шетарди и обмениваться с ним условными сигналами для передачи той или иной вести, освещающей политическое положение.

Селина де Пюжи, Грунька и Жемчугов очень часто пользовались лодкой, во-первых, для развлечения и прогулки, а во-вторых, для того чтобы свободно поговорить, так как по середине реки их не мог уже подслушать никто.

Сколько раз уже так плавали они, и, кажется, все было переговорено, все рассчитано, назначено несколько сроков, а надежды все рушились, и ничего не выходило. Наконец однажды, сидя на веслах, Митька сказал француженке и Груньке, сидевшим против него на корме:

— То есть я ничего понять не могу! Отчего это происходит? Кажется, наши ребята работают всюю, все готово и назрело в народе и среди чиновников! Уж о гвардии и говорить нечего, только и ждут перемены, а она все сидит!

Жемчугову не надо было объяснять девушкам, что под «она» он подразумевал правительницу.

Он сделал еще несколько взмахов веслами молча.

— Я чувствую, — снова заговорил он, поднимая голову, — что и у нас произошла какая-то заминка, заколодило! Верно, и везде так!

— У кого это «у нас?» — спросила Грунька.

— Да вот! — кивнул Митька на француженку. — Сначала мы попадали в самую жи-

лу, а теперь заглохло.

— Ты знаешь, — сказала Грунька, — госпожа Селина не хочет, чтобы граф Линар уезжал из Петербурга.

Жемчугов придержал опущенные в воду весла и воскликнул с тревожным удивлением:

— Да не может быть?! Но ведь она же продолжает сношения со шведами?

— Продолжает! И, как те ни уверены, что влияют на нее, она все-таки не хочет ничего сделать, чтобы граф Линар уехал из Петербурга.

Митька посмотрел на француженку; та сидела, зажмурив глаза.

— Да уж верно, что так! — подтвердила Грунька. — Мне уже давно это мерещилось, а нынче, тогда мы шли к лодке, я ее заставила признаться!

— Но почему же? — стал спрашивать Жемчугов. — Неужели вам нравится здесь, в Петербурге? — обратился он к Селине.

Та отрицательно покачала головой.

— Нет, мне в Петербурге не нравится!

— Ну так неужели вы жалеете свою сопер-

ницу?

— О-о, нет!

— Тогда в чем же дело? Ведь в Дрездене вам лучше будет. Или вы в том сомневаетесь?

Селина молчала.

— Вот оно что, — сообразил вдруг Митька, — понимаю! Помню, вы говорили тогда, что вы подозреваете, что у графа есть настоящая, серьезная любовь, связанная с флорентийским альбомом.

— Да, да, — проговорила Селина, — красавец-сержант положительно читает мысли, как некий колдун!

— Тут никакого колдовства нет! — усмехнулся Жемчугов. — Больше ничего, как у меня хорошая память и есть мозги для соображения!

— О, о, у русских очень много соображения! — сказала француженка.

— Ну а вы узнали, кто такая эта любовь графа Линара, насколько она опасна вам? — серьезно произнес Митька.

Селина де Пюжи отрицательно покачала головой опять.

— Так что, вы ничего не знаете? И даже

любопытство вас не подстрекает?

— Нет! — ответила Селина. — А теперь вот что! — она зажмурила глаза. — Я не хочу смотреть, — пояснила она, — и не хочу ничего знать.

— Вы боитесь узнать что-нибудь неприятное?

— То есть эти русские могут удивительно понижать чувства.

— Ну а по-моему, — продолжал Митька, — что-нибудь определенное, как бы оно ни было неприятно, гораздо лучше неизвестности! А я думаю, — весело добавил он, — что ничего неприятного для вас ждать нельзя, потому что если бы оно было, то уже давно и выяснилось бы! А раз граф Линар продолжает воняться здесь, в Петербурге, то у него ни в Дрездене, ни где-нибудь в другом месте решительно нет ничего серьезного. А между тем, вы держите наше дело и из-за собственного каприза тормозите развязку, которую ждут с нетерпением многие люди!

— Но что же я могу сделать? — произнесла уже готовая признать себя виноватой Селина.

— Надо действовать решительнее!

— Но как, как?

— Ну хотя бы для начала узнать, кто она?

— Хорошо, я узнаю.

— Сегодня же?

— Да, сегодня. Ах, вот мы и приехали! —

удивилась Селина, только теперь заметив, что Митька ловко направил лодку к берегу. Она посмотрела на часы. — В самом деле, мне пора! — решила она и, простившись, быстрыми шагами направилась через Летний сад к дому, занимаемому Линаром.

Уж как-то само собой так выходило, что в те дни, когда граф возвращался вечером к себе от правительницы, он находил у себя поджидавшую его Селину де Пюжи. Если он успевал поехать еще во дворец, все равно подавали ужин для нее, и он, если не ел, то пил вино, и очень часто, когда он приходил особенно недовольным, скучным и не в духе, Селина умела развеселить его.

В этот вечер она была особенно мила и остроумна, заставила его выпить больше обыкновенного и в конце концов на другой день утром вернулась к себе победительницей. Она знала тайну флорентийского альбома.

34 КАЩЕЙ

Едва ли когда-нибудь народная молва и фантазия возвышалась до такой силы провидения, как тогда, когда создавался образ Кащея Бессмертного.

Больной, но живучий почти до бессмертия, старый Остерман служил истинным олицетворением образа Кащея народной сказки. Он был так же скуп, как Кащей, столь же хитер и умен и так же, по-видимому, хотел покорить русский дух и властвовать над ним.

По своему положению сказочный Кащей не был богатырем и не силой тщился овладеть Русью, а хитростью, пронырливостью и коварством. Остерман, хилый и невзрачный, тоже мечтал хитростью и коварством получить верховное управление Россией.

Словно веря в свое бессмертие, он, изможденный, не покидая кресла на колесах, почти не снимая зеленого тафтяного глазного зонтика, не торопился сам и не торопил событий, спокойно выжидая. И в самом деле, им был

свергнут Меншиков, далее, он считал, что, опираясь на него, Миних низложил Бирона, а затем пал сам Миних. Это последнее падение Остерман приписывал тоже себе, и, конечно, в этом была и его работа; недаром Митька Жемчугов заранее рассчитал, как по пальцам, что немцы должны съесть один другого.

Остерман, главным образом, восстанавливал правительницу против герцога Бирона тем, что пугал ее происками Елизаветы Петровны, которой якобы потворствовал Бирон.

Как Кащей направлял свои чары против волоокой царевны Лебеди, так и у Остермана была своя белая лебедь — цесаревна Елизавета, против нее он строил козни, так как, лишь покончив с нею, он мог сказать себе, что его власть полна!

У него было несколько планов того, как отделаться от Елизаветы Петровны, и между прочим, одним из наиболее подходящих средств, по его мнению, было выдать ее замуж за какого-нибудь убогого немецкого принца. Этот план из области предположений пытались даже перевести в действительность, и в Петербург был вызван принц Лю-

двиг Брауншвейгский, родной брат принца Антона, мужа правительницы. Этот принц, при соответствующих воздействиях России, был избран герцогом Курляндским вместо посланного Бирона. В Петербург он явился для открытого сватовства к цесаревне Елизавете, но та наотрез отказалась выйти за него замуж и заявила, что дала обет безбрачия на всю жизнь.

Долго после этого Остерман, сидя один без движения у себя, сжимал свои тонкие губы.

«Ну что ж, если она дала обет безбрачия, то пусть идет в монастырь!» — решил он, и был уверен, что с этих пор участь Елизаветы уже неуклонно предначертана.

Правда, до сей минуты во всю его долгую жизнь всегда все случалось так, как он намечал, и он слишком привык к тому, чтобы все его предначертания удавались. К тому же главное было позади — Меншиков, Бирон, Миних; неужели же ему не удастся справиться с какой-то девчонкой?

Для него Елизавета Петровна была «девчонкой», потому что он помнил ее рождение и привык слишком по-свойски обходиться с

ее мать, императрицей Екатериной Первой.

Он уже несколько раз говорил с Анной Леопольдовной о необходимости заключить цесаревну в монастырь, но та как-то не хотела внимательно отнестись к этому и говорила, что надо найти Елизавете Петровне какую-нибудь вину, хотя Остерман стоял на том, чтобы сначала ее заключить, а потом-де вина найдется.

Но вернее сказать, правительнице до этого не было дела, — она была слишком занята своим третьим Летним садом, и это наконец стало надоедать Остерману. Анна Леопольдовна, вместо того чтобы, предоставив ему полностью всю власть, как он хотел, самой предаваться изнеженности царственной жизни, хотя и пребывала она все время в третьем саду, но дел полностью не передавала, а желала обсуждать их вместе с Линаром. Остерман, уверенный в том, что достигнет всего, чего хочет, в надежде на свой ум, ловкость и хитрость и на опытность в интригах, решил, что если так будет продолжаться, то он заменит Анну Леопольдовну принцем Антоном и даже

провозгласит его императором. К этому открыляло его то, что, прислушиваясь к народной молве, он уловил и предчувствовал, что Anne Леопольдовне долго не продержаться.

— Как ни тяжело было при Anne Иоанновне из-за проклятого Бирона, — уже открыто говорили в народе, — но все-таки не было того, что делается ныне: разве мы можем знать, чьим детям будем служить, если не станет нынешнего государя?

С Анной Леопольдовной сладить было в конце концов нетрудно — в этом Остерман был уверен, но вся сила была в цесаревне Елизавете Петровне и надо было если не найти, то хоть создать причину для скорейшей и решительной расправы над ней.

Остерман пробовал обращаться к английскому посланнику Финчу с предложением, чтобы тот подпоил лекаря Елизаветы Петровны и выпытал у последнего данные, которые могли бы служить против Елизаветы Петровны. Однако Финч ответил, что слаб головой на вино, а Лесток наоборот очень крепок и может много выпить, потому и больше вероятности, что проговорится он, Финч, Лестоку,

а не наоборот. Но и это не отбило у Остермана охоту искать улику на цесаревну, и он решил во что бы то ни стало добиться своего.

35

ТАЙНА АЛЬБОМА

Тайна, допытаться которой удалось-таки Се-
лине наконец, была очень проста и заклю-
чалась в том, что граф Линар был влюблен
по-настоящему, той любовью, при которой
мужчины не веселятся, а только грустят.

Предметом его любви была итальянская
актриса, приехавшая в Дрезден в театр на
гастроли, знатная по своему происхождению,
но скрывавшая свое имя под артистическим
псевдонимом. Линар уехал из Дрездена вслед
за ней во Флоренцию, и там они виделись,
так что флорентийские виды были действи-
тельно связаны для него с воспоминаниями о
пережитых им там незабвенных минутах.

Эти минуты были особенно пленительны
и заманчивы для графа, потому что в первый
раз он относился к женщине с чувством, в ко-
тором вовсе не стояло на первом плане обла-

дание ею. Поэтому его любовь к итальянке казалась ему «святой», после поездки в Италию он сразу как бы помолодел душой и чувствовал себя словно после нравственной бани.

Он даже не подозревал, что на земле могут существовать хорошенькие, изящные женщины, которых такому мужчине, как он, нельзя было бы заставить стать после некоторого времени ухаживания любовницами. Итальянка явилась для него исключением и потому казалась перлом среди человечества.

Он предложил ей руку, готов был предложить все и жениться на ней, но она, как оказалось, была замужем и как верная католичка не могла допустить развод. Он учился там итальянскому языку и читал с ней в оригинале Данте, преимущественно те места, где итальянский поэт говорит о своих чувствах к Беатриче. Они применили идеальность этих чувств к своим отношениям, и их свидания, даже проходившие наедине, обходились без поцелуя, без рукопожатия, без всего, что надо влюбленным и что имело хоть какой-нибудь чувственный характер.

Словом, когда Селина де Пюжи узнала обо

всем этом, очень ловко все выведав у графа, она внутренне сказала себе: «Je m'en fiche»[1].

Выведывая, она прикинулась очень набожной и чувствительной, но, вернувшись домой, отколола перед Грунькой такую сарабанду, что даже запыхалась, а потом, хлопая в ладоши, заявила:

— Теперь, значит, будем готовить наш отъезд в Дрезден! Что нам нужно для этого сделать?

— А вот об этом мне надо у Митьки спросить! — сказала Грунька.

— Ах, красавец-сержант! Ведь он гениален! Ну хорошо! Лети к нему!

Грунька накинула на себя плащ, села в карету Селины и отправилась к Гремину.

Василий Гаврилович и Митька ждали ее к обеду. Стол был накрыт в саду.

— Ты одна? — спросил Груньку Жемчугов. — Ну и отлично! А то Василий затеял окрошку, а твоя француженка, может, ее терпеть не может!

— Всякому свое, — проговорил Гремин, хлопоча у стола, — французы не могут понять, как мы можем есть наши холодные су-

пы, то есть окрошку и ботвинью, а я представить себе не могу, как они могут есть лягушек.

— Да не говорите гадостей! — остановила его Грунька, садясь у приготовленного для нее прибора.

— Ну вот! А для Селины де Пюжи окрошка — такая же гадость, как для нас лягушки!

— Ну, что нового? Она узнала что-нибудь? — обратился Жемчугов к Груньке.

— Потеха! — сказала Грунька и передала во всех подробностях все, что услышала от француженки о любви Линара к итальянской актрисе.

— Поразительно! — раздумчиво произнес Митька. — Как этого графа только хватает? С одной стороны итальянка без поцелуя на одних вздохах, с другой — Селина, а тут же принцесса Анна Леопольдовна и третий сад! Если мне скажут, что есть еще кто-нибудь, я этому не удивлюсь.

— У иностранцев все это как будто и естественно выходит! — заметил Василий Гаврилович. — Я думаю, что это оттого, что там мужчины очень обабились!

— Ну хорошо! — остановила его Грунька, с аппетитом принимаясь за окрошку. — Ну вот теперь ты, Митька, узнал тайну альбома; что же ты теперь намерен с этим делать дальше?

Митька только что выпил рюмку водки и прожевывал осетровый балык с зеленым огурчиком.

— погоди, сейчас! Дай прожевать!

— Аграфена Семеновна, а грибочков-то, грибочков! — угощал Василий Гаврилович.

Но Грунька всецело предалась окрошке и только отмахнулась от него.

— Вот что! — сказал Митька, покончив с балыком. — Теперь надо у твоей принцессы заснувшее болото всколыхнуть! Необходимо, чтобы Анна Леопольдовна узнала, что граф Линар любит не ее, а другую! Это снова заставит заиграть страсти... Слышишь, Грунька?

— Слышу! Только на себя этого не возьму!

— Боишься?

— Да, боюсь, но не того, что не сумею сделать это как нужно, а вот чего: ведь такая баба, как Анна Леопольдовна, никогда не простит мне, что я была причиной того, что у нее все полетело вверх дном. Нет, тогда моя пе-

сенка во дворце спета! Тут надо найти другой путь. Нужно Селину опять нарядить гадалкой!

— А с другой стороны надо пустить жупела через Андрея Ивановича Остермана, — сказал Василий Гаврилович. — У меня есть как раз хорошая дорожка к нему, через его шурина Стрешнева. Мы с этим Стрешневым всё в трактире встречаемся! Мастер выпить, насколько можно понять, пьет неспроста, а в тех же целях, что и я, по питейным заведениям тыкается. Он, вероятно, для Остермана о настроении в городе осведомляется. Стоит только рассказать ему что-либо под секретом, все сейчас же его зятю перейдет.

— И это хорошо! — одобрил Митька и, наполнив большую рюмку наливкой, протянул ее к Гремину. — Твое здоровье, Василий Гаврилович!

ОТ МАЛЫХ ПРИЧИН

Конечно, никому и в голову не приходило, что судьба России до некоторой степени зависела от того, что в начале сентября 1741 года крепостная актриса Грунька и дворянский сын Митька Жемчугов с Василием Гавриловичем Греминым съели окрошку. А между тем, эта окрошка в данной цепи причин несомненно имела свое место, и может быть, если бы изъять ее из этой последней, события направились бы несколько иначе, чем они произошли на самом деле.

После разговора за обедом Гремин отправился в трактир, где встретил Остерманова шурина Стрешнева и сообщил ему под строжайшим секретом, что граф Линар лишь из политических мотивов проводит свои дни у правительницы в третьем саду, но на самом деле влюблен в другую и эта другая всецело владеет его сердцем. Стрешнев с места отправился к Остерману, горя нетерпением рассказать ему эту важную весть.

Старый дипломат внимательно выслушал и, по-видимому, остался очень доволен этой новостью; он даже внутренне удивился, как это ему не пришла в голову возможность такой комбинации.

Он уже давно изменил свой взгляд на Линара и считал его очень вредным для себя. Он ничего не имел против того, чтобы отдалить графа от принцессы Анны Леопольдовны. И вдруг теперь сам собой являлся способ для этого. Если можно найти неопровержимые доказательства этого, то и нечего раздумывать — тогда рассерженная принцесса даст отставку вероломному графу.

Остерман был большим сердцеведом вообще, но женского любящего сердца не знал как следует, потому что сам он никогда не только не проходил «науки страсти нежной», но влюбленным-то даже в молодости никогда не был. Царь Петр, заметив сметку и способности умного немца, выбрал ему в жены Марфу Ивановну Стрешневу, девушку из чисто русской боярской семьи, и обвенчал их, не спрашивая, нравятся ли они друг другу, или нет. Царю нужно было просто-напросто обрусить

Остермана для своих видов.

Затем Андрей Иванович предался службе, и все чувства, до любовных включительно, сосредоточились у него в невероятной скупости. О любовных делах он мог судить, только раскидывая, как говорится, умом, и вот по-умственному у него выходило, что Анна Леопольдовна непременно должна из ревности вознегодовать на Линара.

Остерман послал соглядатая к дому графа, и тот донес ему, что действительно у Линара часто бывает молодая женщина, которая к нему приезжает, не стесняясь, в карете.

Тут вышла как будто ошибка в расчетах, сделанных Митькой. Он, желая «поднять застывшее болото», пустил «жупела» о настоящей любви графа Линара — оказалось же, что обстоятельный немец Остерман обратился к фактам и наткнулся на Селину де Пюжи. Это было не совсем то, но в сущности привело к тем же результатам.

Остерман при своем докладе сумел очень ловко и осторожно ввернуть словцо о том, что в дом, занимаемый графом Линаром, часто приезжает в карете молодая женщина и

что это может дать повод к подозрениям, что уж не сам ли это саксонский посланник занимается амурными делами, а для посланника такие дела весьма опасны.

Анна Леопольдовна настолько владела собой, что при словах Остермана и бровью не повела. Но когда после этого по обыкновению к ней явился Линар через калитку, соединявшую третий сад со двором дома, где жил граф Линар, правительница встретила его в аллее одного и, сделав несколько быстрых шагов ему навстречу, проговорила:

— Я хочу знать правду, как бы она ни была ужасна; я требую, чтобы ты мне все сказал!

— Что такое? В чем дело? — удивленно спросил Линар.

— Скажи, Карльхен, любишь ли ты какую-нибудь другую?

Линар невольно смутился. Ответить прямо «нет» он не захотел, потому что это была неправда. В отношении Анны Леопольдовны он, конечно, не особенно боялся произнести неправду, так как вся его «история» с ней была деланна, искусственна. Но сказать, что он любит, ему казалось святотатством пред той,

которая была во Флоренции.

Анна Леопольдовна подозрительно взглянула на него и, схватив его за руку, спросила снова:

— Так это правда?

— Что — *это правда*? Кто и что сказал вам? Почему этот вопрос? — невольно построжав, сердито спросил Линар. — В чем дело?

— В том, что к вам каждый день в дом ездит в карете неизвестная женщина!

У графа отлегло от сердца. Все это было далеко от его Флоренции, и потому тут он был полным хозяином и над собой, и над обстоятельствами.

— Ах это-то! — рассмеялся он. — Ну да! Ко мне ездит француженка!

— Француженка? — перебила принцесса.

— Селина до Пюжи.

— Какое неприятное имя!

— Самое обыкновенное для француженки.

— Но кто же она такая?

— Она — куртизанка... метреска...

Анна Леопольдовна отстранилась от него.

— Куртизанка? Метреска? И вы мне это так прямо говорите?

— Да, говорю, потому что в этом нет ничего предосудительного.

— Но я не хочу, чтобы любимый мною человек принимал у себя француженок-куртизанок!

— Даже когда это делается для вашей же пользы?

— Для моей пользы? — воскликнула Анна Леопольдовна. — Но это чудовищно! Вы надо мной издеваетесь, граф!

— Нет, только оберегаю вас. Скажите, принцесса, неужели вы думаете, что если бы я хотел обманывать вас, то для этого не нашел бы средств, чтобы от вас скрыть свои свидания с француженкой? Но она бывает у меня настолько открыто, что даже досужие соглядатаи заметили это и донесли вам! Дело в том, что в этом-то и состоит мой расчет, чтобы как можно больше народа видело, как ко мне приезжает француженка, и говорило об этом! Пусть лучше говорят о моей связи с Селиной де Пюжи, чем компрометируют моим именем ваше императорское высочество!

Остерман, донося на Линара, не рассчитал только одного — доверчивости любящей жен-

щины, всегда готовой поверить всяким словам любимого человека, успокаивающим ее.

Но зато Митька Жемчугов не ошибся. Наступившее во дворце затишье было прервано, несмотря на то что Анна Леопольдовна поверила спокойному объяснению Линара и вернулась с ним во дворец из сада под руку, мирно и дружественно беседуя.

На террасе их встретила Юлиана Менгден рассказом о том, что принц Антон опять явился во дворец и его опять не пустили. Однако, смеясь и рассказывая, она не могла не заметить у правительницы слегка сдвинутых бровей, что служило у той знаком серьезного усилия мысли. Несмотря на то что Анна Леопольдовна старалась казаться очень веселой и развязной, слишком хорошо знавшая ее Юлиана видела, что правительница чем-то сильно озабочена.

СВАХА

Через два дня после своего разговора с Анной Леопольдовной о Селине де Пюжи Линар сидел у себя утром, рассматривая флорентийский альбом и перелистывая знакомые ему страницы. Накануне принцесса была с ним очень мила, как будто между ними не было никакого разговора о куртизанке. И граф, успокоившись об этом, был убежден, что оно так и есть на самом деле, и снова вернулся у себя дома к своему альбому, то есть к воспоминаниям, связанным с ним.

Старый Фриц доложил графу, что приехала баронесса Шенберг и желает немедленно видеть его по очень важному делу.

Баронесса Шенберг была женой одного из начальников по горнозаводскому ведомству, попавшемуся в каких-то там делах, грозивших ему судебной ответственностью. Однако баронесса при помощи Остермана, попала каким-то образом в число приближенных к правительнице, и это повлияло на ход дела ее су-

пруга, так что последний избегнул правосудия и только вышел в отставку — якобы по своему желанию.

Шенберг вошла к Линару уверенной и твердой походкой, ответила на его поклон официальным реверансом и, усевшись в кресле, произнесла довольно пространную речь, смысл которой заключался в том, что в Петербурге, как и во всякой столице, ужасно много злых языков, что эти злые языки весьма падки на повторение всяких сплетен и что эти сплетни в последнее время слишком уж много занимают им, графом Линаром, и принцессой-правительницей. Она говорила чрезвычайно смело, почти без всяких обиняков, словно была полной хозяйкой положения и словно все это дело касалось именно ее, госпожи Шенберг.

— Позвольте, баронесса, — наконец придя в себя, проговорил Линар, — но ведь все, о чем вы говорите, прежде всего касается меня лично! А ведь я не давал вам права входить с такой интимностью в то, что касается меня.

— Но это также касается и принцессы! — не смущаясь, отрезала Шенберг.

— А разве принцесса Анна уполномочила вас говорить со мной?

Баронесса выпрямилась и произнесла с расстановкой:

— Я уполномочена говорить с вами ее императорским высочеством!

— Вот как? — усмехнулся Линар. — Вы это говорите совершенно серьезно?

— Совершенно серьезно, граф! И, вероятно, сегодня же, когда вы по обыкновению пожалуете во дворец, сама принцесса подтвердит вам это!

Линар откинулся на спинку кресла, положил ногу на ногу и, прищурившись, посмотрел на баронессу.

— Хорошо! — сказал он. — Что же принцесса уполномочила вас передать мне?

В этом присыле весьма сомнительной баронессы было нечто несомненно унижительное для Линара; он, разумеется, не мог не почувствовать этого.

— Принцесса просила меня передать вам, — проговорила Шенберг, — что она желала бы положить предел раз и навсегда всяким толкам.

«Уж не отставка ли мне? — радостно подумалось Линару, и его сердце забилося от одной возможности покинуть Петербург и сменить его на Флоренцию. — Если это — отставка из-за Селины, — тут же сообразил он, — то все же надо сохранить достоинство».

— Я сам все время только и забочусь о том, чтобы принять меры именно против всяких толков! — поспешно произнес он.

— Но все эти меры принцесса находит недостаточными!

— Значит, по ее мнению, нужно, чтобы я вовсе уехал из Петербурга?

— О нет! Зачем уезжать? — даже испугалась Шенберг. — Нет, этого принцесса вовсе не хочет и я об этом с вами не говорила!

— Но в чем же тогда дело? — несколько разочарованно-удивленно спросил граф.

— Принцесса находит, что вам надобно жениться, граф!

— Жениться?

— Да! Тогда все толки улягутся сами собой!

— Но ведь для того, чтобы жениться, нужно по крайней мере иметь невесту! — усмеялся Линар. — На ком-нибудь я жениться не

могу да и не хочу!

— Зачем же на ком-нибудь? Мы вам невесту найдем подходящую!

— Но ведь я так мало бываю в петербургском обществе и почти никого не знаю там.

— Девушку, которая предназначена вам в невесты, вы знаете очень хорошо!

Чем дальше говорила баронесса Шенберг, тем более казалось графу Линару, что ее слова — не более как месть Анны Леопольдовны за Селину де Пюжи. Он попробовал было принять игривый тон, спросив в этом тоне, улыбаясь:

— Кто же та несчастная, которую я должен осчастливить своим браком с нею?

— Фрейлина Юлиана Менгден! — спокойно ответила баронесса.

Это было сказано настолько серьезно, что невозможно было и мысль допустить, что это — шутка!

Линар встал со своего места и заходил по комнате.

— И таково желание принцессы? — спросил он, останавливаясь.

— Безусловно.

— Ну а сама-то Юлиана?

— Об этом вы не беспокойтесь.

Линар вспомнил, что вчера почти весь вечер Юлиана почти не показывалась, а за обедом, к которому она вышла, она сидела молчаливая и глаза у нее были красны.

«Да неужели же это — правда?» — продолжал еще сомневаться граф.

Но баронесса опять-таки серьезно заключила:

— Принцесса будет сегодня ждать, что вы, приехав к обеду, дадите ответ.

— Передайте принцессе, что сегодня я нездоров и не могу выехать из дома, а потому свой ответ пришлю в письме.

ОТВЕТ

«Нет, это уж чересчур! — мысленно повторял Линар, расхаживая по своему кабинету после отъезда баронессы Шенберг. — Нет, положительно, это уж чересчур!»

Он подошел к оставленному им раскрытым флорентийскому альбому и, словно чтобы не опорочить его совершающимся, поспешно закрыл его.

Рассудив и обдумав, он понял, что приезд баронессы и все то, о чем она тут говорила, отнюдь не шутка и даже не месть обиженной принцессы Анны Леопольдовны, но комбинация, значительно закабалавшая его, графа Линара, в этом совсем уже для него отвратительном Петербурге.

«Это петербургское болото засасывает меня понемногу, — думал он, — и теперь хочет окончательно поглотить меня!»

Действительно, комбинация его женитьбы на Юлиане Менгден могла вполне осуществить тот идеал жизни для Анны Леополь-

довны, который она себе рисовала, то есть замкнуться совсем от света и показываться только в самых исключительных случаях, когда этого требует придворный этикет, и проводить жизнь с Юлианой и им, Линаром.

Граф сообразил, что если он женится на Юлиане, то, очевидно, они будут жить во дворце у правительницы во имя осуществления ее идеалов. И ревновать ей тогда уже будет не к кому, так как там с Юлианой они разберутся, предоставив ему довольно странную роль в сущности даже неизвестно чьего мужа.

«Нет, это из рук вон! — возмущаясь всем своим существом, опять сказал себе Линар. — Ведь на такую жизнь не пойдет никто, а на нее это очень похоже. Это именно в характере Анны. Нет, такую жертву ради политики я не могу приносить!»

И вдруг ему страстно захотелось, чтобы все это было кончено сразу и чтобы эта вдруг остывшая и надоевшая ему принцесса была свержена со своего ни с какой стороны не подходящего для нее места.

Ему захотелось двигаться, говорить и если

не высказать всего, то все-таки хоть разрешить в горячем разговоре все, что бурлило теперь внутри его.

Как раз в это время явился к нему человек, наиболее подходящий для этого разговора, — Митька Жемчугов. Последний иногда заходил к Линару, и тот всегда с большим удовольствием вспоминал их совместное путешествие. Так и теперь граф с особенной радостью встретил Митьку.

— Послушайте, Жемчугов, — заговорил он, — я вот почти год присматриваюсь к русским и не могу их понять. Как они могли справиться с Бироном и не могут окончательно справиться с иноземным влиянием?

— А почему я знаю? — ответил Митька, здороваясь и усаживаясь. — Я политикой не занимаюсь!

— Но все-таки вы же слышите, ходите, разговаривают же с вами?.. Думаю, ведь у вас больше недовольных нынешними правителями, чем довольных?

О состоянии духа Линара Митька, тонко умевший разбираться в изгибах человеческой души, отлично знал по рассказам Сели-

ны. Кроме того, тайна флорентийского альбома, известная ему при посредстве все той же француженки, окончательно позволяла разгадать графа, и он, как бы видя его насквозь, ответил:

— Ну а сами-то вы довольны принцессой?

Линар топнул ногой и заходил по комнате.

— Ну вот видите! — продолжал Митька. — А ведь вы от нее отделаться не можете, хотя и желаете этого!

Граф понимал, что переживает одну из тех минут, когда человек вдруг может выболтать такое, о чем он будет жалеть потом, и потому старался сдержать себя.

Митька внимательно следил за ним, проверяя свои соображения и стараясь подвинуть сколь возможно свое дело. И вдруг, резко меняя разговор, он произнес, видимо лишь для того, чтобы сказать хоть что-нибудь:

— А какую мы на днях у приятеля моего окрошку ели! Вы, верно, не любите окрошки, граф?

— Я никакой окрошки не люблю, — ответил Линар, — а в особенности, когда вас самих хотят искрошить, изрезать, положить в

миску и съесть с мягким хлебом!

— Так не надо даваться!

— Да ведь вы, русские, даетесь же?

— Нам делать нечего! Надо ждать!

— Ждать? Чего?

— Как вам сказать? Такой выходки, которая переполнила бы у нас чашу терпения.

Он произнес это с полным сознанием того, что о происшедшем во дворце он был уже осведомлен через Груньку, которой было уже известно о том, что правительница желает женить Линара на Юлиане Менгден и что для разговоров об этом была послана баронесса Шенберг.

— Какой же выходки вы можете ждать?

— Ну вот говорят, что правительница желает объявить себя самодержавной императрицей.

— Разве об этом говорят?

На самом деле об этом не говорил никто, но Митька произнес это с уверенностью и добавил:

— Повсюду говорят!

— Но это же — неправда! Принцесса и не думает о том, чтобы короноваться импера-

трицей.

— Однако она *сможет* не только подумать о том, но и привести это в исполнение!

— И если это удастся ей...

— Ей это не удастся!

Линар взялся за голову и покачал ею, словно этим чисто внешним движением хотел утешить, убаюкать размечтавшиеся свои мысли.

Митька чутьем понял, что граф доведен уже до «должного» состояния и что, если пожелать исполнить дело, надо его сейчас оставить одного. Поэтому он простился и ушел, а Линар после некоторого колебания подошел к столу, взял лист синей золотообрезной бумаги и уверенным крупным почерком написал:

«Воля Вашего Императорского Высочества для меня закон. Я прошу руки Вашей фрейлины госпожи Менгден Юлианы».

СОЖЖЕНИЕ КОРАБЛЕЙ

Отправив во дворец свой письменный ответ с согласием жениться на Юлиане Менгден, Линар почувствовал необыкновенную веселость и легкость, словно с его плеч свалилась большая тяжесть. Отослав письмо принцессе, он тотчас же велел принести ящики и уложить в них итальянские альбомы. Потом он сел обедать и только что хотел послать за Селиной де Пюжи, как вдруг увидел перед собой появившуюся с террасы принцессу Анну Леопольдовну. Она была одна, в накинутом на голову и завязанном у подбородка платочке — своим любимом головном уборе.

— Вы — здесь? — спросил Линар с удивлением, которое выказалось у него настолько искренне, что он даже не сумел прикрыть его поддельной радостью.

— Я пришла навестить больного, — ответила принцесса. — Что же тут удивительного? Ведь входит же в обязанности принцев и принцесс посещение больных.

— Но как же ваше высочество пожаловали вот так, невзначай?

— Через комнату из третьего сада к вам в дом.

— Но ведь ключ от нее у меня!

— Когда ее делали, было сделано два ключа; один я дала вам, а другой оставила у себя.

— Какая счастливая мысль! — хотя несколько поздновато, но радостно воскликнул Линар.

Правительница обошла стол и, протянув обе руки графу, спросила.

— Итак, ты согласен?

— На что?

— На брак с Юлианой.

— О, да! По-моему, это — очень счастливая мысль, — опять произнес Линар, не обращая внимания на то, что повторяет фразу, сказанную им только что по поводу второго ключа.

— Ты понимаешь, ведь мы тогда будем вместе навсегда, — стала объяснять Анна Леопольдовна. — Как муж моей приятельницы, ты будешь жить в самом дворце.

Линар это так и знал.

— Но сама Юлиана как к этому относится?

— Ах, она, конечно, немножко поплакала. Ведь немножко плачет всякая девушка, когда ей приходится выходить замуж, и потом ей все-таки немножко грустно уступать своего будущего мужа мне. Но она — мне такой друг, что сделает это для меня, и к тому же мы все трое будем всегда вместе. Ты видишь теперь, как все хорошо устроится и тебе не нужно будет никакой противной француженки.

Линар увидел, что со стороны Анны Леопольдовны в ее плане женить его на своей любимице не было и тени какой-нибудь мести за Селину, как он сначала думал. Она руководствовалась исключительно себялюбивым чувством удовлетворения собственных желаний и в своей наивности была уверена, что все и всё создано лишь для удовлетворения ее прихотей.

Анны Леопольдовны не хватило даже на то, чтобы кольнуть этой свадьбой за француженку. Граф не ожидал, что она настолько проста.

— Отлично, отлично, — проговорил он. — Значит, я как можно быстрее отправлюсь в Дрезден и постараюсь немедленно вернуться

оттуда.

— Зачем же в Дрезден, и зачем вам нужно уезжать? — упавшим голосом спросила принцесса.

— А как же? Мне это необходимо, так как нужно спросить согласие короля на брак. Я ведь здесь представляю его особу и не могу жениться без спроса.

— Но разве нельзя написать?

— По дипломатическим обычаям требуется личная просьба в данном случае. И потом в письме нельзя изложить все обстоятельства, а это важно. Зная лишь кое-что, в Дрездене могут не разрешить брака, а когда я поеду сам и все разъясню, тогда дело другое.

Анна Леопольдовна смотрела на него и слушала не столько слова, которые он произносил, а самый звук его голоса.

— И зачем мы с тобой родились на высоте, а не в сельской тиши, — протянула она почти нараспев. — Где-нибудь в хижине мы были бы счастливы, не знали бы никаких королей, ни посольств, ни этикетов, а были бы всегда вместе. Вот счастье-то!

— Мы всегда желаем того, чего у нас нет, и

не умеем ценить данное нам судьбой, — произнес Линар.

— Ах, судьба, судьба! — вздохнула Анна Леопольдовна. — А кто может угадать ее? Вот ведь покойная императрица Анна Иоанновна не ждала, не гадала, а вдруг стала императрицей. Да и я тоже... Разве я, живя в Мекленбурге, могла ожидать, что стану правительницей огромной империи?

— Но почему же только правительницей? — проговорил Линар.

— А что еще, Карльхен?

— Как что? То, что имела Анна Иоанновна, то есть корону! Ведь она-то имела еще меньше прав!

— Как? Ты хочешь сделать меня императрицей?

— Не я хочу, но вы должны желать и достичь этого. Я, по крайней мере, буду надеяться, что к моему возвращению из Дрездена найду мою принцессу Анну объявленной и готовящейся к коронации российской императорской короной!

— Но ведь императором объявлен мой сын!

— Он еще не коронован, и, делаясь самодержавной императрицей, вы только прекратите возможность всяких интриг и происков, что будет гораздо полезнее для вашего сына, который, конечно, останется вашим наследником и в свое время получит вашу корону.

В этот день вечером правительница, вернувшись от графа Линара, вызвала к себе Головкина и потребовала, чтобы он представил ей чин коронавания Екатерины и Анны Иоанновны. Граф же Линар, когда от него вышла принцесса, призвал к себе старого Фрица и велел ему как можно быстрее укладывать все вещи и готовиться к отъезду.

— Все вещи? — переспросил Фриц. — Разве мы сюда уже не вернемся?

— Нет, нет, никогда не вернемся! — несколько раз произнес Линар. — Довольно! Чаша переполнилась... я больше не могу!

СУДЬБА

Весть о помолвке графа Линара с фрейлиной правительницы Юлианой Менгден быстро разнеслась по городу, но никаких толков не прекратила и ничего не опровергла, а вызвала лишь улыбки и насмешки да еще большее злословие, чем прежде. Большинство с хихиканьем спрашивало, как же они теперь втроем устраиваться будут?

Многие думали, что это просто остроумная сплетня, которая на самом деле не оправдывается, так как уж чересчур это нелепо и не может сходиться с обстоятельствами, слишком хорошо всем известными. Однако во дворце было торжественно совершено обручение, и свадьба Линара с девицей Менгден объявлена официально. Но вместе с тем всем стало известно, что через два дня после этого обручения граф Линар уезжает в Дрезден якобы для того, чтобы получить разрешение на этот брак.

Этот отъезд многим показался подозри-

тельным, и придворные перешептывались с усмешкой, впрочем весьма резонно говоря друг другу:

— Счастливые женихи так не поступают и не бросают невесты после обручения! Тут что-то путано и неладно!

Эта «неладность» подчеркивалась еще и тем, что сама невеста, Юлиана Менгден, была вовсе не радостна.

Одна только принцесса Анна Леопольдовна, казалось, ничего не замечала и была в восторге от всего, что происходило. Правда, отъезд Линара огорчал ее, но она, словно азартный игрок, зарвавшийся на своих ставках и видящий впереди один только выигрыш, рассчитывала, что он вернется и что время разлуки промелькнет очень быстро. Накануне отъезда Линара у правительницы по обыкновению вечером собрался кружок интимных ее карточных партнеров, и она провела время в их обществе. Отпустив гостей, она удержала Линара и тут сначала довольно спокойно простилась с ним, с твердой уверенностью, что они скоро увидятся. Но вдруг, когда он уже приближался к двери,

чтобы уйти, она кинулась к нему и, всхлипывая, проговорила:

— Карльхен! Мы никогда больше не увидимся!

Граф, как бы боясь выдать себя, поспешно освободился от принцессы и вышел из комнаты, оставив ее одну...

Всю эту ночь не спала принцесса; ей все казалось, что вот-вот граф Линар вернется и скажет, что никуда он не едет, а останется здесь, в Петербурге. Но он не вернулся, и для Анны Леопольдовны стало ясно, что она чу-тьем в последние минуты расставанья угадала истину: граф Линар уехал, чтобы никогда больше не возвращаться!

Как ни убеждала себя принцесса, что это все пустяки, что это ее напрасная мнительность говорит в ней, но с каждым мгновением ей становилось все тоскливее и мучительнее. Изредка, порывами, она вдруг начинала метаться и, воображая, что это проявляется в ней сила воли, капризно топала ногой и сама пред собой высказывала желание сделаться самодержавной императрицей, чтобы доказать, какова она, и заставить графа Линара

вернуться и быть в истинном смысле этого слова у ее ног. Она вспоминала, что, несмотря на то, что граф Линар, украсивший ее туалетную, повесил там картинки, на которых молодые маркизы стояли на коленях перед пастушками, сам он никогда не стоял на коленях перед ней.

Граф Линар уехал из Петербурга рано утром, чуть свет, а в Ропше к его поезду должна была присоединиться Селина де Пюжи, отбывавшая с ним вместе.

Селину поехал провожать в Ропшу Митька, который желал проститься с Линаром, и Грунька, искренне огорченная разлукой с француженкой, с которой она подружилась и была настоящей приятельницей. Митька с Грунькой знали наверняка, что Селина не вернется в Петербург, та тоже была уверена, что увозит своего графа в Дрезден навсегда, так как Флоренции ей бояться было нечего.

— Ну да поможет вам Бог! — сказала Селина, прощаясь. — Я надеюсь, что у вас все будет хорошо и что моя Грунья станет женой красавца-сержанта.

Граф Линар посадил француженку с собой в карету, и, когда они уже совсем отъезжали, Митька замахал и крикнул высунувшейся в окно Селине:

— Берегись итальянских альбомов, у их ящичков ужасно острые углы!

Селина рассмеялась, рассмеялась и Грунька, и веселый и довольный Линар покинул Петербург с беззаботным смехом; долго еще, когда его карета колыхалась по ухабам дороги, он усмехался и говорил:

— Нет, что они выдумали? Женить меня на Юлиане и запереть во дворце! Какой вздор!

Для него это действительно было вздором, потому что при женитьбе на Юлиане предполагалось чаще, чем раньше, видеть Анну Леопольдовну, даже в церкви, так как предполагалось, что он при бракосочетании примет православие и перейдет в русское подданство и займет при дворе пост обер-камергера, вакантный после низвержения Бирона. Но если Линар и жил в Петербурге и действовал там, то исключительно в видах пользы своей родины, а последняя вовсе не требовала перехо-

да на русскую службу.

Чем дальше уезжал Линар от Петербурга, тем становился все веселее и веселее! Анна же Леопольдовна с каждым днем становилась все нервнее, озабоченнее и тревожнее.

Политические дела пошли очень плохо.

По проискам французского посла де ла Шетарди Швеция объявила войну и двинула свои войска на Россию. Анна Леопольдовна отсутствием Линара была выбита из колеи, не знала, что ей делать и что ей начать, а между тем принцесса Елизавета вдруг выказала решительность, граничащую со строптивостью. В Петербург двинулось персидское посольство с богатыми подарками и, между прочим, привело целую партию слонов, надолго оставивших по себе в Петербурге память — до конца девятнадцатого столетия существовала на Песках улица под названием Слоновой. Персидский посланник не явился к цесаревне Елизавете с визитом; она пожаловалась на это правительнице, и Анна Леопольдовна послала к ней двух человек из церемониймейстерской части с извинением. Сделав им выговор, Елизавета сказала:

— Я вам прощаю это, так как вы только исполняете то, что вам приказывают, но скажите Остерману, по вине которого, я знаю, это случилось, что если он забыл, что мой отец и моя мать вывели его в люди, то я сумею заставить его вспомнить, что я — дочь Петра и что он обязан уважать меня.

После этого уже сама Анна Леопольдовна поехала с извинением к Елизавете Петровне.

Цесаревна была с ней чрезвычайно любезна и провожала правительницу на лестницу. Однако тут Анна Леопольдовна оступилась, упала перед Елизаветой Петровной и, поднимаясь, неизвестно почему громко проговорила:

— Я предчувствую, что буду у ног Елизаветы.

Цесаревна сделала вид, что не заметила этого. Но правительница после этого случая как бы еще больше опустилась и стала мучиться предчувствиями.

— Такова уж моя судьба! — говорила она и не желала сделать даже попытку, чтобы предотвратить удары этой судьбы.

ЗЕЛЕНЬКИЙ ПОРОШОК

Митька Жемчугов был очень доволен раз­вертывающимися событиями.

О настроении Анны Леопольдовны он знал через состоявшую при ней Груньку, и это ее настроение как раз соответствовало тому, что, по мнению Жемчугова, было нужно.

Митька имел обыкновение, встав рано и умывшись, долго одеваться, бриться, причесываться, но не потому, что очень заботился об особенной тщательности и изысканности своего туалета, а потому, что любил в это время обдумывать сложные вопросы и работать мозгами и памятью, сопоставляя события и делая нужные выводы. Он не любил, когда ему в это время мешали, и Василий Гаврилович, зная это, оставлял его в покое.

Стоял ноябрь; солнце в Петербурге всходило поздно. Митька поднимался и одевался при огне... Он как раз причесывался и увидел в большое венецианское зеркало, висевшее у него в комнате, что сзади него в комнату во-

шел Гремин.

— Ты что же это раньше меня поднялся? — удивился Жемчугов, знавший, что Гремин любитель поспать.

— Я всю ночь не спал! — ответил Василий Гаврилович. — Я все думаю!

— И о чем же ты думаешь?

— Да все о том же! Знаешь, сил больше моих нет! В России все ведь идет хуже и хуже, и нет никакой надежды.

— Погоди немного, полегчает!

— Ох, Митька, уж сколько мы годим! Говорю, сил нет больше! Ну хорошо, надеялись мы на цесаревну Елизавету Петровну, да, кажется, приходится разувериться в ней. Знаешь, что рассказывают? На днях несколько офицеров гвардии собрались возле ее дворца, выждали, когда она вышла на прогулку, подступили к ней и слезно — понимаешь ли ты? — слезно, от всей души говорят ей: «Матушка, мы готовы все и только ждем твоих приказаний! Что прикажешь нам делать?»

— Ну и что же она?

— Да замахала руками. «Ради самого Бога, — говорит, — замолчите, а то услышат вас,

и вы и себя погубите и меня!» Ну офицеры, конечно, с неудовольствием отступили, и дошло до того, что один прямо и выразился, что она — трусиха и что лучше отстать от нее, правительница куда отважнее будет: вишь, с Бироном расправилась как быстро!

— Ну и что же из того?

— Как что же из того? Это значит, что цесаревна с каждым днем теряет сторонников!

— Эх ты, Простота Тимофеевна! Да ведь если бы цесаревна с первыми встречными ей офицерами о своих планах и действиях разговаривала, так давно ни ее бы, ни нас с тобой не было бы. Да ведь несомненно, что в числе офицеров, остановивших цесаревну, был хоть один сторонник правительницы, тот самый, который в пользу ее и заговорил потом! Да ведь это Елизавету Петровну поддеть хотели!

— Ну а как же она — уж это я достоверно знаю — говорила громко, при своих, что не хочет при помощи войска добывать себе престол, чтобы не «повторять римских историй»!

— Ну и этому только радоваться можно! — сказал Митька. — Гораздо хуже, если, как вот этот год, все сроки назначали, когда она

должна была вступить. Ну конечно, к этим срокам и готовились! Надо, чтобы успокоились и перестали говорить об этом! Ты вот лучше всего делай так, чтобы все думали, что цесаревна и не помышляет ничего предпринимать!

— Мне тоже рассказывали, будто правительница говорила: надобно как можно более ласкать цесаревну Елизавету, чтобы вернее опутать ее, когда придет время!

— Ну это мы еще посмотрим!

— А что это у тебя? — спросил Гремин, показывая на лежавший на столе лист бумаги, исписанный крупным немецким почерком.

— Это, брат, — автограф старого Фрица, камердинера графа Линара. Я с ним сошелся, когда мы путешествовали из Дрездена в Петербург. Видишь ли, он все алхимические книги читал! Ну вот тут, в Петербурге, я ему и отнес твой зеленый порошок в табакерке! Помнишь, я у тебя брал?

Гремин действительно вспомнил, что Митька брал табакерку с порошком, чтобы показать ее сведущему человеку, и потом вернул ее обратно в целости.

— Так этим сведущим человеком и был твой старый Фриц? — спросил он.

— Да! И представь себе, что значит немецкая аккуратность! Он самым тщательным образом составил письменный отчет, то есть целый акт, и вот передал его мне! Я по-немецки плохо разбираюсь, но все-таки доискался смысла. Представь себе, этот старый Фриц знал твоего отца, когда в первый раз приезжал сюда с Линаром в Петербург. Ведь твой отец был приятелем с Брюсом?

— Ну еще бы! Они даже вели переписку, когда Брюс в Москве поселился.

— Ну вот! А уж приятель Брюса не мог не быть алхимиком! И старый Фриц знал твоего отца, именно как человека, преданного алхимии. Но, представь себе, этот порошок в золотой табакерке, по уверению Фрица, ничего общего с алхимией не имеет и никаких таинственных свойств в себе не заключает! Это самая обыкновенная зелень, то есть зеленая краска! По-видимому, и золотая табакерка вовсе не принадлежала твоему отцу, хотя на ней и выгравирован герб Греминых и поставлены инициалы «Г» и «Г», и второй из этих

«Г» несомненно означает «Гремин», но первый не «Гаврила», как звали твоего отца, а «Григорий»! Потому что на дне табакерки полностью вырезано по-французски «Gregoire».

— Да! Совершенно верно, — подхватил Василий Гаврилович, — у моего отца был брат Григорий. Отец был Гаврилой Мартыновичем, а его брат, мой дядя, — Григорий Мартынович! Он был старшим и назван так в честь прадеда, потому что деда звали Мартын Григорьевич. В честь прадеда у нас много слуг окрещено Григориями; вот и дворецкий, что сейчас у меня.

— А ведь он должен помнить Григория Мартыновича!

Ими был призван старик-дворецкий Григорий, и он рассказал, что отлично знал и помнил Григория Мартыновича, который вечно ссорился со своим братом Гавриилом именно за то, что тот предавался брюсовым наукам. Григорий Мартынович уверял, что его брат и свои последние деньги, какие у него были, истратил на алхимию и опыты.

Обыкновенно, приезжая в Петербург, ко-

того не любил, Григорий Мартынович останавливался в комнате, теперь занятой Жемчуговым, и венецианское зеркало, висевшее тут в простенке, принадлежало ему. Григорий Мартынович привез с собой и повесил его в простенке в последний свой приезд, когда поспорил с братом и заявил ему, что лишает его наследства. Умер он в неразделенной с братом усадьбе в Москве, его вотчина оказалась проданной, а куда девались деньги, вырученные от этой продажи, никто не смог узнать. Так и не нашли их. Жемчугов очень внимательно выслушал этот рассказ и проговорил:

— Если табакерка принадлежала Григорию Мартыновичу, то, конечно, она не может содержать в себе что-нибудь алхимического, раз он был противником брюсовых наук, как говорит Григорий. Но что может значить в таком случае этот зеленый порошок?

ПЕРСИДСКОЕ ПОСОЛЬСТВО

Слоны, прибывшие с посольством персидского шаха, были с торжеством проведены по улицам Петербурга. Их было четырнадцать, и все они следовали один за другим попеременно с конными всадниками, гарцевавшими на арабских лошадях. По пути следования этой процессии, тем более странной, что слоны, животные чисто южные, шли по снегу, были выставлены войска и, конечно, толпилась масса народу.

Особенно многолюдно было на Дворцовой площади.

Сюда, чтобы поглазеть на слонов, явился и Митька Жемчугов. Он прислушивался к говору в толпе, изредка кидая то или иное слово, и остановился пораженный, увидев неподалеку от себя человека, который был очень похож на Станислава Венюжинского, но был одет в персидский костюм, с мерлушковой плоскодонной шапкой на голове.

«Что за притча? Неужели это — он?» — ска-

зал себе Митька и направился к человеку в персидском костюме.

Пока тот еще не видел Митьки Жемчугова, могло быть сомнение, Венюжинский это или нет, — но когда их взоры встретились, этот человек так заметно перебеделовался, такой испуг отразился на его лице, что он этим окончательно выдал себя.

Митька прямо пошел на него и резко проговорил:

— Пан Станислав, ты опять мне попался!
Тот даже не пытался вывертываться.

Он только присел, словно ноги у него подкосились, и застыл, по-видимому испытывая тот ужас, который охватывает перед пастью удава кролика, тут же теряющего способность двигаться.

— Очень рад встретиться, — продолжал Митька, — нам с вами нужно свести счеты.

— Пан Дмитрий, — залепетал Венюжинский, — пощадите! Не дайте погибнуть!

— Что же ты думаешь, что я с тобой сделаю, а?

— Нет, не то, что вы сделаете со мной, а только как я вас встречу в своей жизни, так

мне грозит несчастье. Уж это-то верно! О, я снова буду несчастен, если встретил вас!

— Ну брат, больше похоже на то, что встреча с тобою мне грозит какой-нибудь опасностью, так как ты всячески норовишь подвергнуть ей меня. Но на этот раз я буду осторожен. Ну ступай за мной!

Станислав стоял недвижимый.

— Ступай! — повторил Митька.

— Но... куда же мы пойдём?

— Туда, куда я поведу тебя!

— А если я не пойду?

— Тогда я велю взять тебя и отправить в Тайную канцелярию, где разберут, как ты подделал указ Бирона, чтобы арестовать меня.

— Ну тогда я лучше пойду сам за паном, — согласился Венюжинский.

Как ни страшен был ему Жемчугов, но все-таки Тайная канцелярия показалась страшнее.

Жемчугов велел ему идти вперед, а сам пошел сзади, крепко держа его за локоть и направляя его путь. Таким образом он привел его в зеленую комнату кофейни Гидля через

задний ход.

— Где мы? — спросил Станислав.

— В кофейне Гидля. Не страшно! — успокоил его Митька и велел слуге подать кофе.

Лакей исполнил приказание и удалился.

— Ну теперь мы с глазу на глаз, — обратился Митька к Венюжинскому.

— Только я пить ничего не буду, — поспешно сказал тот. — Боюсь!

— Позвольте, пан Венюжинский, — возразил Жемчугов, — во-первых, это вы меня спасивали, и даже два раза, сонным зельем, а во-вторых, сейчас мне незачем употреблять с вами хитрости. Если вы сделаете хоть что-нибудь не по-моему, я с удовольствием вызову слугу. Вас свяжут и доставят в Тайную канцелярию. Обвинение, которое я представляю против вас, право, более чем достаточно для вашего ареста.

— Но я же ничего не делаю, я же, наоборот, делаю все, что вы мне приказываете! — съевшись, произнес Станислав.

— Ну тогда рассказывайте, как вы очутились в персидском посольстве и одеянии.

— Я состою при персидском посольстве.

— Пан Станислав, вы — врите!

— Честное слово, не лгу!.. я состою в слугах при переводчике персидского посольства, который — такой же бедный поляк, как и я.

Оказалось, что переводчик при персидском посольстве был поляком, отправившимся в Персию, чтобы научиться там разным чародействам и вернуться на родину и в Европу, загребать деньги наподобие персидских и индийских гадателей и чародеев, бывших тогда в моде повсюду. Но «разным чародействам» он не научился, а персидский язык выучил и в конце концов пристроился к посольству переводчиком.

Станислав, вернувшись тогда из Пскова, долго скитался по России и наконец на юге попал в услужение к своему соотечественнику, поляку-переводчику, направлявшемуся с посольством и слонами в Петербург.

— Ну а теперь-то что ты делал на площади? Отчего не был со слонами? — спросил его Митька.

— Мне там не место, — гордо пояснил Венюжинский, — слоны не принадлежат к посольству, они отдельно, а я принадлежу и по-

тому не должен быть со слонами.

— Ну а что же ты делал на площади? Ведь не смотрел же ты на слонов, которые тебе, вероятно, надоели во время длинного пути?

Станислав замялся.

— Говори правду, а то я зову слуг, чтобы вязать тебя, — пригрозил ему Митька.

— Я шел с поручением от пана переводчика.

— К кому?

— К Андрею Ивановичу Остерману.

— Ого! И что же, у тебя письмо к нему?

— Да, секретное. Пан переводчик велел мне снести письмо именно сегодня, пока персы заняты со слонами и не могут выследить меня... чтобы я не попался им.

— А ты попался мне. Хорошо!

— Я всегда попадаюсь вам в трудные минуты. Вы — злой дух моей жизни. Я с вами сейчас разговариваю и думаю: «А что если вас нет на самом деле, а это — только злое видение?»

— Я-то, брат, не видение, а вот ты, кажется, морочишь меня, и никакого письма у тебя нет.

— Извините, пан Дмитрий! Честный шляхтич Венюжинский не лжет. Вот это письмо. — И Станислав вынул сложенный и тщательно запечатанный лист бумаги, но без всякой на нем надписи.

— Так тут не написано кому, — сказал Митька.

— Если я передаю секрет в руки, — объяснил Венюжинский, — то адреса не нужно.

— Ну-ка, передай мне! — И Митька взял из рук Станислава письмо.

Тот рванулся к нему.

— Одно движение или слово, — строго сказал ему Митька, — и я зову слуг!

Венюжинский съежился и затих.

— Так как это письмо никому не адресовано, — продолжал Митька, — то я считаю себя вправе распечатать его и прочесть. Ни слова, пан Венюжинский!.. Но, видите ли, если я узнаю что-нибудь интересное из этого письма, то даю вам слово, что отпущу вас на все четыре стороны и прощу раз я навсегда, с тем чтобы вы мне больше на глаза не попадались и не делали никакого зла.

— О, я не попадусь, — вырвалось у Стани-

слава.

Жемчугов спокойно, не торопясь, аккуратно распечатал письмо и прочел его.

Переводчик в письме извещал Остермана, что «все исполнено» и посольство обратится с официальным сватовством от имени шаха персидского, который-де желает взять себе в жены цесаревну Елизавету Петровну.

— Вот оно что! — проговорил Митька. — Да, весть важная. Ну пан Станислав, вы свободны; я держу свое слово и прощаю вас. Ступайте!

— Но мне нужно письмо! — робко сказал Венюжинский. — Что же я стану делать без письма?

— А это что вам угодно. Но советую вам исчезнуть, пока я сосчитаю до трех. Раз... два...

Не успел Митька произнести еще «три», а Станислава уже не было в комнате.

Жемчугов спрятал письмо в карман и, выйдя от Гидля, направился прямо во дворец, где жила цесаревна Елизавета. Он нес туда важную весть.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ НОЯБРЯ

Вице-канцлер граф Головкин чуть ли не каждый день бывал с докладом у правительницы по поводу чина коронования. Это держалось в секрете, но те, кому нужно было знать, то есть во дворце цесаревны Елизаветы, знали, что церемониал всей коронации Анны Леопольдовны уже готов и даже подписан указ о провозглашении правительницы самодержавной императрицей. Известно было также, что ждут лишь дня обнародования этого указа, когда гвардия уйдет из Петербурга на войну против Швеции. Отправка гвардии была назначена на двадцать пятое ноября.

Сама Анна Леопольдовна относилась почти совсем безучастно ко всем этим приготовлениям. С отъездом графа Линара, казалось, всякая энергия упала у нее. За нее, собственно, все делали граф Головкин, обергофмаршал Левевольде и австрийский посол граф Ботта. Она им не мешала, но вместе с тем отстрани-

ла себя от всего, от каждого шага, который она должна была бы сделать лично.

Правительница не верила в свою счастливую судьбу. Ей казалось, что она обречена на гибель. С той самой минуты, когда она, прощаясь с Линаром, вдруг почувствовала, что они больше не увидятся, а он не разубедил ее в этом, она пала духом и не смогла воспрянуть вновь.

Ни Головкин, ни Левевольде, ни Ботта не догадались подослать ей своего рода госпожу Дюкар, чтобы та подбодрила принцессу, а Грунька, сумевшая подсказать это Миниху, не подсказывала им.

Накануне екатерининского дня, то есть двадцать третьего ноября, посол Австрии Ботта ранее обыкновенного явился на вечернее заседание к правительнице и попросил Юлиану Менгден доложить принцессе, что желает видеть ее наедине до прихода остальных гостей.

Сам посол описывает этот свой разговор с правительницей в своих записках и свидетельствует, что сказал ей: «Вы находитесь на краю пропасти, позаботьтесь о себе! Спасите,

ради бога, и себя, и вашу семью!» Вместе с тем правительница получила предупреждающее письмо из-за границы.

Когда гости съехались, им невольно бросилось в глаза, что Анна Леопольдовна была очень встревожена. В карты играть она не села и в сильном волнении ходила взад и вперед по комнате, останавливаясь несколько раз у того стола, за которым играла цесаревна. Наконец, преодолев себя, она тронула плечо Елизаветы Петровны и сделала ей знак глазами, что она желает переговорить с ней. Цесаревна встала, и все видели, как они вышли в соседнюю комнату. Там они пробыли не особенно долго, и когда появились вновь, у Елизаветы горели глаза, но внешне она была невозмутимо спокойна. Она как ни в чем не бывало села за стол и продолжила игру.

Сидевший за другим столом Ботта нахмурился и стал темнее ночи.

На другой день правительница была в Александро-Невской лавре и слушала там панихиду по своей погребенной там матери, принцессе Елизавете Ивановне Мекленбургской, так как это был день именин покойной.

Вечером граф Головкин давал бал в честь своей супруги Екатерины Ивановны, рожденной княжны Ромодановской. Так называемый «весь Петербург» того времени был на балу, но правительница под предлогом поминовения своей матери отказалась от приглашения и отменила у себя обычное вечернее собрание, чтобы не отвлекать гостей от бала у графа Головкина.

Анна Леопольдовна рада была придраться к случаю, чтобы остаться у себя одной, на воле. Она с радостью ждала этого вечера, решив написать длинное письмо к Линару, чтобы послать это письмо ему навстречу в Кенигсберг. У нее был рассчитан по минутам весь предполагаемый ею маршрут Линара на его возвратном пути, и по этому расчету посланный ею с письмом должен был встретить графа в Кенигсберге.

Она надела капот и села к столу писать письмо.

Как раз в это время в ее комнату почти насильно вломился ее супруг Антон, который с отъездом Линара опять получил свободный

доступ к Анне Леопольдовне, Впрочем уже переехавшей из Летнего в Зимний дворец. Он был очень взволнован и, чрезмерно заикаясь от волнения, не мог ничего выговорить.

— Что такое? Что случилось? — стала спрашивать правительница.

Но принц ничего не мог выразить связно.

— Арестовать... Лесток... письмо... Остерман... — с невероятным трудом выговаривал он.

Наконец, после долгих усилий, удалось выяснить, что он явился к жене, чтобы предостеречь ее, и пришел он по указанию Остермана, который просил передать, что сторонниками Елизаветы перехвачено секретное письмо к нему от переводчика персидского посольства и таким образом разглашена тайна о сватовстве персидского шаха к Елизавете Петровне. Теперь можно было ожидать от Елизаветы Петровны какого-нибудь энергичного шага, который можно было бы предупредить только решительными мерами.

Анна Леопольдовна, выслушав это, отмахнулась и раздраженно проговорила:

— Ах, как вы все мне надоели! Все это я

слышала уже двадцать раз! Я вчера прямо спросила принцессу Елизавету, правда ли, что она собирается что-то против меня предпринять, и она дала мне клятву, что офицерам, предлагавшим ей сделать переворот, она заявила о своем отказе, о нежелании повторять римскую историю!

— Да мало ли что она заявляла! А вам-то ведь она не дала обещания...

— Ах, никаких обещаний мне не нужно! — прервала его правительница. — И вообще мне ничего не нужно! Оставьте меня в покое и, кроме того... я ведь просила вашу светлость никогда не вмешиваться в мои дела!

Она так удобно расположилась в капоте за своим столом, ей так хотелось написать письмо графу Линару, что казалось, начнись вокруг нее пожар, она от него отмахнулась бы так же, как только что отмахнулась от предостережения своего супруга. Конечно, тот принужден был уйти.

Анна Леопольдовна до позднего вечера писала письмо и была счастлива этим. А ночью ее счастье прервалось навсегда. Это была последняя ее ночь во дворце.

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

В то время как Анна Леопольдовна в Зимнем дворце, у своего письменного стола, кончала письмо Линару, а «весь Петербург» разъезжался после бала у графа Головкина, Остерман сидел у себя, в своем вечном красном халатике на лисьем меху, в кресле на колесиках и с укутанными одеялом ногами. Перед ним на столе, в шандале, горела сальная свечка — ни масла, ни восковых свечей Андрей Иванович из скупости не жег. Он прищурил один глаз, а другим, улыбаясь, смотрел мимо свечки на стену, но ему казалось, что вместо стены он видит раскрывавшуюся перед ним даль. И в этой дали он предугадывал будущее, которое слагалось именно так, как этого хотел он, Остерман.

Ведь в прошлом он не ошибся ни разу, не ошибается и в настоящем. Ведь теперь все идет согласно его, как он думал, воле.

Только что граф Линар стал ему подозрителен — и вот уже этого Линара нет. Сегодня

принц Антон так настроен, что непременно должен напугать свою супругу, и та, подготовленная маркизом Боттой, непременно отдаст приказ арестовать Елизавету Петровну, которая будет насильно препровождена к персидскому шаху. Эта идея особенно нравилась Остерману.

А затем правительница пожелает объявить себя самодержавной императрицей, он, Остерман, вступится за права малолетнего императора, Анна Леопольдовна будет сражена, и останется только один косноязычный и робкий, недалекий принц Антон, который будет делать все, что ему скажут.

Такая будущность рисовалась перед Остерманом, и в виду этой будущности ему захотелось непременно жить и жить. Поэтому он сейчас же вспомнил про декокт, который обыкновенно принимая на ночь.

Он несколько раз ударил в ладоши, и на этот условный призывной знак появился заспаный казачок. Остерман с отвращением сморщил нос, отвернулся и проговорил:

— Эй, как от тебя пахнет!

— Ничего, Андрей Иванович, это — рус-

ский дух! — послышался сзади казачка какой-то незнакомый голос, и в комнату вошел высокий молодой человек с большими черными глазами и в парике с длинными, вьющимися, падающими на плечи локонами.

— Поди прочь! — сказал он казачку.

Тот, словно ему приказывал его господин, немедленно исчез.

— Куда ты, дурак? — закричал ему вслед Остерман. — Куда ты?

— Напрасно кричите! — остановил его незнакомец. — Ни казачок не вернется на ваш зов, и никто из вашей прислуги не откликнется!

— Как это не откликнется? Что за вздор? — проворчал Остерман, после чего скинул одеяло, встал и старческой походкой, но все-таки совершенно свободно и твердо переступая своими тощими, обутыми в спускающиеся чулки ногами, подошел к двери и хотел отворить ее.

Дверь была заперта снаружи. Остерман направился к другой, но и эта не поддавалась его усилиям: она тоже была заперта с наружной стороны.

— Что же это такое? — произнес Остерман, остановившись и взглядывая сквозь очки на молодого человека.

— Это значит, что мы заперты, — ответил тот, — и что поэтому вам нечего меня бояться, так как я заперт вместе с вами и, значит, не могу ничего предпринять против вас безответственно!

— Я и не боюсь! — сказал Остерман и действительно совершенно спокойно направился к своему креслу и сел опять в него. Он завернул под ноги одеяло и спросил: — Но что же вам угодно от меня и зачем вы ко мне пожаловали?

— Прежде всего я принес вам вот это письмо, написанное вам переводчиком персидского посольства.

— Перехваченное?

— А вам это известно? Значит, вам также известно и содержание этого письма?

— Да, значит! — вызывающе-спокойно и насмешливо произнес Остерман.

— Но ведь то, что вы затеяли, Андрей Иванович, — преступление. Отдать русскую княжну, православную, за магометанина,

персидского шаха, то есть попросту к нему в гарем... да ведь это же — такое преступление, за которое...

— Я просил бы умерить вашу дерзость, потому что не такому молокососу, как вы, произносить надо мой приговор.

— Приговор будет произнесен над вами по установленной форме и законно, я же явился к вам лишь для того, чтобы арестовать вас. Я здесь, чтобы не дать вам возможности скрыться до появления солдат, и ваши люди, запершие нас в этой комнате, заодно со мной!

— По чьему же это приказанию меня придут арестовывать? — опять усмехнулся Остерман.

— По приказанию Елизаветы Петровны, самодержавной императрицы Российской.

— Ошибаетесь, молодой человек! Мне доподлинно известно, что приняты меры к тому, чтобы арестовать принцессу Елизавету Петровну и ее лекаря Лестока. Они обвинены в государственной измене и в сношениях с послом Франции, маркизом де ла Шетарди.

— Вы плохо осведомлены, Андрей Иванович! Могу вас заверить, что Елизавета Пет-

ровна направилась в санях к преображенцам и что все готово к тому, что она поведет их к Зимнему дворцу и сама арестует правительницу, захватившую принадлежащий ей, Елизавете Петровне, прародительский престол. Да вот, кажется, идут к нам люди, которые подтвердят мои слова!

Послышался мерный шум шагов, громкий говор, щелкнул замок в двери, и в комнату, стуча сапогами и гремя оружием, ворвались преображенцы.

— Вы здесь? — сказал молодому человеку бывший с солдатами офицер. — Виват императрице Елизавете!

— Виват! Виват! — подхватил и молодой человек.

За ним гаркнули солдаты, а за солдатами, как эхо, раздалось по всему дому «ура» царице. Это кричали сбегаящиеся слуги Остермана.

Андрей Иванович вскочил, затопал ногами и в припадке неистовства и бешенства стал ругаться площадными словами, обращая свое сквернословие к Елизавете Петровне и в иступленном бессилии грозя ей, что она от-

ветит за нарушение всяческих законов.

Однако солдаты завернули его с головой в одеяло и так, ругающегося и барахтающегося в одеяле, снесли в сани, после чего отвезли во дворец к Елизавете Петровне.

К тому времени туда уже были доставлены арестованные преображенцами Миних, Левевольде и граф Головкин.

Затем явилась туда окруженная солдатами Елизавета Петровна, привезя с собой из Зимнего дворца арестованную «Брауншвейгскую фамилию».

Остальные полки гвардии подходили ко дворцу цесаревны и располагались вокруг него бивуаком. Были разложены костры, стоял говор, раздавались клики. Петербург снова просыпался ночью, как в прошлом году при аресте Бирона, и снова все чины и все высокого звания люди спешили съехаться в Зимний дворец для принесения присяги императрице Елизавете Петровне.

ЧЕРНЫЕ ГЛАЗА

Василий Гаврилович Гремин был разбужен поднявшимся шумом на улице и в доме, где все волновалось и двигалось. Он вскочил, высунулся как был в форточку на улицу и, слышав там крик «виват Елизавете!», неистово завопил: «Вива-а-ат!» — потом накинул на себя шлафрок и в этом шлафроке и в колпаке затопал, засеменял ногами, улыбаясь во все лицо и перебирая в такт:

— Вот так! Вот так! Вот так!

Через минуту он уже командовал Григорию, чтобы тот собирал всех дворовых, выставлял вино и чтобы все пили за здоровье императрицы Елизаветы. Вместе с тем он тащил все свечи, которые только были в доме, к окнам и зажигал их, устраивая таким образом иллюминацию.

Гремин был уверен, что Митька Жемчугов не спит и где-нибудь участвует в «действе». Ему и самому хотелось скорее отправиться куда-нибудь, чтобы тоже двигаться, кричать,

но он еще слишком предавался своей радости и в этой радости ему некогда было одеться.

Он побежал в комнату Жемчугова, чтобы посмотреть на всякий случай, нет ли там Митьки, и, отворив дверь, остолбенел, пораженный. В комнате Митьки сидел, закинув голову и прислонив ее к стене, тот самый молодой человек с великолепными черными глазами, который когда-то принес ему и поставил футляр с табакеркой с зеленым порошком.

Увидев его, молодой человек вскочил и голосом Митьки Жемчугова громко крикнул:

— Дождались мы своего, Василий!

Он сбросил с себя парик, и Гремин увидел, что пред ним действительно стоит Митька.

— Да никак это ты? — воскликнул он.

— Я, брат, я самый! Виват, императрица Елизавета!

Они бросились друг другу в объятия.

— Да как же это так? Что же, ты все видел? Все знаешь? — заговорил Василий Гаврилович.

— Все видел и все знаю! — впопыхах ответил ему Митька. — Я прибежал сюда, чтобы

переодеться и скорее к Груньке во дворец, чтобы не обидели ее, как приближенную бывшей правительницы! А там меня знают только под моим настоящим обличем!

— Но постой! А что же значит этот твой облик? Ну хорошо; парик можно надеть, но глаза? Как ты изменяешь глаза?

— Для этого есть такая жидкость, которую пускают в глаза; от этого зрачок так расширяется, что весь глаз кажется черным.

— Но ведь ты в таком виде принес мне табакерку. Чего же ты меня дурачил?

— Нет, брат, я тебя не дурачил, а исполнил все, как мне было заповедано моей матерью: она научила меня изменять цвет глаз и этот парик мне дала, и сказала, что, когда умрет Гавриил Мартынович Гремин, я должен прийти в его дом, к наследнику его, то есть к тебе, принести и отдать тебе этот футляр с табакеркой.

— Ну а дальше что?

— Ну а дальше я тоже ничего не знаю.

— И не знаешь, как эта табакерка попала к твоей матери от дяди Гри-Гри?

— Что ты сказал?

— Я говорю: «дядя Гри-Гри». Григория Мартыновича звали на французский манер — Гри-Гри.

Митька поднес руку ко лбу, провел ею несколько раз по голове, вдруг схватил трость с тяжелым набалдашником и ударил ею по висевшему на стене зеркалу.

В первую минуту Гремин думал, что Митька хочет выразить этим свою радость, довольно-таки неистовую, по поводу случившегося.

Действительно, событие, которого они так долго ждали и которое переживали теперь, было столь необычайно, что в самом деле по поводу него можно было не только разбить зеркало, но и выкинуть штуку куда сложнее.

Однако за разбитым Митькой зеркалом оказался пергамент; Жемчугов вынул его и, бросив на него беглый взор, проговорил:

— Так и есть! Это завещание Григория Мартыновича и указание, куда он спрятал свои деньги! Они зарыты здесь, под одной из половиц этой комнаты.

Василий Гаврилович взял пергамент, посмотрел на него и, убедившись, что Митька был прав, что это действительно завещание

его дяди, так и сел на стул и, разинув рот, стал показывать вначале на зеркало, а потом на Жемчугова.

— Митька! — залепетал он совсем уничтоженный. — Как же это ты? Зеркало... и вдруг разбил, и там завещание?

— А зеленый-то порошок! — сказал Митька.

— Ну?

— Ну это было указание, и очень ясное, на то, где было спрятано завещание.

— Да как же так, братец? Зеркало, и вдруг зеленый порошок?.. Ничего не понимаю.

— И я не понимал, пока ты не сказал, что твоего дядю звали Гри-Гри. Тогда все стало ясно! Эта самая зелень в табакерке как по-французски называется? *Vert de gris*?

— Ну да, *vert de gris*!

— Ну а «*vert*» по-французски означает также «стекло». Ну а если твоего дядю звали Гри-Гри, то, значит, он указывал этими словами на принадлежавшее ему стекло. А так как ты мне раньше говорил, что это зеркало принадлежало твоему дяде и он сам повесил его сюда, то я смело разбил его, уверенный, что в

нем кроется разгадка табакерки и того, куда девалось состояние Григория Мартыновича... Это было так же просто, как дважды два — четыре.

— Знаешь, — воскликнул Греммин, — будь здесь Селина, она опять сказала бы, что ты гениален, и на этот раз тоже была бы права! Ведь это действительно гениально! Теперь остается только установить, какое отношение ко всему этому имеешь ты и почему именно тебе была поручена табакерка с зеленым порошком.

46

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Граф Линар, как он и ожидал этого, не вернулся в Петербург, в дальнейшем вообще сошел с политической арены и проживал в Дрездене в тиши.

Мало-помалу его чувство к красивой итальянке сгладилось, более она в Дрездене не появлялась, и он потерял ее из виду. Но флорентийский альбом, рассматривание которого осталось по-прежнему его любимым заня-

тием, он берет и все по-прежнему не давал его в руки Селины де Пюжи, остававшейся при нем неизменно.

Когда Василий Гаврилович Гремин отыскал по сделанным в завещании указаниям закрытый его дядей клад, он нашел в железном сундучке, заключавшем в себе деньги, еще и другой пергамент, где было написано, что Григорий Мартынович всю эту операцию проделал по трем причинам.

Во-первых, потому, что он желал, чтобы его деньги не попали в руки его брата Гавриила Мартыновича, помешавшегося на алхимических опытах.

Во-вторых, потому, что хотел, чтобы его деньги перешли к людям с мозгами, а для того чтобы разгадать хитрость с зеленым порошком, нужно было иметь действительно большую сообразительность; и ее выказал Митька.

В-третьих, Григорий Мартынович обставил так сложно все свое наследство потому, что Митька Жемчугов был его сыном.

Само собой разумеется, что это должно было оставаться тайной, пока были живы все

действующие лица этого погребенного в прошлом романа. Вот почему мать Жемчугова только перед смертью передала ему табакерку с наставлением, что делать с нею. Сама она тайны зеленого порошка не знала, и эта тайна должна была открыться лишь после смерти отца Василия Гавриловича, да и то, если молодые люди сумеют разрешить загадку.

Они сумели это сделать и поровну разделили наследство, вследствие чего Жемчугов стал богатым человеком.

За услуги, оказанные им императрице Елизавете при вступлении на престол, он был награжден чинами и женитьбой на Груньке, которая была выкуплена на волю самой императрицей Елизаветой Петровной.

Василий Гаврилович был у них шафером на свадьбе, а потом крестил их детей. Он любил повторять, когда, бывало, попадала ему на глаза табакерка с зеленым порошком:

— Ведь вот подумаешь! Не догадайся тогда Митька относительно этого порошка, так ведь и остались бы деньги зарытыми в подполье! И сколько, может быть, таких кладов хранится в земле неоткрытыми! Очень может

быть, что не у одних у нас, а и в других семьях есть оставшиеся от предков вещи, в которых заключается указание на подобные же клады, и только понять это указание не могут.

— Ну а мы свое поняли! — ответил ему Митька. — И будем довольны тем, что у нас есть!

Наградив своих приверженцев, Елизавета Петровна круто и даже жестоко расправилась со своими врагами.

Остерман, Миних, Головкин, Левевольде, президент коллегии барон Менгден и действительный статский советник Тимирязев были обвинены в том, что злобно желали лишить государыню императрицу Елизавету Петровну принадлежавшего ей родительского престола. Их приговорили к смертной казни, ввели на эшафот, но там объявили помилование. Остермана отвезли в ссылку в Березов, Левевольде — в Соликамск, Головкина — в Собачий острог, Миниха послали в ссылку в Пелым, где находился Бирон, который теперь, по распоряжению императрицы Елизаветы, возвращался с «почетным» паспортом на жи-

тельство в Ярославль. Говорят, на одной из станций при перепряжке лошадей они встретились и только молча смотрели друг на друга, но не сказали ни слова.

«Брауншвейгская фамилия» сначала была отправлена по дороге за границу, но в Риге ее задержали, и тут принцесса Анна Леопольдовна с принцем Антоном и фрейлинами Юлианой и ее сестрой Якобиной Менгден жила около года в крепости. Затем их перевезли в Рязанскую губернию, в город Раненбург, основанный когда-то Меншиковым.

Из Раненбурга Анна Леопольдовна, разлученная здесь с сыном и с Юлианой Менгден, была отправлена с мужем и с родившейся у нее дочерью в заточение в Соловецкий монастырь. Но по дороге они были оставлены в Холмогорах, в опустевшем архиерейском доме, переустроенном в нечто вроде крепости. Брауншвейгская фамилия была помещена в трех комнатах и на прогулку могла выходить лишь на небольшую часть двора, обнесенную высоким частоколом.

Томясь в этом заключении, бывший принц Антон постоянно упрекал жену, зачем она на-

чала тогда свою борьбу против Бирона, и беспрестанно повторял слова покойной императрицы Анны Иоанновны, сказанные ею перед самой смертью:

— МНЕ ЖАЛЬ ТЕБЯ, ГЕРЦОГ!

Конец

Примечания

1

Буквально: «На это можно наплевать» (*разг. фр.*).

[^^^]